

Константин Рыжов

Человечество: История. Религия. Культура

Древний Рим

Константин Владиславович Рыжов
Человечество: История.
Религия. Культура Древний Рим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44592071

SelfPub; 2019

Аннотация

Политическая история государств, религиозные искания, культурные достижения в различных областях искусства, науки и техники будут представлены в нескольких книгах серии "Человечество: история, религия, культура". Данный том посвящен цивилизации Древнего Рима и охватывает события с VIII в. до н. э. по V в. н. э.

Содержание

I. Патриции и плебеи. Завоевание Римом Италии	9
1. Римское царство	9
Области и племена Древней Италии	9
Ромул	10
Нума Помпилий	19
Тулл Гостилий	21
Анк Марций	23
Тарквиний I Древний	25
Сервий Туллий	29
Тарквиний II Гордый	34
2. Римская республика в V–III вв. до Р.Х.	37
Первые консулы. Война с Порсеной	37
1) Первые консулы. Луций Юний Брут	37
2) Война с Порсеной. Гай Муций	41
Институт диктатуры. Первая Латинская война	44
Начало борьбы патрициев и плебеев.	45
Трибунат	
1) Возмущение 495 г. до Р.Х. и война с вольсками	45
2) Первый уход плебеев из Рима и учреждение трибуната	50

3) Гней Марций Кориолан	51
4) Смерть Гнея Генуция	54
5) Новый избирательный закон для плебейских трибунов	55
6) Смерть Аппия Клавдия	60
Кодификация законов	62
1) Начало борьбы за кодификацию	62
2) Цезон Квинций	64
3) Первая диктатура Цинцинната	67
4) Решение о кодификации законов	71
5) Первый децемвират	72
6) Второй децемвират	75
7) Преступление Аппия Клавдия	77
8) Второй уход плебеев из Рима и низложение децемвиров	81
9) Военные трибуны с консульской властью	83
10) Учреждение должности цензора	86
11) Заговор Спурия Мелия	87
12) Плебеи получают доступ к должности квестора	91
Покорение Вей	93
1) Объявление войны. Военный налог	93
2) Начало осады	96
3) Поражение римлян	98
4) Первые военные трибуны из плебеев	100

5) Первая диктатура Камилла. Падение Вей	103
6) Вопрос о переселении в Вейи	108
7) Изгнание Камилла	112
Захват Рима галлами	114
1) Начало войны с галлами	114
2) Битва при Аллии. Разгром римской армии	117
3) Сдача Города	119
4) Галлы занимают Рим	120
5) Камилл отражает галлов от Ардей	123
6) Камилла провозглашают диктатором	124
7) Ночной штурм Капитолия. Марк Манлий	125
8) Переговоры и выплата выкупа	127
9) Разгром галлов	128
10) Законопроект о переселении в Вейи	130
Войны римлян после ухода галлов	132
1) Третья диктатура Камилла	132
2) Новые граждане и новые трибы	135
3) Возрождение Рима после пожара	136
4) Победа Камилла под Сатриком	136
5) Победы Камилла под Сутрием и Непетом	139
6) Выступление Марка Манлия	141
7) Вторая победа Камилла над	146

вольсками	
8) Поход Камилла против тускуланцев	150
Доступ плебеев к высшим должностям	152
1) Гнет долгов и всеобщее уныние народа	152
2) Начало борьбы плебеев за консульство	154
3) Четвертая диктатура Камилла	157
4) Победа плебеев	158
5) Мор. Смерть Камилла	159
6) Диктатор Луций Манлий и его сын Тит	160
7) Война с галлами. Подвиг Манлия Торквата	163
8) Рутул – первый диктатор и первый цензор из плебеев	165
9) Марк Валерий Корв	167
Первая Самнитская война	170
1) Кампанцы вовлекают римлян в войну с самнитами	170
2) Битва у горы Гавра	173
3) Вторжение в Самний. Подвиг Публия Деция	175
4) Сражение под Свессулой	177
5) Завершение войны	178
Вторая Латинская война	179

1) Начало войны	179
2) «Манлиев праведж»	182
3) Сражения у Везувия и Трифана	185
4) Завершение войны	187
Вторая Самнитская война	191
1) Начало Второй Самнитской войны	191
2) Успешные действия римлян и измена греков	194
3) Отмена долговой кабалы	196
4) Начало войны с вестинами и избрание диктатора	197
5) Неповиновение Фабия и суровость Папирия	199
6) Победа Авла Корнелия Арвина	204
7) Кавдинская катастрофа	206
8) Победа римлян под Луцерией	211
9) Цепь самнитских поражений	213
10) Война с эрусками	215
11) Победа Папирия Курсора в Самнии	219
12) Победы Квинта Фабия над умбрами и самнитами	221
13) Завершение войны	223
Третья Самнитская война	227
1) Диктатура Марка Валерия Максима	227
2) Начало Третьей Самнитской войны	230
3) Консульство Луция Волумния и	235

Аппия Клавдия

4) Битва при Сентине

237

Конец ознакомительного фрагмента.

241

I. Патриции и плебеи. Завоевание Римом Италии

1. Римское царство

Области и племена Древней Италии

Считается, что древнейшим населением на Апеннинском полуострове были лигуры, говорившие на каком-то неиндоевропейском языке. Затем в Италию переселились другие народы, и в первой половине I тыс. до Р.Х. этническая карта полуострова выглядела следующим образом. На крайнем северо-западе, в Лигурии, жили лигуры. К югу от реки По, на побережье Тирренского моря, в Этрурии, жили этруски, а на побережье Адриатического, в Умбрии, – умбры. Южными соседями умбров были пицены, южными соседями этрусков – латины. Область проживания первых именовалась Пиценом, вторых – Лациумом. Латинов окружали племена сабинов, эквов, герников, и вольсков. Все они говорили на итальянских языках. Между Пиценом и Латином, в Самнии, жили племена самнитов, а также родственные им марсы и марруцины. На юге к Лацию примыкала плодородная Кампания,

населенная племенами осков и авзонов. Далее на юг лежала Лукания, где также жили оски и луканы. Южные и юго-западные берега полуострова густо заселяли греческие колонисты, имевшие здесь такие крупные города как Кумы, Неаполь, Тарент, Сибарис, Кротон и другие. К востоку от этих областей лежали Апулия и Калабрия, населенные япигами. Из всех народов населявших Италию, самыми могущественными в середине 1 тыс. до Р.Х. были этруски. Их богатые, многолюдные города вели обширную морскую торговлю, имели сильные сухопутные войска и много боевых кораблей. Однако великое будущее было суждено не им, а Риму – в то время небольшому городку в Лациуме, на берегах Тибра.

Ромул

Согласно римской традиции, дед Ромула, Нумитор, который по праву старшинства должен был править в латинском городе Альбе Лонге, утратил престол из-за козней своего брата Амулия, захватившего власть. К преступлению прибавляя преступление, Амулий истребил мужское потомство брата, а его дочь Рею Сильвию, под почетным предлогом – избрав весталкой – обрек на вечное девство. Но весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса – то ли веря в это сама, то ли потому, что преступенье, виновник которому бог, – меньшее бесчестье. Од-

нако ни бог, ни люди не защитили, ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз разлился, покрыв берега стоячими водами, — нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставили новорожденных в ближайшей заводи. Когда вода отхлынула, лоток с детьми оказался на суше. Здесь его нашел смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. (Ливий: 1;3—4).

Плутарх пишет, что все это произошло с введом Нумитора, который втихомолку помогал растить найденной. Детям дали имена Ромул и Рем. С первых лет жизни мальчики отличались благородной осанкой, высоким ростом и красотой. Когда же они стали постарше, то оба выказали отвагу, мужество, умение твердо глядеть в глаза опасности, одним словом — полную неустрашимость. Но Ромул был, казалось, крепче умом, обнаруживал здравомыслие государственного мужа, и соседи, с которыми ему случалось общаться, ясно видели, что он создан скорее для власти, нежели для подчинения. Случилось раз, что пастухи Амулия повздорили с пастухами Нумитора и угнали их стада. Ромул и Рем, не стерпев, избили и рассеяли обидчиков и, в свою очередь, завладели большой добычей. Гнев Нумитора они не ставили ни во

что и начали собирать вокруг себя и принимать в товарищи множество неимущих и рабов, внушая им дерзкие и мятежные мысли.

Но однажды, когда Ромул исполнял какой-то священный обряд, пастухи Нумитора повстречали Рема с немногими спутниками, набросились на него и, выйдя победителями из драки, в которой обе стороны получили и раны и тяжелые ушибы, захватили Рема живым. (Плутарх: “Ромул”; 6–7). Его обвинили перед Амулием в том, что он делал набеги на землю Нумитора и с шайкой молодых сообщников, словно враг, угонял оттуда скот. Разобрав дело, Амулий повелел передать Рема Нумитору для казни. Между тем Фавстул, с самого начала подозревавший, что в его доме воспитывается царское потомство (ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах), но не желавший прежде времени открывать эти обстоятельства, теперь, принуждаемый страхом, все открыл Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминание о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема. Так замкнулось кольцо вокруг царя. Ромул, назначив время, велел всем пастухам прийти к царскому дому, – каждому иной дорогой – и напал на царя. Из дома Нумитора пришел на помощь Рем с другим отрядом. Так был убит Амулий, а Нумитор получил обратно Альбан-

ское царство.

Ромул и Рем были объявлены наследниками деда, но их охватило желание основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны. Обстоятельства благоприятствовали их замыслам. У альбанцев и латинов было много лишнего народа, и, если сюда прибавить пастухов, всякий легко мог себе представить, что мала будет Альба в сравнении с тем городом, который предстоит основать. Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти и отсюда – недостойная распря, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в годах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот решили, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знаменiem указали, кому править новым государством. Ромул местом наблюдения избрал Палатин, а Рем – Авентин. Рему, как передают, первому явилось знамение – шесть коршунов, – и о знамении уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Теперь единственным властителем остался Ромул, и вновь основанный город получил название от имени своего основателя.

Приступив к строительству, Ромул (753–716 гг. до Р.Х.) прежде всего укрепил Палатинский холм – то место, где он был воспитан. Затем он собрал толпу на собрание и дал ей

законы, ибо ничем, кроме законов, он не мог сплотить ее в единый народ. Понимая, что для неотесанного люда законы его будут святы лишь тогда, когда сам он внешними знаками власти внушит почтение к себе, Ромул стал и во всем прочем держаться более важно и, главное, завел двенадцать ликторов, которые повсюду сопровождали его, неся фаски (связки розог с вставленными в них топорами). Город между тем быстро рос, занимая укреплениями все новые места, так как укрепляли город скорее в расчете на будущее многолюдство, чем сообразно тогдашнему числу жителей. (Ливий: 1;5–8).

Как только поднялись первые здания Рима, граждане немедленно учредили священное убежище для беглецов и нарекли его именем бога Асила, в этом убежище они укрывали всех подряд, не выдавая ни раба господину, ни должника заимодавцу, ни убийцу властям, и говорили, что всем обеспечивают неприкосновенность. Поэтому город стремительно разросся. Положив основание государству, Ромул разделил всех, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из трех тысяч пехотинцев и трехсот всадников и назывался легионом, ибо среди всех граждан выбирали только способных носить оружие. Все остальные считались “простым” народом и получили имя “популус”. Сто лучших граждан Ромул назначил советниками и назвал их “патрициями”, а их собрание – “сенатом”, что означало “совет старейшин”. (Плутарх: “Ромул”; 9,13).

По прошествии нескольких лет, Рим стал так силен, что

мог бы как равный воевать с любым из соседних городов. Но срок этому могуществу был человеческий век, потому что женщин было мало и на потомство в родном городе римляне надеяться не могли, а брачных связей с соседями не существовало. Тогда, посоветовавшись с сенаторами, Ромул разослал по окрестным племенам послов – просить для нового города союза и согласия о браках. Эти посольства нигде не нашли благосклонного приема – так велико было презрение соседей и вместе с тем их боязнь за себя и своих потомков в виду великой силы, которая среди них поднималась. И почти все, отпуская послов, спрашивали, отчего те не откроют убежище и для женщин: вот было бы им супружество как раз под пару.

Римляне были тяжело оскорблены, и дело явно склонилось к насилию. Чтобы выбрать время и место поудобнее, Ромул, затаив обиду, принялся усердно готовить торжественные игры в честь Нептуна Конного. Об этих играх он приказал известить всех соседей. Все, чем только умели или могли в те времена придать зрелищу великолепия, было пущено в ход, чтобы о римских играх говорили и с нетерпением их ожидали. Собралось много народу. Все многочисленное племя сабинян явилось с детьми и женами. И вот, когда зрелище заняло собою все помыслы и взоры гостей, был дан знак, и римские юноши бросились похищать девиц. Возникла невероятная суматоха. Родители девушек в страхе и горе бежали из города, проклиная преступников, поправших закон го-

степриимства. И у похищенных не слабее было отчаянье, не меньше негодование. Но с ними римляне поладили достаточно быстро. Сам Ромул, обращаясь к каждой девушке в отдельности, объяснял, что всему виною высокомерие их отцов, которые отказывали соседям в брачных связях и что девушек не должна волновать их дальнейшая судьба, потому что они будут в законном браке, общим с мужьями будет у них имущество, гражданство и дети. Похищенные скоро смягчились, а в это время их родители, облачившись в скорбные одежды, сеяли смятение в городах слезами и сетованиями. (Ливий: 1;9-10).

Похищение имело следствием войну между римлянами и сабинянами. Прежде всего, на римлян напали жители Ценины, Фиден, Крустумерия и Антемны. Но все они потерпели поражения в битвах. Их города были захвачены Ромулом, поля опустошены, а сами они вынуждены переселиться в Рим. Ромул разделил между согражданами все земли побежденных, не тронув лишь те участки, которые принадлежали отцам похищенных девушек. (Плутарх: “Ромул”;17). Последними выступили сабиняне из Кур под командованием царя Тита Тация. Благодаря предательству дочери начальника римской крепости Спурия Тарпея, Тацию удалось захватить крепость. На другой день римляне пошли на приступ и разгорелась ожесточенная битва. Ее конец должен был быть очень печален, но тут сабинские женщины, из-за которых и началась война, распустив волосы и разорвав одежды, отваж-

но бросились прямо под копыта и стрелы, что бы разнять два строя. Их мольбы растрогали обе стороны и сражение сразу смолкло. Потом вперед вышли Ромул и Таций, чтобы заключить договор, и не просто примирились, но из двух государств составили одно. Царствовать решили сообща, средоточием всей власти сделали Рим, а граждане по городу Куры получили имя “квиритов”. (Ливий: 1;11–13).

Когда население города, таким образом, удвоилось, к прежним патрициям добавились сто новых – из числа сабинян, а в легионах стало по 6000 пехотинцев и по 600 всадников. Цари разделили граждан на три трибы, в каждой из которых было по 10 курий. Ромул и Таций не сразу стали держать совет сообща: сперва они совещались порознь, каждый со своими ста сенаторами, и лишь впоследствии объединили всех в одно собрание. (Плутарх: “Ромул”; 20). Оба царя правили не только совместно, но в согласии. Но когда Таций был убит лаврентийцами, Ромул снес происшедшее очень легко и в дальнейшем правил один. (Ливий; 1;14).

Вскоре после этого Ромул захватил сопредельный Риму этрусский город Фидены. Сюда было выведено первое римское поселение. Эта победа привела к новой войне – на этот раз с этрусскими Вейями. После нескольких сражений, противники сошлись в решительной битве под Фиденами, в которой, по общему признанию, величайшие подвиги были совершены самим Ромулом, обнаружившим исключительное искусство полководца в соединении с отвагой. Вейи заклю-

чили с Римом мир на сто лет и уступили значительную часть своих владений.

Это была последняя война Ромула. Он не избег участи многих: всецело полагаясь на славу своих подвигов, исполнившись непереносимой гордыни, он отказался от какой бы то ни было близости к народу и сменил ее на единовластие. Царь стал одеваться в красный хитон, ходил в плаще с пурпурной каймой, разбирал дела, сидя в кресле со спинкой. Впереди Ромула всегда шли ликторы, палками раздвигая толпу; они были перепоясаны ремнями, чтобы немедленно связать всякого, на кого укажет им царь. Патриции оказались фактически отстранены от власти. Ромул один, по собственному усмотрению, распределил меж воинами отнятую у вейян землю и вернул Вейям заложников, не справляясь с мнением сенаторов. Этим он оскорбил и унизил их до последней степени. И поэтому, когда вскоре Ромул внезапно исчез, подозрения и наветы пали на сенат. О кончине Ромула не осталось никаких надежных, всеми признанных за истину сведений. Не было обнаружено ни его тела, ни даже клочка его одежды. Предполагали, что сенаторы набросились на Ромула в храме Вулкана, убили, а тело вытащили тайком. Официально было объявлено, что Ромул взят богами на небо и теперь будет покровителем римлян. В дальнейшем римляне воздавали ему божественные почести. (Плутарх: “Ромул”; 25–26).

После внезапного исчезновения Ромула в Риме возобно-

вились волнения, на этот раз в связи с избранием нового царя. Поскольку пришельцы-сабиняне еще не вполне слились с исконными римлянами, то и в народе бушевали распри и меж патрициями шли споры, рождающие взаимное недоверие, и хотя все стояли за царскую власть, раздоры вызывал не только вопрос, кому быть царем, но и то, к какому племени должен принадлежать будущий глава государства. Те, что первыми, вместе с Ромулом, заселили город, считали возмутительным домогательства сабинян, которые, получив от них землю и право гражданства, теперь желали владычества над своими гостеприимцами. И сабиняне тоже рассуждали справедливо, напоминая, что, когда умер их царь Таций, они не восстали против Ромула, но согласились, чтобы он правил один, и требовали, чтобы на этот раз царь был избран из их среды. Наконец обе стороны сошлись на том, что нового царя выберет одна из них, но зато – из среды противников. Сабиняне поспешили предоставить право выбора римлянам, да и последние предпочли сами поставить царя-сабинянина, чем принять римлянина, поставленного противной стороной. Посовещавшись, они назвали Нуму Помпилия.

Нума Помпилий

Нума (715–672 гг. до Р.Х.) был родом из сабинских Кур. Нрав его, и от природы склонный ко всяческой добродетели, еще более усовершенствовался благодаря воспитанию жиз-

ненными бедствиями. Он изгнал из своего дома роскошь и расточительность, был для каждого согражданина, для каждого чужестранца безукоризненным судьей и советчиком, свой досуг посвящал не удовольствиям и не стяжанию, а служению богам, размышлению об их естестве и могуществе и всем этим приобрел себе славу столь громкую, что Таций, соправитель Ромула в Риме, выдал замуж за него свою единственную дочь Тацию. Впрочем, брак не побудил Нуму переселиться к тестю, но, чтобы ходить за престарелым отцом, он остался в Сабинской земле.

Нуме шел уже сороковой год, когда из Рима прибыли послы звать его на царство. Потребовалось немало слов и просьб, чтобы убедить человека, жившего спокойной и мирной жизнью, отказаться от своих правил и принять власть над городом, рождением своим и ростом обязанным войне. Но в конце концов Нума дал согласие. (Плутарх: “Нума”; 2,3,5). Получив царскую власть, он решил город, основанный силой оружия, основать заново на праве, законах и обычаях. Видя, что ко всему этому невозможно привыкнуть во время войн, ибо ратная служба ожесточает сердца, он счел необходимым смягчить нравы народа, отучая его от оружия, и потому в самом низу Аргилета воздвиг храм Януса – показатель войны и мира: открытые ворота означали, что государство воюет, закрытые – что все окрестные народы замиренны. Связав союзными договорами всех соседей, Нума запер храм.

Затем царь разделил год, сообразно с ходом Луны на двенадцать месяцев, учредил присутственные – не присутственные дни и сосредоточил свои усилия на религиозных преобразованиях. Чтобы сделать реформы более авторитетными, он притворился, будто по ночам сходитя с богиней Эгерией и по ее наущению учреждает священнодействия, которые богам всего угоднее. Так Нума организовал коллегия жрецов. Из них первой он учредил должность фламينا Юпитера, отличив его особым убором и царским курульным креслом. К нему он присоединил еще двух фламиннов: одного для служения Марсу, другого – Квирина. Выбрал Нума и дев для служения Весте. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалованье от казны, а отличив их девством и прочими знаками святости, дал им общее уважение и неприкосновенность. Нуме же приписывают введение должности понтифика – верховного жреца. Вслед затем Нума постепенно установил всю религиозную жизнь Рима, ввел новые праздники и священнодействия, посвятил богам места для жертвоприношений. (Ливий: 1;19–21).

Тулл Гостилий

По смерти Нумы Помпилия римский народ избрал царем Тулла Гостилия (672–640 гг. до Р.Х.), а сенат утвердил это решение. Новый царь не только не был похож на предшественника, но воинственностью превосходил даже Ромула.

(Ливий: 1;22). Заняв престол, он предал поношению и осмеянию почти все добрые дела своего предшественника, а в особенности его благочестие, якобы превратившее римлян в бездельников и трусов, и вновь обратился к войне. (Плутарх: “Нума”; 22). Тулл решил, что в покое государство дряхлеет и стал повсюду искать повода к нарушению мира. Случилось, что римские поселяне угнали скот с альбанской земли, альбанские, в свой черед, – с римской, с обеих сторон были отправлены послы требовать возмещения убытков. Своим послам Тулл наказал идти прямо к цели, не отвлекаясь ничем: он твердо знал, что альбанцы ответят отказом и тогда можно будет с чистой совестью объявить войну. Так оно и вышло на самом деле.

Когда началась война, альбанцы первыми с огромным войском вторглись в римские земли, но до сражения дело не дошло. Решено было, что исход войны должен решить поединок. От каждого города выступили по три брата: от римлян – Горации, а от Альбы Лонги – Куриации. Договорились, что, чьи граждане победят, тот народ будет мирно властвовать над другим. Успех сопутствовал Горациям, однако альбанцы, и, прежде всего, их диктатор Меттий Фуфетий, искали только повод избавиться от римского владычества. Когда, вскоре после этого, началась война с фиденянами, альбанцы не только покинули римлян на поле боя, но и тайно обещали свою поддержку фиденянам. Увидев в самом начале сражения отступление альбанцев, Тулл сразу заподозрил измену.

Но, чтобы вдохнуть твердость в римлян, он громким голосом объявил, что отступление произошло по его приказу. В последовавшем затем сражении римляне одержали полную победу. Видя, что их замыслы не увенчались успехом, альбанцы вернулись в римский лагерь. Тулл велел казнить изменника Меттия, а альбанцев насильно переселить в Рим. Город их был разрушен. Вслед затем Тулл объявил войну сабинянам и разгромил их у Злодейского леса.

В политическом отношении царствование Тулла было очень успешным. Но за военными заботами оказалась заброшена религиозная жизнь. Многие из заветов Нумы соблюдались плохо, и это, как считали, вызвало гнев богов. Одно за другим следовали дурные знамения. Сначала пошел каменный дождь на Альбанской горе. Потом пришло моровое поветрие. Тулл сам разбит был долгой болезнью. Вместе с телом оказался сломлен и его свирепый дух. Но вместо установленных священнодействий он впал в жалкое суеверие. Разбирая записки Нумы, Тулл узнал о тайных жертвоприношениях Юпитеру во время грозы. Однако во время свершения обряда молния угодила в дом царя, и Тулл, пораженный ею, сгорел. (Ливий: 1;22–31). Приемником Гостилия был избран Анк Марций (640–616 гг. до Р.Х.)

Анк Марций

Согласно Ливию, дедом Анка с материнской стороны был

Нума Помпилий, второй по счёту римский царь после Ромула, известный своим благочестием. Памятуя о дедовской славе, он велел понтифику извлечь из записок царя всё относящееся к проведению религиозных обрядов и, начертав на доске, обнародовать. Это и гражданам и соседям внушило надежду, что царь вернётся к дедовским нравам и установлениям. И вот латины, с которыми при предыдущем царе Тулле Гостилии был заключён мир, расхрабрились и сделали набег на римские земли, а когда римляне потребовали удовлетворения, дали высокомерный ответ в расчёте на бездеятельность нового царя, который, полагали они, будет проводить своё царствование меж святилищ и алтарей. Анк, однако не во всём был схож с Нумой. Без промедления царь с вновь набранным войском вторгся в латинские земли. Город Политорий он взял приступом, а всё его население перевёл в Рим. Та же судьба постигла Теллен и Фиконы. В конце концов, все силы латинов были оттеснены к Медуллии, где довольно долго военное счастье было непостоянным – сражались с переменным успехом. Наконец Анк, бросив в дело все свои силы, выиграл сражение и, обогатившись огромной добычей, возвратился в Рим; тут тоже многие тысячи латинов были приняты в число граждан. Приняв очень многочисленное новое население, Рим сразу разросся. В пределы города был включён Яникульский холм на правом берегу Тибра. Через реку перекинули мост. Была в этом и плохая сторона. Огромный приток населения увеличил государство,

и в таком многочисленном народе потерялось ясное различие между хорошими и дурными поступками, стали свершаться тайные преступления. Чтобы пресечь всё возрастающую дерзость негодяев, Анк велел возвести посреди города тюрьму. И не только город, но и его владения расширились в это царствование. Отобрав у вейян Месийский лес, римляне распространили свою власть до самого моря, и при устье Тибра был основан город Остия. (Ливий: 1;32–33). Приемником Анка Марция на престоле стал Тарквиний I Древний (616–578 гг. до Р.Х.)

Тарквиний I Древний

Согласно римской традиции, настоящее имя Тарквиния было Лукумон. Он был сыном коринфянина Демарата, который из-за междоусобиц бежал из родного города, волей случая оказался в этрусских Тарквиниях, там женился и родил двоих сыновей. Один из них умер еще при жизни Демарата, и Лукумон унаследовал все его добро.

Богатство порождало честолюбие, еще усилившееся после того, как он взял в жены Танаквиль. Эта женщина была самого высшего рода, и не легко ей было смириться с тем, что по браку ее положение оказалось ниже, чем по рождению. Так как этруски презирали Лукумона, сына изгнанника-пришлеца, она не смогла снести унижения и, забыв о природной любви к отечеству, решила покинуть Тарквинии – только бы

видеть супруга в почете. Самым подходящим для этого городом ей показался Рим: среди молодого народа, где знать недавняя и сама знатность приобретена доблестью, там-то и место мужу храброму и деятельному. Танаквиль без труда убедила мужа, который и сам жаждал почестей, и снявшись с места со всем имуществом они переселились в Рим. Лукумон обзавелся здесь домом и стал называть себя Луцием Тарквинием. Человек новый и богатый он вскоре обратил на себя внимание римлян и сам помог своей удаче разумным обхождением и дружелюбными приглашениями, услугами и благодеяниями, которые оказывал кому только мог, пока молва о нем не поднялась до царского дворца. А сведя знакомство с царем Анком Марцием, он охотно принимал поручения, искусно их выполнял и скоро достиг того, что на правах близкой дружбы стал бывать на советах и общественных и частных, и в военное и в мирное время. Наконец, войдя во все дела, он был назначен по завещанию опекуном царских детей. Когда Анк Марций умер, сыновья его были почти что взрослые. Тем сильнее настаивал Тарквиний, чтобы как можно скорей состоялось собрание, которое избрало бы царя, а к тому времени, на которое оно было назначено, отправил царских детей на охоту. Он, как передают, был первым, кто искательством домогался царства и выступил с речью, составленной для привлечения сердец простого народа. Народ с великим единодушием избрал его на царство. Что бы еще более укрепить свою власть, Тарквиний увеличил коли-

чество сенаторов до 300, записав в сенаторы сто новых человек, которые с тех пор держали во всех делах сторону царя.

Войну он вел сначала с латинами и взял приступом город Апиолы. Затем внезапно началась война с сабинским городом Коллацией. Сабиняне стремительно вторглись в римские владения и первая битва была очень кровопролитной, хотя и не дала перевеса ни одной из сторон. Когда затем враги увели войска назад, Тарквиний удвоил количество всадников и двинулся во владения сабинян. Кроме того, по его приказу римляне прибегли к хитрости: были посланы люди, чтобы зажечь и спустить в Аниен множество деревьев, лежащих по берегам реки; ветер раздувал пламя, деревья застревали у свай моста и мост через реку загорелся. Это помешало сабинянам бежать в город, когда войско их было рассеяно во время битвы. Множество из них нашло свою гибель в реке. После этого Тарквиний подступил к стенам города. Сабиняне, наспех собрав всех, кто еще мог носить оружие, выступили против римлян и потерпели окончательное поражение. Коллация и все земли вокруг неё были присоединены к римским владениям. Завершив сабинскую войну, Тарквиний пошел войной на латинов. Здесь ни разу дело не доходило до битвы, от которой бы зависел исход всей войны – захватывая города по одному, Тарквиний покорил весь народ латинов. Были взяты Корникул, Старая Фикулея, Камерия, Крустумерия, Америола, Медуллия и Номент. Затем был заключен мир. С этого времени Тарквиний обратил-

ся к мирной деятельности с усердием, превышавшим усилия, отданные войне. По его повелению город стали обносить каменной стеной. Были осушены низкие и топкие места вокруг форума и другие низины между холмами. Был заложен храм Юпитера на Капитолии и большой цирк. Все эти деяния принесли Тарквинию величайшую славу, а его царствованию сообщили невиданный прежде блеск. Тарквиний был также первым из царей, кто еще загодя стал готовить себе приемника, своего воспитанника Сервия Туллия. Когда стало ясно, что Сервий Туллий пользуется великой честью у народа и сената, то это вызвало сильное негодование у двух сыновей покойного царя Анка Марция. Они и прежде считали себя глубоко оскорбленными, что происками опекуна отстранены от отцовского царства, но надеялись получить его хотя бы после смерти Тарквиния. Теперь же приходилось расстаться и с этой мечтой. Не в силах сдерживать далее свою ненависть, Марции решились на убийство Тарквиния. Для злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха, вооруженных, тот и другой, привычными мужицкими орудиями. Затеяв притворную ссору в преддверии царского дома, они поднятым шумом собрали вокруг себя всю прислугу; потом, так как оба призывали царя и крики доносились во внутренние покои, их пригласили к царю. Там один начал заранее придуманный рассказ. Пока Тарквиний внимательно слушал, оборотясь к говорящему, второй занес и обрушил на его голову топор. Оставив оружие в ране, оба

выскочили в дверь. От этой раны царь вскоре скончался. Однако убийцам это преступление не принесло никакой пользы – приемником Тарквиния, как он и хотел, сделался Сервий Туллий (578–534 гг. до Р.Х.). (Ливий: 1;34–40).

Сервий Туллий

Согласно римской традиции, Сервий происходил из латинского города Корникул. Когда Корникул был взят римлянами, жена Сервия Туллия, первого в том городе человека, осталась после гибели мужа беременной. Она была опознана среди прочих пленниц, за исключительную знатность свою избавлена римской царицей Танаквиль от рабства и родила ребенка в доме у царя Тарквиния I Древнего.

После такого великого благодеяния и женщины сблизились между собой, и мальчик, с малых лет выросший в царском доме, находился в чести и холе. Юноша вырос с истинно царскими задатками, и, когда пришла Тарквинию пора подумать о зяте, никто из римских юношей ни в чем не сумел сравниться с Сервием Туллием; царь присватал за него свою дочь и не скрывал, что хочет сделать Сервия своим приемником. Все благоприятствовало этим замыслам, поскольку Сервий был в величайшей чести и у сената и у народа.

В тот день, когда Тарквиний был смертельно ранен убийцами, и в городе начался страшный переполох, только одна Танаквиль сохранила холодность и спокойствие. Среди об-

щего смятения она приказала запереть дом и выставить всех прочь. После этого она быстро призвала к себе Сервия и, ободрив его, велела действовать смело и решительно. Когда вокруг царского дома собралась толпа народа, Танаквиль через окно обратилась к ней с речью. Она велела сохранять спокойствие: царь де просто оглушен ударом, он уже пришел в себя, вскоре выйдет из дома, а пока велит, чтобы народ оказывал повиновение Сервию Туллию, который будет творить суд и исполнять все другие царские обязанности. Вскоре вышел сам Сервий в сопровождении ликторов и, усевшись в царское кресло, стал решать дела. Таким образом, в течение нескольких дней после кончины Тарквиния, утаив его смерть, Сервий под предлогом исполнения чужих обязанностей упрочнял собственное положение. Только после этого о случившемся было объявлено, и в царском доме поднялся плач. Сервий, окруживший себя стражей, первый стал править лишь с соизволения сената, без народного избрания.

Как раз в это время истек срок перемирия против вейян и других этрусков. Сервий открыл военные действия. В этой войне блистательно проявились его доблесть и счастье. Рассеяв огромное войско врагов, он возвратился в Рим уже несомненным царем, удостоверившись в преданности народа. Вслед затем он приступил к глубокой гражданской реформе римского общества.

Потомки первых римских поселенцев составляли костяк римской знати и именовались патрициями. Только предста-

вители патрицианских родов могли заседать в совете римских старейшин – сенате. Пришлые роды назывались плебейскими. Плебеи не имели политических прав и доли в общинной земле. Основу социальной структуры царского Рима составляли 300 патрицианских родов, объединявшихся в 30 курий и 3 трибы. Каждый род избирал своего старейшину – сенатора, имел свои особенные религиозные культы и был связан правом взаимного наследования своих членов. Первоначально род выступал также как коллективный собственник земли, но к концу царской эпохи участки земли фактически перешли в частное владение больших патриархальных семей. Царь считался, прежде всего, военным вождем, верховным жрецом и судьей. Власть его ни в коей мере не была абсолютной. Все царские решения принимали законную силу только после утверждения их сенатом и народным собранием (собрания в царском Риме происходили по куриям и именовались куриатными комициями). Этот древний аристократический строй подвергся при Сервии, который постарался уменьшить могущество родовой знати и смягчить противоречия между патрициями и плебеями, некоторому реформированию.

Царь разделил всю завоеванную к этому времени территорию на 21 трибу (территориальный округ): 4 городских и 17 сельских. Эти трибы пришли на смену трем прежним, родовым. Все мужское население города было поделено на 6 имущественных разрядов. С этой целью был учрежден ценз,

посредством которого военные и мирные повинности были распределены не подушно, как до этого, но соответственно имущественному положению каждого. Все мужское население города было поделено на 6 имущественных разрядов. В 1-й разряд были включены те, чье имущество оценивалось более чем в 100000 медных ассов, во 2-й – те, чье имущество превышало 75000 ассов, в 3-й вошли люди с имуществом свыше 50000 ассов, в 4-й – свыше 25000 ассов, в 5-й – свыше 11500, в 6-й – все остальные. Каждый разряд должен был поставлять определенное число центурий для римского войска. Первый формировал 96 центурий, второй – 22, третий – 20, четвертый – 22, пятый – 30, шестой – 1. Народные собрания стали отныне проходить не по куриям, а по центуриям (их стали называть центуриатные комиции), причем каждая центурия имела один голос. Власть, таким образом, перешла в руки зажиточных горожан. Сначала приглашали на голосование граждан первого разряда, и если они выражали единодушие, мнение остальных центурий можно было не учитывать, ибо они составляли меньшинство. Если же мнения расходились, что случалось редко, приглашали голосовать центурии второго разряда, но до самых низших не доходило почти никогда. Мероприятия Сервия Туллия привели к тому, что плебеи, считавшиеся до этого в Риме инородным элементом, были допущены в римское войско и стали участвовать в народных собраниях, что фактически означало наделение их гражданскими правами. Однако плебеи по-

прежнему не могли избираться на государственные и военные должности.

Произведя общую перепись и покончив с цензом, Сервий присоединил к городу еще два холма и начал возведение новых стен, соответствующих новым границам Рима. На Авентине был построен храм Дианы, который с согласия всех латинов стал их центральным храмом, что как бы подчеркивало ведущее и главенствующее положение Рима в латинском союзе. Прощаив царствовав много лет, без народного избрания, а лишь по утверждению сената, Сервий незадолго до смерти официально сделал запрос к народу: желают ли римляне, чтоб он над ним царствовал? Народ в ответ провозгласил его царем с таким единодушием, как никого прежде.

Не смотря на это кажущееся единство, много было у царя и противников. Вождем всех недовольных стал молодой Луций Тарквиний – внук Тарквиния Древнего. Особенно сильную поддержку нашел Тарквиний в сенате, которому не нравилось возросшее могущество Сервия и то, что он по своему усмотрению стал раздавать плебеям захваченную землю. Собравшись с силами, Тарквиний с отрядом вооруженной молодежи ворвался на форум, созвал сенат и сев в царское кресло, принялся бесчестить Сервия. Во время его речи явился сам Сервий, но Тарквиний, нисколько не смутившись, накинулся на него и сбросил старика с лестницы. Едва живой Сервий хотел добраться до своего дома, но по пути был убит приспешниками Тарквиния. (Ливий: 1; 34–48).

Власть перешла к Тарквинию II Гордому (534–510 гг. до Р.Х.).

Тарквиний II Гордый

Овладев царской властью, Тарквиний держался за неё ни как законный царь, а как узурпатор, рассчитывавший не столько на любовь сограждан, сколько на внушаемый им страх. Правил он, не избранный народом и не утвержденный сенатом, всегда окруженный телохранителями. Чтобы устрашение было побольше, он разбирал уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь, и потому получил возможность умерщвлять, высылать, лишать имущества не только людей подозрительных или неугодных ему, но и таких, чья смерть сулила ему добычу. Особенно поредел от этого сенат, и Тарквиний постановил никого не записывать в сенаторы, чтобы самую малочисленностью своей стало ничтожно их сословие. Он первый из царей уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом и распоряжался государством, советуясь только с домашними: сам — без народа и сената, — с кем хотел воевал и мирился, заключал и расторгал договоры и союзы. С соседями-латинами он старался поддерживать хорошие отношения. По его инициативе был вновь заключен латинский союз, причем, по договору, Рим стал в союзе главенствующим городом, а войско латинов влилось в римскую армию.

Тарквиний первый начал войну с вольсками, которая тянулась потом две сотни лет. Он обладал и дипломатическими способностями и военными талантами. У вольсков он взял приступом Свессу Помпецию, а затем начал войну с соседними Габиями, которые и захватил благодаря вероломству своего сына Секста (он перебежал к габийцам, а затем сдал город отцу). На деньги, полученные от добычи, Тарквиний завершил строительство храма Юпитера, основанного еще дедом и соорудил Большой подземный канал – сток, принимавший все нечистоты города.

Затем была начата война против рутулов и осажден их город Ардея. Сын Тарквиния Секст находился при войске. Распущенный, не привыкший отказывать себе ни в одной из прихотей, он тайком приехал в Коллацию и изнасиловал Лукрецию – жену уважаемого всеми сенатора Тарквиния Коллатина, своего родича. Сокрушенная горем Лукреция покончила с собой.

Это преступление переполнило чашу терпения римлян. Во главе восставших коллатинцев встал племянник царя (сын его сестры) Юний Брут. Отряд коллатинцев под его предводительством прибыл в Рим. Узнав о преступлении Секста Тарквиния, все римляне взяли за оружие и вынесли в 509 г. до Р.Х. постановление об изгнании царя Тарквиния вместе с супругою и детьми. Когда весть о случившемся дошла до царя в лагерь под Ардеей, он, встревоженный, поспешил к Риму. Брут, узнав о его приближении, пошел окруж-

ным путём, что бы избежать встречи. Перед Тарквинием ворота не отворили, а со стен ему объявили об изгнании. Брута, напротив, с радостью приняли в лагере. Войско в тот же день примкнуло к восставшим горожанам. Царскую власть объявили уничтоженной. Тарквинии удалились в изгнание в Цере, а в Риме были избраны два первых консула – Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин. (Ливий: 1; 46–60). Но потом, когда был проведен закон об изгнании всех Тарквиниев, Коллатин должен был бежать из Рима, а вторым консулом стал Публий Валерий Попликола.

Тарквиний не сразу смирился с потерей царской власти. Он поехал просителем по этрусским городам, и вскоре вейяне и тарквинийцы согласились оказать ему помощь.

2. Римская республика в V–III вв. до Р.Х

Первые консулы. Война с Порсеной

1) Первые консулы. Луций Юний Брут

Личность первого римского консула 509 г. до Р.Х., само имя которого стало символом свободы и тираноборчества, уже в древности была окружена многочисленными легендами. Тит Ливий рассказывает, что Луций Юний, будучи на самом деле богато одаренным человеком, но желая сбить с толку своего подозрительного дядю (казнившего среди многих других его брата) прикинулся глупцом и почти что идиотом. Эту неблагодарную роль он играл в течение многих лет и даже принял прозвище Брута – «Тупицы». Но когда Брут увидел мертвое тело Лукреции, он внезапно сбросил маску. Схватив окровавленный нож, которым она закололась, Брут будто бы воскликнул: «Этой чистейшей кровью клянусь, что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступным потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме». Принесенной клятве Брут остался верен до конца.

Приняв знаки консульской власти, Брут не менее горяч был как страж свободы, чем прежде как освободитель. Сначала он заставил граждан присягнуть, что они никого не потерпят в Риме царем. Затем, чтобы само многолюдство сената придало сил сословию, поредевшему из-за царских бесчинств, он пополнил число сенаторов знатнейшими из всадников и довел число его членов до трехсот.

По решению сената Брут предложил народу объявить изгнанниками всех, принадлежащих к роду Тарквиниев. В центуриатном собрании он взял себе в сотоварищи Публия Валерия.

Неожиданно в город явились послы Тарквиния и потребовали теперь уже не возвращения царя, а хотя бы выдачи царского имущества. Сенат, выслушав их просьбу, совещался несколько дней: не вернуть имущество значило дать повод к войне, а вернуть – дать средства и вспоможение для войны. Тем временем послы заняты были другим: въяве хлопоча о царском имуществе, втайне строили козни, готовя возвращение царской власти. С просьбами будто о явном своем деле они обходили дома, испытывая настроения знатных юношей. Кому речи их приходились по душе, тем вручали они письма от Тарквиниев и сговаривались о том, чтобы ночью тайком впустить в город царскую семью.

Сперва этот замысел был доверен братьям Вителлиям и Аквиллиям. Сестра Вителлиев была замужем за консулом Брутом, и от этого брака были уже взрослые дети – Тит и

Тиберий; их тоже посвятили дядья в свой заговор.

Между тем в сенате взяло верх решение выдать царское имущество, и послы воспользовались этим поводом задержаться в городе, испросив у консулов срок, чтобы приготовить повозки для царского добра. Все это время проводят они в совещаниях с заговорщиками, настойчиво требуя от них писем к Тарквиниям. Эти-то письма, данные в залог верности, и сделали преступление явным.

Накануне своего отъезда к Тарквиниям послы как раз обедали у Вителлиев, и там, удалив свидетелей, заговорщики вволю толковали о недавнем своем умысле. Разговор их подслушал один из рабов, который и раньше уже подозревал неладное, но выжидал, пока письма окажутся в руках у послов, чтобы можно было взять их с поличным. Поняв, что письма переданы, он обо всем донес консулам. Консулы вышли, чтобы схватить послов и заговорщиков, и без шума подавили всю затею, позаботившись прежде всего о том, чтобы не пропали письма. Изменников немедленно бросили в оковы, а насчет послов некоторое время колебались, но потом, хотя вина, казалось, и приравнивала их к врагам, все же принятое между народами право возобладало.

Дело о царском имуществе, которое решили было отдать, вновь поступило в сенат. Сенаторы в порыве гнева запретили выдачу. Царское добро было отдано на разграбление простому народу, чтобы каждый, прикоснувшись к добыче, навсегда потерял надежду на примирение с царями. Пашня Тарк-

виниев, находившаяся между городом и Тибром, была посвящена Марсу и стала отныне Марсовым полем.

По расхищении царского имущества был вынесен приговор предателям и совершилась казнь, особенно примечательная тем, что консульское звание обязало отца судить своих сыновей. Брут велел схватить юношей и немедленно обезглавить их на форуме. Суровая расправа потрясла горожан и подавила всякую мысль о возможности соглашения с изгнанным царем.

Получивши весть об этих событиях, Тарквиний, раздосадованный обманувшею надеждою и пылая гневом и ненавистью, понял, что его коварству путь загражден, и задумал открытую войну. Он пошел просителем по городам Этрурии, особенно взывая к вейянам и тарквинийцам, чтобы не дали они ему, человеку одного с ними происхождения, одной крови, исторгнутому из такого царства, ввергнутому в нищету, погибнуть на их глазах вместе с юными еще детьми.

Речи его взволновали вейян – они с грозным шумом потребовали смыть позор и силой вернуть потерянное, хотя бы и под водительством римлянина. А тарквинийцев столь же волновало имя, сколь и родство: лестным казалось видеть своих царствующими в Риме. И вот два войска двух городов устремились за Тарквинием, чтобы вернуть ему царскую власть и войною покарать римский народ.

Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут – передовую

конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами.

Угадав издали консула сперва по ликторам, а потом уже ближе и вернее – в лицо, Аррунт, возгоревшийся гневом, воскликнул: «Вот кто изгнал нас, исторг из отечества. Вот как важно он выступает, красуясь знаками нашей власти! Боги – мстители за царей, будьте с нами!» И, пришпорив коня, он помчался прямо на консула. Брут так же рвался к поединку, и столь яростна была их сшибка, что ни тот ни другой, нанося удар, не подумал себя защитить, так что оба, друг друга пронзив сквозь щиты, замертво пали с коней, насаженные на копья. Тотчас вступила в битву вся конница, за ней подросла пехота; бой шел с переменным успехом, и никто не взял верх: оба правые крыла победили, левые – отступили: вейяне, привыкшие к поражениям от римлян, рассеялись и бежали; тарквинийцы же не только выстояли, но даже сами потеснили римлян.

2) Война с Порсеной. Гай Муций

Второй консул Валерий по возвращении в Рим, предложил законы, которые принесли ему большую популярность среди народа и почетное прозвание «Публикола». С особенной благодарностью были приняты законы о праве жаловаться народу на магистратов и о проклятии имуществу и самой

жизни всякого, кто помыслит о царской власти.

Затем консулами стали Публий Валерий повторно и Тит Лукреций [508 г.]. Тарквинии тем временем бежали к Ларту Порсене, царю Клузия. Здесь они, мешая советы с мольбами, попросили не покидать их, природных этрусков по крови и имени, в нищете и изгнании.

Порсена, полагая для этрусков важным, чтобы в Риме был царь, и притом этрусского рода, двинулся на Рим с вооруженным войском. Первый натиск его, однако, был отражен. И тогда царь принял решение перейти к осаде. Свой лагерь он расположил на равнинном берегу Тибра. Отовсюду сюда были собраны суда, как для надзора (чтобы в Рим не было подвоза продовольствия), так и для грабежа (чтобы воины могли при случае где угодно переправляться через реку).

Война затягивалась. Тем временем продовольствие в Риме скудело и дорожало, Порсена уже надеялся взять город, когда объявился знатный юноша Гай Муций. Задумав убить царя, он незаметно пробрался во вражеский лагерь. Там как раз выдавали жалованье солдатам, и писец, сидевший рядом с царем почти в таком же наряде, был очень занят. Муций, побоялся спросить, который из двух Порсена, чтобы не выдать себя незнанием царя, и, набросившись на сидящих, убил вместо царя писца. Отважный юноша был тотчас схвачен и подведен к царю.

Горя гневом, Порсена велел развести костры для пытки. Но этим он несколько не устроил Муция. «Знай, – сказал

тот, — сколь мало ценят плоть те, кто чаёт великой славы!» И с этими словами Муций неспешно положил правую руку в огонь, возожженный на жертвеннике. И он жег ее, будто ничего не чувствуя, покуда царь, пораженный этим чудом, не вскочил вдруг со своего места и не приказал оттащить юношу от алтаря.

«Отойди, — сказал он, — ты безжалостнее к себе, чем ко мне! Я велел бы почтить такую доблесть, будь она во славу моей отчизны; ныне же по праву войны отпускаю тебя на волю целым и невредимым».

Тогда Муций, как бы воздавая за великодушие, сказал: «Поскольку в такой чести у тебя доблесть, прими от меня в дар то, чего не мог добиться угрозами: триста лучших римских юношей, поклялись преследовать тебя. Первый жребий был мой; а за мною последует другой, кому выпадет, и каждый придет в свой черед, пока судьба не подставит тебя удару!»

Эти слова заставили Порсену сильно задуматься. Отпустив Муция (которого за потерю правой руки получил прозвище Сцеволы), царь отправил в Рим послов. Его так потрясло первое покушение, от которого он уберется лишь по ошибке убийцы, что он сам от себя предложил римлянам условия мира. Предложение возвратить Тарквиниям царскую власть было тщетным, и Порсена сделал его лишь потому, что не мог отказать Тарквиниям, а не потому, что не предвидел отказа римлян. Зато он добился возвращения

вейянам захваченных земель и потребовал дать заложников, если римляне хотят, чтобы уведены были войска с Яникула. На таких условиях был заключен мир, и Порсена увел войско с Яникула и покинул римскую землю. Гаю Муцию в награду за доблесть выдали сенаторы поле за Тибром, которое потом стали называть Муциевыми лугами. (Ливий: 2; 1-13).

Вместе с войском этрусков Тарквиний вступил в римские пределы. Консулы встретили его с римским войском. В ожесточенном сражении погибли Брут и Аррунт Тарквиний, сын царя. Хотя никто не добился победы, ночью среди этрусков началась паника и они отступили.

Институт диктатуры. Первая Латинская война

После изгнания царя Тарквиния Гордого римляне не сразу смогли наладить добрососедские отношения со своими соплеменниками-латинами. Тит Ливий пишет, что знатный тускуланец Октавий Мамилий, зять Тарквиния Гордого, побудил к сговору против Рима все тридцать латинских городов. В ожидании войны римляне в 501 г. до Р.Х. в первый раз избрали диктатора. (В дальнейшем в чрезвычайных обстоятельствах диктаторов избирали неоднократно; срок их полномочий не мог превышать шести месяцев, но в это время все остальные магистраты и даже сам сенат должны были беспрекословно исполнять приказания диктатора). Однако

война с латинами в том году так и не началась. Она разразилась только два года спустя (это была, так называемая, 1-я Латинская война, 499—493 гг. до Р.Х.).

Диктатор Авл Постумий и начальник конницы Тит Эбуций выступили с большими пешими и конными силами и у Регилльского озера в тускуланской земле встретили войско неприятеля. Услышав же, что в латинском войске были Тарквинии, полководцы не могли сдержать гнева и тотчас начали сражение. Оттого эта битва была тяжелей и жесточе других. Столь велико было воодушевление, что римляне единым напором погнали врага и овладели лагерем. Диктатор и начальник конницы вернулись в город триумфаторами. А в 495 г. до Р.Х. пришло известие о смерти Тарквиния Гордого. Он скончался в Кумах, куда после разгрома латинов удалился к тирану Аристодему. (Ливий: 2; 18—20).

Начало борьбы патрициев и плебеев. Трибунат

1) Возмущение 495 г. до Р.Х. и война с вольсками

Патриции, которые из страха перед царем долгое время заискивали перед плебеями, вновь стали обращаться с ними сурово и надменно. Это вызвало горячее возмущение наро-

да и положило начало борьбе между патрициями и плебеями, которые добивались полного политического равноправия (то есть возможности занимать государственные должности наравне с патрициями) и отмены долговой кабалы и того возмутительного порядка, когда гражданин, проливавший кровь за отечество, мог по требованию кредитора превратиться в бесправного раба.

Недовольство, долго сдерживаемое, прорвалось наружу в 495 г. до Р.Х. в консульство Аппия Клавдия и Публия Сервилия. Поводом стало зрелище бедствий одного несчастного плебея. Старик, весь в рубцах, отмеченный знаками бесчисленных бед, прибежал на форум. Одежда его была покрыта грязью, еще ужасней выглядело тело, истощенное, бледное и худое, а лицу его отросшая борода и космы придавали дикий вид. Но узнали его и в таком безобразном облике и говорили, что он командовал центурией, и, сострадая ему, наперебой восхваляли его военные подвиги; сам же он в свидетельство своих доблестей показывал, открыв грудь, шрамы, полученные в разных сражениях. Спросили его, отчего такой вид, отчего такой срам, и, когда вокруг него собралась толпа не меньше, чем на сходке, ответил он, что воевал на сабинской войне, и поле его было опустошено врагами, и не только урожай у него пропал, но и дом сгорел, и добро разграблено, и скот угнан, а в недобрый час потребовали от него налог, и вот сделался он должником. Долг, возросший от процентов, сначала лишил его отцова и дедова поля, потом остального

имущества и, наконец, подобно заразе, въелся в само его тело; не просто в рабство увел его заимодавец, но в колодки, в застенки. И он показал свою спину, изуродованную следами недавних побоев. Это зрелище, эта речь вызвали громкий крик. Волнению уже мало места на форуме, оно разливается по всему городу: должники в оковах и без оков вырываются отовсюду к народу, взывают к защите квиритов. Повсюду являются добровольные товарищи мятежников; и уже улицы заполнены толпами людей, с криком бегущих на форум.

Среди таких бедствий надвигается опасность еще страшней: в Рим прискакали латинские всадники с грозной вестью, что на город движется готовое к бою войско вольсков. Государство настолько раскололось раздором надвое, что известие это было совсем по-разному принято сенаторами и плебеями. Простой народ ликовал. Боги мстят за своеволие сенаторов, говорили плебеи; они призывали друг друга не записываться в войско, ведь лучше вместе со всеми, чем в одиночку; сенаторы пусть воюют, сенаторы пусть берутся за оружие, чтобы опасности войны пришлись бы на долю тех, на чью и добыча. Сенат же, приунывший и напуганный двойной опасностью и от граждан, и от врагов, стал просить консула Сервилия, чей нрав был приятней народу, выручить государство в столь грозных обстоятельствах. Тогда консул, распустив сенат, выступил на сходке. Там он заявил, что сенаторы полны забот о простом народе, однако плебеи – лишь часть гражданского целого, хотя и большая, поэтому думам о них

помешала сейчас тревога об общем деле. Возможно ли, когда враги почти у ворот, заниматься чем-либо прежде войны? Да если бы и нашлось какое-то облегчение, разве было бы к чести простому народу, что взялся он за оружие только в обмен на уступки, да и отцам пристало ли печься о своих обездоленных согражданах лишь от страха, а не добровольно и после войны? Доверие к своей речи укрепил он указом, чтобы никто не держал римского гражданина в оковах или в неволе, лишая его возможности записаться в консульское войско, и чтобы никто, пока воин в лагере, не забирал и не отчуждал его имущества, и не задерживал бы его детей и внуков. После такого указа и собравшиеся здесь должники спешат тотчас записаться в войско, и со всего города сбегаются люди на форум, вырвавшись из-под власти займодавцев, и торопятся принести присягу. Из них составилась большой отряд, и никакой другой не выказал столько доблести и усердия в войне с вольсками. Консул вывел войска против врага и невдалеке от него располагается лагерем.

Следующей ночью вольски, зная о римских раздорах и рассчитывая, что ночью может объявиться перебежчик или предатель, напали на лагерь. Стража всполошилась, подняла войско, по сигналу все бросились к оружию, и затея вольсков оказалась тщетной. Остаток ночи оба войска отдыхали. На рассвете вольски, забросав рвы, устремляются на вал. И уже со всех сторон шло разрушение укреплений, когда консул, хотя отовсюду все, а громче других должники требовали зна-

ка к наступлению, чуть-чуть еще переждал, как бы испытывая боевой дух войска, и, как только пыл его сделался явным, подал наконец знак и выпустил воинов, жаждавших битвы. Первым же натиском отброшены были враги; бежавших, пока поспевала за ними пехота, били с тыла; конница гнала перепуганных до самого лагеря. Вскоре и лагерь был окружен легионами, а так как страх выгнал вольсков даже отсюда, взят и разграблен. На следующий день легионы двинулись к Свессе Помеции, куда сбежались враги; через несколько дней город был взят и отдан на разграбление. Здесь уставшие воины получили передышку. А консул с великой славой для себя отвел победившее войско в Рим.

Плебеи ожидали исполнения обещаний консула, подтвержденных сенатом, как вдруг Аппий и по присущему ему высокомерию, и чтобы подорвать доверие к сотоварищу по должности, начал самым суровым образом править суд о долгах. Немедля стали и прежде закабаленных должников возвращать заимодавцам, и кабалить других. Когда дело касалось воинов, они искали заступничества у второго консула – стекались к Сервилию, напоминали о его обещаниях, корили его, перечисляя свои заслуги, показывая рубцы от ран, полученных на войне. Требовали, чтобы он либо обратился к сенату, либо сам был защитником им – гражданам как консул, воинам как полководец. Консула это беспокоило, но обстоятельства вынуждали его изворачиваться; столь рьяно сопротивлялся не только товарищ его, но и вся знать. Из-за

такой своей нерешительности он не сумел ни избежать ненависти плебеев, ни снискать расположение отцов.

2) Первый уход плебеев из Рима и учреждение трибуната

В 494 г. до Р.Х., в консульство Авла Вергиния и Тита Ветузия, убедившись, что сенат остается глух к их законным требованиям, плебеи организовано покинули Рим и удалились на Священную гору в трех милях от города за рекой Аниеном. Там без всякого предводителя они обнесли лагерь валом и рвом и выжидали, не предпринимая никаких действий, кроме необходимых для пропитания. Так несколько дней держались они, никого не тревожа и никем не тревожимые.

Этот поступок поверг патрициев в страх. Ведь плебеи к этому времени составляли уже основную часть римского войска. Бойкот ими военной службы в виду постоянной внешней угрозы поставил город в катастрофическое положение. Начались переговоры о примирении, и сенаторы согласились на том, чтобы у плебеев были свои должностные лица с правом неприкосновенности, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. Так были избраны два народных трибуна – Гай Лициний и Луций Альбин (в 493 г. до Р.Х.). Им дано было право налагать запрет на любые распоряжения консулов или сената, направленные против плебе-

ев. Власть трибунов была очень велика, но ограничивалась только чертой города.

3) Гней Марций Кориолан

За время отсутствия плебеев консулами стали Спурий Кассий и Постум Коминий. При этих консулах был заключен союз с латинскими народами, положивший конец Первой Латинской войне. Для его заключения один консул остался в Риме. Другой консул, посланный на войну с вольсками, разбил и обратил в бегство антийских вольсков, преследовал их до города Лонгулы и овладел городскими стенами. Вслед за этим он захватывает Полуску, другой город вольсков, после чего с большим войском появился у Кориол.

Был тогда в лагере среди знатной молодежи юноша Гней Марций, быстрый и умом и делом, которого впоследствии прозвали Кориоланом. Когда римское войско, осадившее Кориолы, обратило все силы против горожан, запертых в стенах, и позабыло об опасности нападения со стороны, на него вдруг ударили легионы вольсков из Антия и одновременно сделали вылазку враги из города – как раз в том месте, где случилось стоять на страже Марцию. С отборным отрядом воинов он не только отразил вылазку, но и сам свирепо ворвался в открывшиеся ворота, устроил резню в ближайшей части города и, схватив факел, поджег прилегающие к городской стене постройки. Поднявшийся среди жителей пе-

реполох, смешанный с плачем детей и женщин, как это бывает при появлении неприятеля, воодушевил римлян и смутил вольсков; показалось, будто город, куда они спешили на помощь, уже взят. Так были разбиты антийские вольски и взят город Кориолы. Марций настолько затмил своей славой консула, что если бы не остался памятником договор с латинами, вырезанный на бронзовой колонне, который заключен был одним Кассием, поскольку его товарищ отсутствовал, то стерлась бы память о том, что войну с вольсками вел Коминий.

Многие полагали, что настало время прижать плебеев и взять назад уступки, насильно вырванные у сената их уходом. Одним из первых за это высказался Марций Кориолан, враг трибунской власти. И не миновать бы Марцию нападения при выходе из курии, если бы, по счастью, не призвали его трибуны к суду. Однако в день разбирательства Марций в суд не явился. От этого раздражение плебеев против него усилилось. Он был осужден заочно и отправился в изгнание, угрожая отечеству и вынашивая враждебные умыслы.

Явившись к вольскам, Марций был радушно принят своими прежними врагами, и с каждым днем они делались тем благосклонней к нему, чем сильнее возгорался он ненавистью к своим, чем чаще слышались от него то жалобы, то угрозы. Гостеприимство ему оказал Аттий Туллий. Знатнейший человек среди вольсков, он всегда был враждебен римлянам. И вот, побуждаемые – один – давней ненавистью, дру-

гой – недавней яростью, они замыслили против римлян войну.

Полководцами в этой войне, (начавшейся в 488 г. до Р.Х.) по согласному решению всех племен, были избраны ее главные вдохновители – Аттий Туллий и Гней Марций. И Кориолан не обманул возлагавшихся на него надежд. Сначала он двинулся на Цирцеи, выгнал оттуда римских поселенцев, а освобожденный город передал вольскам; потом обходными путями вышел на Латинскую дорогу, отнял у римлян недавно покоренные города: Сатрик, Лонгулу, Полуску, Кориолы; затем отбил Лавиний, взял Корбион, Вителлию, Требий, Лабрики и Пед. От Пед. он повел вольсков к Риму и, расположившись лагерем у Клуилиева рва в пяти милях от Города, начал отсюда набеги на римские поля

Сенат и консулы возлагали все надежды на военную силу, но простой народ предпочитал что угодно, только не войну. Когда консулы Спурий Навтий и Секст Фурий делали смотр легионам и расставляли сторожевые отряды по стенам, собралась большая толпа народа, требовавшая мира. Напуганные мятежными выкриками, сенаторы послали к Марцию с предложением мира. Возвратившись назад, послы принесли суровый ответ: если вольскам будет отдана их земля, то можно говорить о мире; если же римляне рассчитывают спокойно пользоваться плодами завоеванного, то он, Марций, не забудет ни обид от сограждан, ни добра от чужих и постарается показать, что изгнание ожесточило его, а не сломило.

Послов отправили вторично, но они даже не были допущены в лагерь.

Тогда римские матери семейств толпой сошлись к Ветурии, матери Кориолана, и к Волумнии, его супруге. Побуждаемые их мольбой, Ветурия и Волумния с двумя Марциевыми сыновьями на руках отправились во вражеский лагерь. Объятия жены и детей, стон женщин, толпою оплакивавших свою судьбу и судьбу отчизны, сломили могучего мужа. Он склонился на их просьбы и отвел войско прочь от города. Этим поступком Кориолан вызвал против себя тяжкую ненависть вольсков и вскоре был ими убит.

4) Смерть Гнея Генуция

В 474 г. до Р.Х., в консульство Луция Фурия и Гая Манлия внутренние раздоры возобновились с новой силой. Народные трибуны предложили земельный закон, и возбужденный этим простой народ бушевал. Консулы всеми силами сопротивлялись. По сложении ими полномочий народный трибун Гней Генуций тут же потребовал их к суду.

Облачившись в скорбные одежды, Фурий и Манлий стали обходить младших сенаторов. Они не столько просили о поддержке, сколько убеждали, предупреждали и предостерегали от должностей, от участия в делах государства. Они говорили, что консульские фаски, окаймленную тогу, курульное кресло следует почитать разве за погребальное великолепие,

ведь украшенные этими знаками, как жертвенное животное лентами, консулы обречены на заклание. Возбужденные такими речами, сенаторы стали тогда совещаться не в курии, а частным образом, не доводя дела до сведения слишком многих. И поскольку решено было правдой или неправдой, но вырвать обвиняемых из-под суда, то самое крайнее мнение имело наибольший успех; нашелся и исполнитель отчаянного замысла. Итак, в день суда сошедшиеся плебеи стояли на форуме в ожидании, сначала они удивлялись, почему не является трибун; затем, когда задержка его стала уже подозрительной, сочли, что он запуган знатью, стали сетовать, что брошено и предано народное дело. Наконец из дома трибуна пришло известие, что он найден у себя мертвым. Когда эта весть обошла собравшихся, они все разбежались кто куда, как войско рассеивается, потеряв вожда. Сильнейший страх напал на трибунов: гибель товарища показала им, что никакие законы о священной неприкосновенности им не защита. А сенаторы не старались сдерживать радость; и настолько никто не тяготился виной, что даже непричастные желали казаться соучастниками и открыто шли разговоры о том, что трибунская власть должна быть укрощаема карой.

5) Новый избирательный закон для плебейских трибунов

Сразу после этой пагубнейшей победы был объявлен на-

бор, и, поскольку трибуны были запутаны, консулы провели его беспрепятственно. Плебеи меж тем больше гневались на молчанье трибунов, чем на могущество консулов, и говорили, что с их свободой покончено, что снова вернулись к старому. С Генуцием погибла и похоронена трибунская власть. Чтобы выстоять против сенаторов, нужно думать и действовать иначе, а путь к этому только один: чтобы плебеи, лишённые всякой другой защиты, сами себя защищали. Двадцать четыре ликтора состоят при консулах, и сами они – плебеи; нет власти презреннее и бессильнее, были бы люди, способные ее презирать, а то каждый внушает себе, что она велика и страшна. Такими речами они возбуждают друг друга, а между тем консулы послали ликтора к Волерону Публилию, плебею, который отказывался служить рядовым, потому что прежде был центурионом. Волерон взывает к трибунам. Так как никто не пришел ему на помощь, консулы приказывают раздеть его и высечь. «Обращаюсь к народу, – говорит Волерон, – поскольку трибунам приятней смотреть, как секут римского гражданина, чем самим гибнуть в своей постели от ваших кинжалов!» Чем громче кричал он, тем ожесточеннее рвал с него ликтор одежду. Тогда Волерон, который и сам был сильнее, да еще помогали ему заступники, оттолкнув ликтора, бросается в гущу толпы, где наиболее громок был крик негодующих, и оттуда уже кричит: «Взываю, молю народ о защите! На помощь, граждане, на помощь, соратники, нечего ждать от трибунов, которым самим впору ис-

кать вашей помощи!» В возбуждении люди готовятся будто к битве; стало ясно, что ждать можно чего угодно и никто ни во что не поставит ни общественное, ни частное право. Когда консулы явились на форум встретить эту страшную бурю, они убедились сразу, что без силы величие беззащитно. Ликторы были избиты, фаски сломаны, а консулы с форума были загнаны в курию и не знали, как воспользуется Волерон своею победой. Когда волнение улеглось, они созвали сенат, стали сетовать на причиненные им обиды, на насилие простонародья, на дерзость Волерона. Но над множеством раздраженных голосов взяло верх мнение старших сенаторов, которые не захотели сталкивать гнев сенаторов с безрассудством плебеев.

Отдав свое расположение Волерону, плебеи на ближайших выборах избрали его народным трибуном — в тот год [472 г. до Р.Х.], когда консулами были Луций Пинарий и Публий Фурий. Все полагали, что Волерон воспользуется трибунским званием для преследования прошлогодних консулов; но он, поставив общее дело выше личной обиды, ни словом не задев консулов, предложил народу закон о том, чтобы плебейские должностные лица избирались в собраниях по трибам. В безобидном на первый взгляд предложении речь шла о предмете отнюдь не малозначительном; но о том, чтобы отобрать у патрициев возможность через посредство своих клиентов добиваться избирать удобных себе трибунов. Этой мере, столь желательной для плебеев, всеми силами со-

противлялись сенаторы, и, хотя ни консулам, ни знатнейшим людям не удалось своим влиянием добиться того, чтобы кто-нибудь из трибунов выступил против (а это была единственная возможность провалить предложение), тем не менее дело это, по самой своей значительности чреватое спорами, растянулось на целый год. Плебеи вновь избирают трибуном Волерона; сенаторы, полагая, что дело дойдет до решительного столкновения, избирают консулом Аппия Клавдия, сына Аппия, ненавистного и неугодного плебеям уже памятью о стычках с его отцом. В товарищи ему дают Тита Квинкция.

С самого начала года [471 г. до Р.Х.] речь прежде всего пошла о новом законе. Но теперь поборником закона, предложенного Волероном, был и товарищ его Леторий, только что взявшийся за это дело; он был еще решительнее.

На следующий день трибуны занимают освященное место. Консулы и знать приходят в собрание, чтобы помешать принятию закона. Леторий приказывает удалить всех, кроме участников голосования. Знатные юноши стояли перед посылными, не двигаясь с места. Тогда Леторий приказывает схватить кого-нибудь из них. Консул Аппий возражает; право трибунов, говорит он, распространяется лишь на плебеев, это должность не общенародная, но только плебейская; даже и сам он, по обычаям предков, не мог бы своей властью разгонять народ, ведь говорится так: «Если вам угодно, удалитесь, квириты». Такими пренебрежительными рассуждениями о праве он легко выводит Летория из себя. Ки-

пя негодованием, направляет трибун к консулу посыльного, консул – к трибуну ликтора, выкрикивая, что трибун – частный человек, нет у него власти, нет должности; не миновать бы насилия, если бы все собрание не восстало яростно за трибуна против консула, а взволнованная толпа не сбежалась на форум со всего города. Но Аппий, невзирая на эту бурю, упорно стоял на своем; столкновение готово было обернуться кровопролитием, если бы не второй консул – Квинкций; он поручил консулярам силой, если иначе нельзя, увести товарища с форума, он смягчил мольбами разбушевавшийся простой народ, он уговорил трибунов распустить собрание: пусть уляжется раздражение – время не лишит их силы, но прибавит к ней разумение, и отцы подчинятся народу, и консул – отцам.

Трудно было Квинкцию утихомирить плебеев, еще труднее сенаторам – второго консула. Когда наконец народное собрание было распущено, консулы созвали сенат. Там страх и гнев заставляли говорить разное, но, по мере того как в ходе долгого заседания порыв уступал место обсуждению, сенаторы отвращались от вооруженной борьбы и наконец уже благодарили Квинкция за то, что его стараниями успокоена была распря. Аппия уговаривали, чтобы он искал такого величия консульской власти, какое совместимо с согласием среди граждан: а пока трибуны и консулы тянут каждый в свою сторону, никакой средней силы не остается, разъято и растерзано оказывается государство – думают больше о том,

в чьих оно будет руках, чем о том, чтобы сохранить его в целости. Аппий, напротив, призывал богов и людей в свидетели того, что государство предано и покинуто из трусости, что не сенату недостает консула, а консулу – сената; законы принимаются более тягостные, чем были приняты на Священной горе. Однако, побежденный единодушием сенаторов, он умолк. Закон прошел спокойно.

Впервые тогда трибуны избраны были на собрании по трибам; число их увеличилось, к прежним двум прибавили еще троих.

6) Смерть Аппия Клавдия

Еще беспокойнее был следующий год [470 г. до Р.Х.] – в консульство Луция Валерия и Тита Эмилия – как из-за межсословной борьбы вокруг земельного закона, так и из-за суда над Аппием Клавдием. Ярый противник этого закона, отстаивавший, будто третий консул, дело всех владельцев общественного поля, он был привлечен к суду народными трибунами Марком Дуиллием и Гнеем Сикцием. Никогда еще перед судом народа не представлял человек, столь ненавистный плебеям, накопившим так много гнева и против него, и против его отца. Сенаторы тоже не даром старались ради него больше, чем ради любого другого: поборник сената, блюститель его величия, его оплот против всех трибунских и плебейских смут, хоть порой и не знавший меры в борьбе, вы-

давался разъяренным плебеям.

Один только из сенаторов, сам Аппий Клавдий, ни во что не ставил ни трибунов, ни плебеев, ни суд над собою. Ни угрозы плебеев, ни мольбы сената не могли принудить его ни к скорбной одежде, ни к смиренным просьбам, ни даже к тому, чтобы он хоть слегка умерил или сгладил свою обычную резкость речи при защите перед народом. То же выражение лица, та же непреклонность взора, тот же дух в словах – так что многие плебеи не меньше боялись Аппия-подсудимого, чем прежде Аппия-консула. Одну лишь речь произнес он – и, как всегда, с привычным ему обвинительным пылом; этой верностью себе настолько он поразил и трибунов, и всех плебеев, что они сами, по собственной воле, отсрочили день суда, а затем позволили затянуть дело. Не столь уж долго все это продлилось, но, прежде чем наступил назначенный день, заболел Аппий и умер. Похвальное ему слово народные трибуны попытались было запретить, но простой народ не захотел, чтобы без этой установленной почести совершен был погребальный обряд над таким мужем: похвалы мертвому выслушал он так же благосклонно, как выслушивал обвинения живому, и толпой сопровождал похоронное шествие.

Кодификация законов

1) Начало борьбы за кодификацию

Введение трибуната несколько смягчило противоречия между сословиями, но не ликвидировало их. Обретая в трибунах признанных вождей, плебеи продолжали борьбу. В 462 г. до Р.Х. народный трибун Гай Терентий Гарса несколько дней кряду обвинял перед плебеями патрициев в высокомерии, но особенно ополчился он против консульской власти, которую объявлял ненужной и нетерпимой в свободном обществе. Само-то имя не вызывает ненависти, но, по существу, она страшней даже царской; ведь вместо одного государя здесь — двое, и власть их безгранична и безмерна: своевольные и необузданные, они карами внушают плебеям страх перед законом. Так вот, дабы не простирать это владычество на вечные времена, он предлагает принять закон об избрании пяти уполномоченных для составления законов о консульской власти, согласно которым консулы пользовались бы лишь теми правами, какими наделит их народ, и не считали бы законом собственные прихоти и произвол. Вопрос этот разбирался то в сенате, то в собрании. Наконец трибун, подчинившись влиянию консула, отступился. Внезапно пришло известие, что эквы и вольски снаряжа-

ют войско и главную ставку делают на Антий, жители которого открыто собираются и совещаются в Эцетрах. Как только сенат был извещен о грозящей опасности, объявили набор. Одному консулу приказали идти на вольсков, другому — на эквов. Но трибуны объявили войну с вольсками разыгранной на форуме комедией: дескать, не умея отнять у римлян свободу в открытом бою, патриции ловчат и лгут; невинным антийцам объявляют войну, а воевать будут римские плебеи. Обремененных оружием, консулы быстро погонят их из Рима, мстя трибунам удалением, а вернее, изгнанием граждан; закон, таким образом, не пройдет, нечего и думать об этом, если только плебеи, пока они еще дома, пока они еще не на военной службе, не позаботятся о том, чтоб не попасть под ярмо и навсегда не лишиться Города.

Между тем консулы расставили в противоположной стороне форума кресла и начали набор. Туда, увлекая за собой собравшуюся толпу, сбежались трибуны. Кого бы по приказу консула ни хватал ликтор, трибун повелевал отпустить; стремление соблюсти личные права нарушило порядок, каждый полагался на себя, и желаемое приходилось вырывать силой.

Точно так же, как вели себя, запрещая набор, трибуны, действовали сенаторы, не допуская голосования о законе, который предлагался народному собранию всякий раз, как оно созывалось. Драка начиналась всегда с того, что всякий раз, как трибуны приказывали народу разойтись для голосо-

ния, патриции отказывались двигаться с мест. Знатнейшие почти не принимали в этом участия, ибо дело вершил не разум, а наглый произвол.

2) Цезон Квинкций

Больше других своей знатностью и силой кичился в то время статный юноша Цезон Квинкций. К тому, чем наградили его боги, он присовокупил блестящие подвиги на войне и красноречие на форуме, так что никто в Риме не мог считаться ни более храбрым, ни более речистым. Появляясь среди патрициев, он выделялся из всех, в его голосе и силе словно бы воплощались все консульства и диктатуры. Он в одиночку сдерживал натиск трибунов и неистовство народа. Под его предводительством с форума нередко прогоняли трибунов, расталкивали и обращали в бегство толпу; сопротивлявшихся избивали и выгоняли, сорвав с них одежду, и не оставалось сомнений, что если он и впредь так будет себя вести, то закон не пройдет.

И тут, при почти полном замешательстве остальных трибунов, один из них, Авл Вергиний, обвинив Цезона в уголовном преступлении²³, вызвал его в суд. Но это только распалило неукротимый дух Цезона; он стал еще непримиримее к предложенному закону, возмутил народ и пошел настоящей войной против трибунов. Обвинитель не сдерживал обвиняемого, позволив ему самому возбудить против себя

ненависть и дать новые доказательства своей виновности: закон вносился на обсуждение уже не затем, чтобы быть принятым, а чтобы раздражить опрометчивого Цезона.

Среди защищавших Цезона был и отец его, Луций Квинкий, по прозванию Цинциннат, который просил простить его сыну ошибки молодости и, чтобы перечнем сыновних заслуг не усугубить ненависти, умолял помиловать его и напоминал о том, что сам он, Цинциннат, ни словом ни делом ни перед кем не провинился. Одни не слушали эти мольбы – кто из застенчивости, кто из страха, другие в ответ жаловались сами, выставляя следы побоев, и их злоба предвещала приговор.

Вергиний приказал схватить Цезона и заточить в темницу. Но патриции на силу ответили силой. Были призваны другие трибуны, которые приняли промежуточное решение: воспользовавшись своим правом заступничества, они запретили держать Цезона в заточении, но объявили о привлечении его к суду и сказали, что в случае неявки потребуют обещания об уплате пени. Было решено назначить поручителей, из которых каждый вносил залог в три тысячи медных ассов. Определить число поручителей было вверено трибунам. Сошлись на десяти: столько поручителей обвинитель счел достаточной порукой для обвиняемого. Так Цезон первым в Риме представил общественных поручителей. Отпущенный с форума, он ближайшей ночью удалился в Этрурию. Обратного в Рим он уже никогда не вернулся. У отца Цезона безжалостно отобрали все деньги; распродав свое имущество, он

довольно долго жил, точно в ссылке, в заброшенной лачуге где-то за Тибром

Патриции после изгнания Цезона пали духом, а знатнейшие из них готовы были уступить управление государством; но молодежь, особенно из Цезонова окружения, не оробела. Как только на рассмотрение был внесен закон о кодификации, они во главе целого воинства клиентов выступили против трибунов, так что голосование оказалось проваленным. Простой народ жаловался, что вместо одного Цезона явилась тысяча новых.

В декабре стараниями патрициев консулом был избран Луций Квинкций Цинциннат, отец Цезона. Этот выбор внушил сильные опасения трибунам, поскольку Квинкций, получив власть, объявил: следующих выборов консулов не будет, не таков, мол, у государства недуг, чтоб можно было излечить его обычными средствами; ему нужен диктатор, дабы всякий, кто вознамерится подорвать общественный строй, помнил, что самовластье диктатора обжаловать невозможно. Услышав эту угрозу, трибуны в окружении взволнованной толпы явились на Капитолий, где в это время заседал сенат. Плебеи подняли шум и стали упрашивать о покровительстве то консулов, то сенаторов. Но консул не отменил своего решения до тех пор, пока трибуны не дали обещания подчиниться сенату. Тогда, после доклада консула о требованиях трибунов и плебеев, сенат постановил, что трибуны в этом году не внесут своего закона, а консулы не выведут из Горо-

да войска. Впредь сенат объявил опасным для государства продление срока полномочий консулов и переизбрание трибунов.

Консулы подчинились предписаниям сената, а трибуны, несмотря на возражения, были избраны снова. Тогда и сенаторы, чтоб ни в чем не уступать плебеям, вознамерились вновь избрать консулом Луция Квинкция. И тут консул совершил свой самый запомнившийся за целый год поступок. «Стоит ли удивляться, отцы-сенаторы, – сказал он, – что ваше влияние на плебеев так ничтожно? Вы же сами его и уменьшаете! Стоило плебеям нарушить сенатское постановление о продлении срока полномочий, как вы решаетесь тоже его нарушить, чтоб не уступить толпе в безрассудстве. Или, по-вашему, кто проявляет большее легкомыслие и произвол, тот и большего стоит в государстве? Но ведь нарушать собственные постановления и указы не только легче, чем чужие, но и совершенно бессмысленно. Что же, сенаторы, подражайте безрассудной толпе, повторяйте чужие проступки, вместо того чтобы быть образцом для других, дабы другие брали пример с вас, а я не стану подражать трибунам и не потерплю, чтоб, вопреки сенатскому постановлению, меня объявляли консулом...»

3) Первая диктатура Цинцинната

В 458 г. до Р.Х. консулами стали Луций Минуций и Гай

Навтий. Вскоре огромное войско сабинян, опустошая все вокруг, подошло чуть ли не к стенам Рима: разорены были окрестности, и страх охватил Город. Одновременно войну начали эквы. Тогда плебеи (до этого упорно противившиеся набору) согласились взяться за оружие. Было набрано два больших войска. Одно повел на сабинян Навтий. Разместив лагерь у Эрета, он небольшими набегам, чаще ночными вылазками, так разорил земли сабинян, что по сравнению с ними римские владения казались почти не тронутыми войной. А Минуцию в войне против эквов не хватило ни удачи, ни силы духа: став лагерем недалеко от противника и не проиграв сколько-нибудь значительного боя, он трусил и не оставлял лагеря. Заметив это, неприятель, чью смелость питал, как водится, чужой страх, ночью подошел к лагерю, но в открытом бою успеха не добился и на следующий день воздвиг вокруг лагеря укрепления. Правда, прежде чем враги, окружив вал, перекрыли выходы, пять всадников проскочили мимо вражеских засад и сообщили в Рим, что консул и войско осаждены. Ничего более неожиданного и непредвиденного случиться не могло. Ужас и страх был такой, точно неприятель осаждал не лагерь, но самый Город. Послали за консулом Навтием. Его помощь, однако, показалась недостаточной, и, чтобы спастись, решено было назначить диктатора, которым с общего согласия стал Луций Квинкций Цинциннат.

Квинкций владел за Тибром четырьмя югерами земли.

Послы застали его за обработкой земли и после обмена приветствиями в ответ на их просьбу нарядиться в тогу, Квинкций удивленно спросил, что стряслось, и велел жене Рацилии скорее принести ему тогу из их лачуги. Когда он, отерши пыль и пот, оделся и вышел к послам, те радостно приветствовали его как диктатора и, описав, в каком страхе пребывают воины, призвали в Рим. Для Квинкция был на счет государства снаряжен корабль, у переправы его встретили вышедшие навстречу три его сына, затем остальные родственники и друзья и, наконец, почти все сенаторы. В окружении этой свиты и шествовавших впереди ликторов он был провожден домой.

На другой день диктатор пришел на форум до рассвета и назначил начальником конницы Луция Тарквиция, родом патриция, но по бедности служившего в пехоте, а воинской доблестью далеко превосходившего римскую молодежь. Вместе с начальником конницы Цинциннат явился на собрание, остановил судопроизводство, велел закрыть по всему городу торговлю и запретил какую бы то ни было частную деятельность. Затем он приказал всем, достигшим призывного возраста, с оружием в руках явиться до захода солнца на Марсово поле, имея при себе пятидневный запас еды и по двенадцать кольев; тем же, кто был уже стар для войны, он велел приготовить еду для своих соседей-воинов, занятых подготовкой оружия и кольев. Итак, молодежь кинулась разыскивать колья, где только можно. Никому не было отка-

за, и все явились в полной готовности точно в назначенное диктатором время. Войско, построенное походным порядком, было готово в случае надобности развернуться к бою – легионы, ведомые самим диктатором, и всадники под предводительством начальника конницы. И тем и другим было одно напутствие: прибавить шагу!

Диктатор объехал неприятельский лагерь и, осмотрев, насколько ночью можно было что-то разглядеть, его расположение, повелел военным трибунам отдать приказ воинам, чтобы те, сложив в одном месте снаряжение, вернулись в строй с оружием и кольями. Приказ был исполнен. Тогда диктатор, растянув походный строй в одну шеренгу, окружил ею лагерь и приказал, чтобы по условному знаку каждый, издавая воинственный клич, начал возводить насыпь с частоколом. Затем был подан сигнал. Войско стало проводить приказ в исполнение. Крики слышались со всех сторон, они донеслись до вражеского, а затем до консульского лагеря, сея в одном страх, а в другом – истинную радость. Криками осажденные дали знать легионам диктатора, что тоже вступили в решающую схватку. Эквы пытались помешать окружению своего лагеря, но, так как изнутри завязал сражение осажденный враг, они повернули оружие против него и уступили осаждающим целую ночь для работы. К восходу солнца насыпь с частоколом была готова. Воины Квинкция вновь взяли за оружие и начали наступление со стороны вала.

Нависшая с двух сторон опасность вынудила эквов перейти от сраженья к мольбам; они заклинали и диктатора, и консула не превращать победу в резню и позволить им удалиться, оставив оружие. Консул велел им идти к диктатору, а тот в гнев обрел их на еще больший позор: полководца Гракха Клелия вместе с другими предводителями приказал привести к себе в оковах, а город Корбион очистить. Крови эквов он-де не жаждет, пусть себе уходят, но, чтобы они наконец признали, что покорен и смирен их народ, пройдут они под ярмом. Ярмо это делалось из двух копий, воткнутих в землю, и третьего, служащего перекладиной. Под таким ярмом и прогнал диктатор эквов.

Одержав победу, Квинкий на шестнадцатый день сложил с себя диктаторские полномочия, полученные на шесть месяцев. В эти дни консул Навтий блестяще выиграл сражение с сабинянами при Эрете, присовокупив к этому разгрому опустошение сабинских полей.

4) Решение о кодификации законов

В начале 457 г. до Р.Х. пришла весть о вторжении сабинян. Страх заставил трибунов разрешить набор, но при условии, что отныне – поскольку они пять лет терпели издевательства и мало чем помогли плебеям – избираться будут десять трибунов. Нужда заставила сенаторов дать согласие, обусловив его единственно запретом избирать в трибуны од-

них и тех же. Выборы были проведены немедленно, из опасения, что после войны эта возможность, как и прежние, будет упущена. На тридцать шестой год существования трибуната были избраны десять народных трибунов, по два от каждого разряда. Этот порядок избрания был предусмотрен и на будущее.

В 454 г. до Р. Х., видя упорное нежелание патрициев идти на уступки, трибуны повели дело мягче. Если сенаторам не нравится предложенный плебеями закон, говорили они, пусть позволят и из плебеев, и из патрициев избрать законодателей, чтобы они радели о пользе тех и других и об уравнении их в правах. Сенаторы не отклонили этого предложения, но заявили, что законодателями могут быть лишь патриции. В 452 г. до Р.Х. было решено упразднить в следующем году все должности и избрать только децемвиров, чьи действия не подлежали бы обжалованию. Некоторое время шел спор о том, допускать ли в число их плебеев, но те наконец уступили патрициям, лишь бы только не был отменен закон Ицилия об Авентинском холме и все прочие нерушимые законы 494 г. до Р.Х.

5) Первый децемвират

В триста втором году от основания Рима [451 г. до Р.Х.] в государстве переменился образ правления: как раньше от царей к консулам, так теперь власть перешла от консулов к

децемвирам.

Децемвирами же были избраны Аппий Клавдий, Тит Генуций, Публий Сестий, Луций Ветурий, Гай Юлий, Авл Манлий, Публий Сульпиций, Публий Куриаций, Тит Ромилий, Спурий Постумий.

У власти стоял любимец народа Аппий, который так переменял свой нрав, что из жестокого и беспощадного гонителя плебеев сумел стать угодником толпы, ищущим ее благосклонности.

Раз в десять дней каждый из децемвиров председательствовал на суде, происходившем при всем народе, имея при себе двенадцать ликторов, тогда как девяти его товарищам причиталось по одному слуге.

Вынося всем – и лучшим и худшим – решительные и непреложные, как у оракула, приговоры, децемвиры одновременно трудились над составлением законов, и, выставив, в ответ на ожидания народа, десять таблиц, они призвали людей прийти на собрание и прочесть законы, предлагаемые ради благоденствия Рима, собственного их благополучия и счастья их детей.

Когда в соответствии с замечаниями, высказанными по каждой главе, свод законов стал казаться вполне выправленным, законы десяти таблиц передали для голосования по центуриям. Но потом пошли толки, что недостает еще двух таблиц, добавив которые можно было бы считать свод римского права завершенным. Это ожидание и приближающийся-

ся день выборов побудили к новому избранию децемвиров.

Аппий Клавдий, добившийся в свои годы столь высокого положения, вступил в борьбу из-за угрозы лишиться этого положения. Неясно было, считать его децемвиром или соискателем. Он более домогался своей должности, чем исполнял ее: браня знатных соискателей и превознося негоднейших и ничтожнейших, он носился по форуму среди бывших трибунов, Дуиллиев и Ицилиев, и с их помощью набивал себе цену у толпы.

Не осмелившись в открытую воспротивиться этим проискам, децемвиры смягчали его натиск уступками. По уговору Аппия Клавдия – как самого молодого – обязали председательствовать на выборах. Уловка была в том, что он не должен был избрать себя сам, ибо таких чреватых бедствиями примеров никто, кроме народных трибунов, никогда не подал.

А он, хоть и взялся, к общей радости, председательствовать на выборах, обратил это себе на пользу и, кознями отстранив от власти наряду с другими гражданами такого же звания обоих Квинкциев, Капитолина и Цинцинната, своего дядю и стойкого защитника патрициев Гая Клавдия, децемвирами сделал людей, неизмеримо менее достойных, и прежде всего себя самого,

6) Второй децемвират

Вступив в должность, Аппий Клавдий сбросил маску и показал свое истинное лицо, а новых товарищей еще раньше сумел переделать на свой лад. Они собирались ежедневно, без свидетелей решая, как достичь полновластия, о котором мечтали втайне от остальных, уже не скрывали гордыни, были малодоступны, грубили просителям и так вели дела до майских ид.

Первый же день их правления ознаменован был всеобщим страхом. В то время как прежние децемвиры придерживались правила приставлять ликторов только к одному из десяти и этот знак достоинства предоставлялся всем по очереди, новые явились каждый в окружении двенадцати ликторов.

Они походили на десять царей, наводя страх на простой люд и первых сенаторов, понимавших, что децемвиры только и ищут повода начать казни и стоит кому-нибудь в сенате или в собрании упомянуть о свободе, как тотчас для острастки в ход будут пущены топоры и розги. В придачу к тому, что после запрета обжалованья народ перестал быть им защитой, децемвиры отменили и право взаимного обжалования, тогда как их предшественники таким образом исправляли приговоры своих товарищей или передавали народу дела, казалось бы подведомственные самим децемвирам.

Некоторое время в страхе равно держали всех, но ма-

ло-помалу его жертвою остались одни плебеи. Патрициев не трогали, с незнатными же децемвиры обращались жестоко и своевольно. Разбирательству подвергались люди, а не дела, и пристрастие заняло место справедливости. Приговоры они сочиняли дома, а оглашали их на форуме. Тот, кто жаловался децемвирам на их товарища, уходил, досадуя на себя за то, что не довольствовался прежним приговором. Само собою сложилось мнение, что они замыслили творить беззакония не только ближайшее время, но заключили скрепленный клятвою тайный договор об отмене выборов, об увековечении звания децемвира и пожизненном пребывании у власти.

Так прошла большая часть года [449 г. до Р.Х.], к десяти прошлогодним прибавлено было две новых таблицы с законами, принятие которых на собраниях центурий означало бы, что государство не нуждается более в децемвирах. Ждали, когда же объявят консульские выборы. Плебеев уже волновало только одно – восстановление приостановленной власти трибунов, залога их свободы, но о выборах не было и помину. И если раньше децемвиры, дабы понравиться народу, появлялись перед ним в обществе бывших трибунов, то теперь их окружала патрицианская молодежь. Эти юнцы толпами осаждали судилище, расхищали плебейское добро, ибо во всем, за что они с жадностью хватались, удача сопутствовала сильнейшему. Наконец, перестали щадить и людей: с одних срывали кожу розгами, другие гибли под топором, а чтоб из этих зверств извлечь еще и выгоду, за казную хо-

зьяина следовала раздача его имущества. Благородные юноши, продавшиеся за такую цену, не только не сопротивлялись беззаконию, но в открытую предпочли свою вольницу всеобщей свободе.

Наступили майские иды. Никем не замещенные децемвиры, хоть и стали частными лицами, с прежней твердостью держались за власть и по-прежнему выставляли напоказ знаки своего достоинства. В том, что децемвиры уподобились царям, уже не оставалось сомнений.

7) Преступление Аппия Клавдия

Конец узурпации власти децемвирами положило преступление, по духу очень сходное с тем, что дало повод к выступлению против царей. Случилось так, что Аппий Клавдий воспылал страстью к девушке из народа и решил удовлетворить свою похоть. Отец девушки, центурион Луций Вергиний, несший службу у Альгида, был образцовым воином и гражданином. Так же была воспитана его жена, так воспитывались и дети. Дочь он просватал за бывшего трибуна Луция Ицилия, храбреца, доблестно отстаивавшего права плебеев. Девушка не соблазнилась подарками и обещаниями Аппия, и тогда тот, от страсти потеряв голову, решился на грубое насилие. Он поручил своему клиенту Марку Клавдию, чтобы тот объявил Вергинию своею рабыней и не уступал требованиям временно оставить ее на свободе, полагая, что в отсут-

ствие ее отца Вергиния это беззаконие будет возможно. Когда девушка пришла на форум, где среди лавок находилась школа, в которой она обучалась грамоте, Клавдий, слуга децемвирской похоти, остановил ее наложением руки и, объявив Вергинию дочерью своей рабыни и, следовательно, рабыней, приказал без промедленья следовать за ним. Бедная девушка остолбенела, но на крики кормилицы сбежался народ. Имена ее отца Вергиния и суженого Ицилия были хорошо известны. Тех, кто знал их, объединяла дружба, а толпу – негодование против козней Клавдия. Девушка была уже спасена от насилия, но тут предъявивший на нее свои нравы заявил, что ни к чему собирать такую толпу: он, мол, намерен действовать не силой, но по закону. И вот он вызывает девицу в суд. По совету близких, присматривавших за ней, она явилась к трибуналу Аппия. Истец поведал свою выдумку судье, который сам и был сочинителем этой басни, что, мол, девушка родилась в его, Клавдия, доме, откуда была похищена и подброшена Вергинию, а сам он узнал об этом благодаря доносу и готов представить доказательства. Защитники девушки в ответ сказали, что Вергиний отсутствует по делу государства и если ему сообщат о случившемся, то он будет в городе через два дня, а посему несправедливо в отсутствие отца тягаться о детях, и потребовали отсрочить дело до его возвращения.

Разбирая дело, Аппий согласился послать за отцом девушки, но постановил, что истец должен оставаться при сво-

ем неущемленном праве, и потому может до суда увести Вергинию с собой. Решение это вызвало сильнейший ропот в народе, а жених несчастной Ицилий вскричал: «Ты получишь то, к чему стремишься, лишь мечом прогнав меня отсюда! Я женюсь на этой девушке, и моя невеста пребудет невинной. Ты можешь, кроме своих, созвать и всех децемвирских ликторов и приказать им пустить в ход топоры и розги, но моя суженая вернется в отцовский дом!»

Проявленная Ицилием твердость заставила Аппия колебаться в своем намерении. Правда он заявил, что уступает не из-за наглости Ицилия, а лишь покровительствуя свободе и считаясь с отцовским званием Вергиния, в чье отсутствие не будет совершен ни суд, ни приговор. Марка Клавдия он попросит до завтра отпустить девушку в родительский дом.

Вызванный из военного лагеря, отец девушки Вергиний срочно прибыл в Рим. Уже на рассвете все граждане в нетерпении собрались на форуме, куда Вергиний, одетый как на похоронах, привел дочь, обряженную в лохмотья, в сопровождении нескольких матрон и толпы защитников. Здесь Вергиний стал обходить людей; обращаясь к ним, он не только просил содействия, но требовал его как должного. Плебеи до конца надеялись на вынесение справедливого приговора, но жестоко просчитались. Аппий Клавдий отверг все доводы защиты и повторил вчерашнее постановление: девушка является рабыней, и потому должны вернуться в дом истца!

Вергиний увидел, что помощи ждать не от кого и с моль-

бой обратился к Аппию: «Прости отцу ради его горя, если я сказал против себя неразумное слово, но позволь напоследок здесь, в присутствии девицы, расспросить кормилицу, как обстояло дело, чтобы я, если и правда не отец, ушел отсюда со спокойным сердцем». Получив разрешение, он отошел с дочерью и кормилицей к лавкам, что располагались возле храма Венеры Очистительницы и, выхватив там у мясника нож, пронзил им грудь девушки.

При виде ужасного злодеяния поднялся крик, и Аппий, выйдя из оцепенения, приказал схватить Вергиния. Но тот, размахивая ножом, под защитой шедшей за ним толпы проложил путь к воротам.

Тогда Аппий обратил свою ярость на жениха девушки. Он то вызывал Ицилия, то приказывал схватить его, но служителям не дали подойти. Бывшего трибуна обступала уже не только толпа плебеев. Рядом с ним встали известные своей справедливостью патриции Луций Валерий и Марк Гораций. Они оттолкнули ликтора, утверждая, что Аппий не имеет законных властных полномочий. Если он прибегнет к праву, то они могут защитить Ицилия от частного лица, а если он применит силу, то и тогда они ему не уступят. Ликтор децемвира напал было на Валерия и Горация, но толпа разломала его фаски. Аппий поднялся, чтоб обратиться к народу, но Гораций и Валерий пошли вслед за ним. Народ слушал их, а децемвиру не давал говорить. Валерий, словно он был облечен властью, приказал ликторам оставить в покое част-

ного человека. Это сломило дух Аппия, и в страхе за свою жизнь, закутав лицо, он бежал с форума.

8) Второй уход плебеев из Рима и низложение децемвиров

Вергиний между тем добрался до военного лагеря и своим рассказом вызвал здесь еще больше волнения, чем в Риме. Власть децемвиров была свергнута. Войско подступило к Риму и заняло Авентинский холм. Здесь по поручению воинов двадцать военных трибунов избрали из своего числа двух верховных предводителей. Вслед за тем бывший народный трибун Марк Дуиллий убедил народ перебраться с Авентина на Священную гору. За войском отправились остальные плебеи: дома остались лишь немощные старики.

Сенаторы, встревоженные таким оборотом дела, поручили Валерию и Горацию начать с ушедшими переговоры. Требования плебеев озвучил Луций Ицилий. Патриции должны были согласиться на восстановления власти трибунов и право обжалованья перед народом — того, что было их опорой, пока не избрали децемвиров, а во-вторых, помилования для тех, кто призывал войско и народ добиваться возвращения свободы. Явившись в Город, послы изложили сенаторам условия плебеев, с которыми тут же согласились все децемвиры. После принятия постановления сенаторы разошлись, а децемвиры явились на форум и при всеобщем ликовании

сложили с себя полномочия. Затем интеррекс провел избрание консулов, каковыми стали Луций Валерий и Марк Гораций

Первым делом в народном собрании по центуриям консулы провели закон, который делал решения, принятые плебеями на собраниях по трибам, обязательными для всего народа и таким образом дал трибунам сильнейшее оружие для проведения их законопредложений. Вслед за тем они не только восстановили закон об обжаловании консульских действий перед народом, единственный залог свободы, отнятый пришедшими к власти децемвирами, но даже упрочили его на будущие времена, объявив нерушимым новый закон, запрещающий избрание каких бы то ни было должностных лиц без права обжалования их действий: всякого, кто его нарушит, можно и должно убить, и это убийство не будет считаться уголовным преступлением.

После того как и власть трибунов, и свобода плебеев были вполне обеспечены, народные трибуны сочли своевременным и безопасным начать по одному преследовать децемвиров и выбрали первым обвинителем Вергиния, а первым ответчиком – Аппия. Без чьих-либо возражений, но при большом волнении плебеев Аппий был препровожден в темницу. Здесь, лишенный надежды на оправдание, он покончил с собой, не дождавшись суда. Вслед за этим другой ненавистнейший человек, Спурий Оптий, подвергся преследованию за то, что был в Городе при оглашении его товарищем непра-

ведного приговора.

Оппия тоже отвели в темницу, где, не дожидаясь дня суда, он кончил жизнь самоубийством. Имущество Клавдия и Оппия трибуны обратили в доход государства. Остальные децемвиры отправились в изгнание, и их имущество отошло в казну. Притязавший на Вергинию Марк Клавдий был осужден по приговору, но прощен самим Вергинием и отпущен, после чего ушел изгнанником в Тибур.

Великий страх обуял патрициев, перед которыми трибуны явились в том же обличие, что и децемвиры, но тут народный трибун Марк Дуиллий благоразумно пресек чрезмерное своевластие народа. «Врагам, покушавшимся на нашу свободу, мы отплатили сполна, – сказал он. – И потому в этом году я не позволю, чтоб хоть кто-нибудь был вызван в суд или препровожден в темницу. Ибо в другой раз не взыщешь за старые и уже забытые прегрешения, после того как и новые искуплены казнью децемвиров, а неустанная забота обоих консулов, охраняющих вашу свободу, служит залогом того, что вмешательства трибунов не потребуется». (Ливий: 3; 9-59).

9) Военные трибуны с консульской властью

Затем консулами стали Марк Генуций и Гай Курций. Тот год [445 г. до Р.Х.] был недобрым как в домашних делах, так и в военных. Уже в самом его начале трибун Гай Кану-

лей обнарудовал предложение о дозволении законных браков между патрициями и плебеями¹, в чем патриции усмотрели угрозу чистоте их крови и упорядоченности родовых прав. Трибуны поначалу осторожно заговорили о том, чтобы один из консулов мог быть плебеем, и дошло наконец до того, что девять трибунов предложили закон, согласно которому народ имел бы право избирать консулов по своему усмотрению, из патрициев ли или из плебеев, – в этом случае, по мнению патрициев, им пришлось бы не делиться властью с плебеями, но попросту уступить всю ее толпе.

Когда консулы явились в собрание, а обмен речами обернулся перебранкой, один из них на вопрос трибуна, почему не может стать плебей консулом, дал ответ, быть может и верный, но почти бесполезный в споре. Он сказал, что никто из плебеев не посвящен в птицегадания, из-за чего децемвиры и запретили им браки с патрициями, чтоб сомнительное потомство не поколебало чина обряда. Отказ посвящения в тайны птицегаданий на том основании, что бессмертные боги якобы гнушаются плебеями, особенно распалял их гнев. Страсти – ведь и трибун плебеям попался горячий, и сами они упрямством могли с ним поспорить – улеглись не прежде, чем побежденные сенаторы уступили в споре о смешанных браках, рассчитывая прежде всего на то, что трибуны либо вовсе откажутся от требования о консульстве для плебеев, либо отсрочат его до конца войны, между тем как, удовлетворенные законом о браках, плебеи не станут проти-

виться набору.

Однако победою над сенатом и своим влиянием на плебеев Канулей столь возвысился, что другие трибуны, подстрекаемые к соперничеству с ним, принялись всеми силами отстаивать свое предложение и препятствовать набору как раз тогда, когда слухи о войне стали усиливаться день ото дня. Консулы совещались со знатнейшими сенаторами с глазу на глаз – ибо в открытую действовать через сенат из-за вмешательства трибунов было невозможно. Было ясно, что уступить победу придется либо врагу, либо согражданам.

После всех совещаний решили, чтобы сенаторы допустили избрание военных трибунов с консульской властью – и из патрициев и из плебеев без различий, в порядок же избрания консулов никаких изменений внесено не было. И этим удовлетворялись и трибуны, и простой народ.

Были назначены выборы трех трибунов с консульской властью. Исход их показал, что с одними настроениями борются за свободу и достоинство и с другими – выносят беспристрастное решение, когда борьба уже окончена. Ведь трибунами народ выбрал одних патрициев, довольствуясь уже тем, что с интересами плебеев посчитались.

На триста десятый от основания Рима год [444 г. до Р.Х.] впервые вступили в должность военные трибуны, заместившие консулов: Авл Семпроний Атратин, Луций Атилий и Тит Клуилий.

10) Учреждение должности цензора

Затем консулами были избраны Марк Геганий Мацерин во второй и Тит Квинкций Капитолин в пятый раз [443 г. до Р.Х.]. Этот же год дал начало должности цензоров, сначала малозначительной, а потом так возвысившейся, что цензорам подчинялись римские нравы и образ жизни, что в сенате и во всаднических центуриях им сделалось подвластно вынесение приговоров о достойном и недостойном, что им подчинены были общественные и частные постройки, что сбор податей с народа римского был отдан на полное их усмотрение. Установление это ведет начало свое от того, что консулам нельзя было более отсрочивать вот уже много лет не проводившуюся перепись граждан, однако угроза войны с окружающими народами мешала им взяться за дело. В сенате было высказано мнение, что эту хлопотную и малоподобающую консулам обязанность следует возложить на особых должностных лиц, под началом которых трудились бы писцы и хранители дел и которым вверялось бы проведение переписи. Итак, сенаторы с радостью, ибо в государстве стало больше – пусть и незначительных – должностей для патрициев, ее учредили, надеясь и на то, что уже само богатство тех, кому она будет вверена, придаст этой почетной обязанности законную внушительность.

11) Заговор Спурия Мелия

Затем наступило консульство Прокула Гегания Мацерина и Луция Менения Ланата [440 г. до Р.Х.], памятное многими напастями. Начались они с голода; год ли был неурожайный, или, соблазнившись городской жизнью и сходками, земледельцы оставили невозделанной пашню – точно неизвестно. Патриции винили плебеев в праздности, а народные трибуны – то патрициев в коварстве, то консулов в нерадивости. Наконец, плебеи без помех со стороны сената добились того, что распорядителем продовольственного снабжения избрали Луция Минуция. Он разослал сушей и морем посольства к соседним народам, но тщетно – лишь из Этрурии подвезли немного хлеба, – и занялся распределением остатков, принуждая всех объявлять об имеющихся запасах и продавать излишки сверх положенного на месяц, урезая дневной паек рабов, обвиняя и тем обрекая народному гневу хлеботорговцев. Строгими мерами он скорее обнажил, чем ослабил, нужду, и многие потерявшие надежду, чтоб не испускать дух в мучениях, закутав голову, бросались в Тибр.

Тогда Спурий Мелий из сословия всадников – по тем временам богач – показал худший пример того, как с дурными намерениями браться за доброе дело. На свои деньги скупив через гостеприимцев и клиентов хлеб из Этрурии – что уже само по себе было помехой общественному снабжению, –

он устроил раздачи, чтобы дарами привлечь к себе плебеев. Всюду, где он ни появлялся, он с гордым видом, неприличным частному человеку, ходил в окружении благодарной и исполненной надежд толпы плебеев, обещавшей ему верное консульство. Но так как дух человеческий не довольствуется тем, что дарует ему судьба, то и Мелий вознесся в мечтах слишком высоко. Коль скоро ему и консульство пришлось бы захватывать вопреки воле отцов, он замахнулся на царскую власть – единственное, что стоило таких затрат и вознаграждало за борьбу в будущем. Приближались выборы консулов, и, поскольку план действий еще не составил и не вполне созрел, это обстоятельство и погубило дело.

Консулом в шестой раз стал Тит Квинкий Капитолин – человек наименее удобный для того, кто замыслил переворот, с ним был избран Агриппа Менений по прозвищу Ланат [439 г. до Р.Х.]. Едва консулы вступили в должность, Луций Минуций представил в сенат достоверные (ведь у обоих дома толклись одни и те же люди) сведения о том, что в доме Мелия имеется склад оружия и бывают сходки и сам он наверняка замыслил стать царем. Время совершить задуманное еще не настало, но все уже улажено: трибуны подкуплены и готовы предать свободу, а среди вождей толпы уже распределены обязанности. С доносом он чуть было не опоздал, поскольку хотел удостовериться вполне, что раскрыл действительно важное дело.

Когда все это было выслушано, знатнейшие сенаторы в

один голос разбрали и прошлогодних консулов — за то, что при их попустительстве состоялись раздачи и сходки, и консулов новых — за то, что те дожидались, пока распорядитель продовольствия донесет сенату о деле, которое именно от консула требовало не только расследования, но и кары за него. Тит Квинкий же возразил, что консулов бранят понапрасну, ведь они связаны законом об обжаловании, внесенным для ослабления их власти, и если им хватает духу свершить возмездие, соответствующее тяжести преступления, то полномочий на это они не имеют; тут нужен не просто храбрый человек, но свободный, не связанный путами закона. (12) А потому он намерен назначить диктатором Луция Квинция: вот человек, достойный этого звания.

Всеми одобренный, Луций Квинкий поначалу отказывался и все спрашивал, как это понять, что именно ему, уже старику, доверено столь опасное дело. Затем, когда отовсюду раздались голоса о том, что в этой старческой душе не только разума, но и доблести хватит на всех остальных, когда засыпали его вполне заслуженными славословиями, а консул не отступал, тогда и обратился Цинциннат к бессмертным богам с мольбами о том, чтобы в столь тревожные времена старость его не принесла государству позора или урона. Консул объявил Луция Квинция диктатором, а тот назначил начальником конницы Сервилия Агалу.

На следующий день, расставив стражу, диктатор явился на форум. Люди Мелия недоумевали, из-за каких таких на-

пастей, из-за какой внезапной войны у государства возникла нужда в диктатуре или в Квинкции, которому перевалило за восемьдесят. Но они недолго пребывали в неведении. Сервилий, начальник конницы, посланный Цинциннатом к Мелию, сказал ему: «Тебя вызывает диктатор». Побледнев, тот спросил зачем, и, когда Сервилий заявил, что надобно ему держать ответ, чтобы снять обвинение, внесенное в сенат Минуцием, Мелий попятился к своим. Когда же служитель по приказу начальника конницы повел его, Мелий с помощью спутников вырвался и побежал, слезно умоляя римских плебеев поверить ему, говоря, что патриции решились погубить его за оказанные им плебеям благодеяния. Агала Сервилий догнал кричащего и заколол его на виду всех граждан. Забрызганный кровью, он объявил Цинциннату, что вызванный к нему Мелий оказал сопротивление и подстрекал толпу, за что и поплатился по заслугам. «Честь и хвала тебе, Гай Сервилий, за спасение государства!» – ответил диктатор.

Толпу, растерянную и взбудораженную случившимся, диктатор велел созвать на сходку, где объявил, что казнь Мелия законна, даже если тот и неповинен в стремлении к царской власти, ибо он не явился к диктатору по вызову начальника конницы. Он добавил, что собирался разобрать дело в суде, и по разборе Мелия ждала бы подобающая его вине участь: силой воспротивившись правосудию, он и укрошен был силой. Да и можно ли было обращаться с ним как с гражданином, если, появившись на свет в свободном обществе,

уважающем законы и право, он взлелеял мечты о царстве?

12) Плебеи получают доступ к должности квестора

В 421 г. до Р.Х., в консульство Нумерия Фабия Вибула-на и Тита Квинкция Капитолина, сына Капитолина, между патрициями и плебеями возникла новая распря из-за удвоения числа квесторов (в то время это были судьи или следователи по уголовным делам). Когда это предложение – избирать, кроме двух городских квесторов, еще двоих в помощь консулам для ведения войны – было внесено консулами в сенат, где получило полное одобрение, народные трибуны стали бороться за то, чтобы часть квесторов – а в те времена в квесторы избирались только патриции – была из плебеев. Поначалу и консулы и сенаторы всячески противодействовали этим стараниям, а потом уступили, согласившись на то, чтобы квесторов, как и военных трибунов с консульской властью, народ выбирал свободно из патрициев и плебеев, но эта уступка ничего не дала, и тогда они вовсе отказались от замысла увеличить число квесторов. Но от него не отказались народные трибуны, и вот уже стали раздаваться новые предложения, сулившие смуту; среди них – закон о разделе земли. Из-за этих волнений сенат предпочел избрать консулов, а не военных трибунов, но так как трибуны возражали – они даже не давали сенаторам собраться, – сенатское поста-

новление принято не было и в государстве – не без упорной борьбы – возникло междуцарствие.

Так как большая часть следующего года [420 г. до Р.Х.] была потрачена на борьбу новых народных трибунов со сме-няющими друг друга интеррексами, в ходе которой трибуны либо мешали сенаторам собраться для передачи власти очередному интеррексу, либо чинили помехи последнему, чтобы он не вносил сенатского постановления об избрании консулов, то в конце концов Луций Папирий Мугиллан, в свою очередь ставший интеррексом, в укор и сенаторам, и народным трибунам напомнил, что заброшенное людьми государство еще не пало лишь благодаря промыслу и попечению богов, да еще потому, что с вейянами перемирие, а эквы медлят.

Если так пойдет дело, то и боги будут не в силах спасти государство римлян. Отчего бы, отбросив крайности, не добиться взаимного согласия, уважающего права обеих сторон: пусть патриции не возражают против военных трибунов с консульской властью, а народные трибуны не вмешиваются в назначение четырех квесторов на основании свободного народного голосования, без различий сословий.

Когда это решение было принято обеими сторонами, состоялись выборы военных трибунов с консульской властью. Ими стали одни патриции: Луций Квинкций Цинциннат в третий раз, Луций Фурий Медуллин во второй, Марк Манлий и Авл Семпроний Атрин. Выборами квесторов ведал

этот последний, а среди нескольких плебеев, домогавшихся этой должности, был сын народного трибуна Антистия и брат другого народного трибуна, Секста Помпилия, которым, однако, не помогли ни могущество, ни поддержка при голосовании: им предпочли знатных, тех, чьих отцов и дедов видели консулами. (Ливий: 4; 1 – 44).

Покорение Вей

1) Объявление войны. Военный налог

Внутренняя борьба римлян постоянно перемежалась с внешней. В течение всего V в. до Р.Х. они вели бесконечные войны со своими ближайшими соседями: вольсками, герниками, эквами, сабинянами, а также с этрусским городом Вейи. Плутарх пишет, что этот город был красою Этрурии; изобилием оружия и числом воинов он не уступал Риму, блистал богатством, пышностью, роскошным укладом жизни и в прежние годы дал римлянам немало замечательных сражений, оспаривая у них славу и господство. Но теперь вековому противостоянию пришел конец.

Война началась в 406 г. до Р.Х., как пишет Тит Ливий, из-за высокомерия тамошнего сената, который в ответ на требования римских послов возместить прежние убытки велел передать, чтоб они убирались вон из их города. Уязвленные се-

наторы постановили, чтобы военные трибуны с консульской властью в тот же день внесли в народном собрании предложение о войне с вейянами.

Поначалу это предложение не нашло отклика у народа. Волнения вспыхнули сами собой, а народные трибуны разжигали их все сильнее. Самая страшная война, повторяли они, это война патрициев с плебеями, нарочно обреченными тяготам воинской службы, обреченными гибнуть от вражеского оружия; их усылают подальше от Города, чтобы в мирное время, у себя дома, они не вспоминали ни о свободе, ни о поселениях, чтобы не рассуждали о разделе общественных земель или о свободных выборах. Беспреданно выступая в таком духе на сходках, народные трибуны убедили плебеев не начинать войны, и внесение закона о ней было отсрочено, ибо стало ясно, что, рассмотренный в обстановке всеобщего озлобления, он будет отвергнут.

Чтобы переломить настроение знать поднесла простому люду неожиданный и своеобразный дар: сенат – о чем перед тем не было и помину ни от плебеев, ни от трибунов – постановил, чтобы воины получали жалованье от казны, ведь до этого каждый римлянин нес службу за собственный счет. Новый закон был встречен с величайшей, радостью. Плебеи сбегались к месту заседания сената, хватали за руки выходивших сенаторов и называли их истинными отцами, заверяя, что отныне за столь щедрое к ним отечество никто из них, сколь достанет сил, не пощадит ни крови, ни живота.

Ведь к возможности обеспечить благополучие семьи на то время, что сами они будут проводить в трудах и заботах для блага государства, прибавлялось еще и сознание того, что благодеяние это оказано им по доброй воле, без малейшего нажима со стороны народных трибунов, без всяких просьб, отчего плебеи еще больше радовались и еще сильнее благодарили. Лишь народные трибуны не разделяли общего ликования и согласия сословий. Они говорили, что и сенаторы, и все остальные напрасно так уж рассчитывают на успех и благоденствие. Решение о выплате жалования солдатам, по их словам, лучше на вид, чем на деле. Ведь где же взять для этого денег, как не обложив налогом народ? Значит, и щедрость их – за чужой счет. Некоторые плебеи прислушались к этим доводам. А когда наконец военный налог был назначен, народные трибуны предложили тем, кто уклонится от его уплаты, свою поддержку. Сенаторы очень старались для успеха своего предприятия и сами сделали первые взносы, свезя в казну – ведь серебряных денег тогда еще не чеканили – медные слитки в повозках; это придавало особую торжественность зрелищу. После того как патриции честно уплатили все, что приходилось на их долю, то и самые видные из плебеев, друзья знати, начали вносить налог, как то было установлено. Когда плебеи увидали, что патриции их превозносят, они отказались от помощи трибунов и наперерыв стали вносить положенные взносы. Наконец, после утверждения закона об объявлении войны вейянам, новые военные

трибуны с консульской властью повели на Вейи войско, набранное по большей части из добровольцев.

2) Начало осады

В 405 г. до Р.Х. римское войско подступило к Вейям. Как только началась осада, этруски толпою сошлись к святилищу Волтумны и совещались, но решения о том, чтобы общими усилиями всего народа оказать военную помощь вейянам, принято не было. В следующем году осада пошла вяло, потому что часть трибунов была отозвана для войны с вольсками.

Поскольку римские полководцы возлагали надежды скорее на осаду, нежели на приступ, началось строительство зимнего лагеря, что было в новинку римскому воину; предстояло продолжать войну, стоя на зимних квартирах. Когда это стало известно в Риме, трибуны бросились в народное собрание, поскольку уже давно искали повод для смуты. Они распаляли души плебеев, твердя, что именно для этого воинам и установили плату; да, они не ошиблись, опасаясь, что недруги сдобрили свой дар ядом! Продана народная свобода! Молодежь, навсегда отосланная из Города и оторванная от общественных дел, уже ни зимой, ни в другое время года не сможет возвращаться, чтобы навестить дом и родных. В чем, по-вашему, говорили они, причина продления военной службы? Конечно, не в чем ином, как в стремлении отстранить молодежь, воплощающую собою силу простого народа,

от обсуждения вопросов, затрагивающих ваши интересы.

Однако трибуны нашли достойного противника в лице военного трибуна Аппия Клавдия, который был оставлен сотоварищами в Городе для обличения трибунских интриг. Выступая в народном собрании, Аппий указывал, что начатую войну уже нельзя остановить. Вейи обведены громадными сооружениями, которые удерживают противника внутри городских стен. Осажденные не могут обрабатывать землю, а уже обработанные поля опустошены войной. Если римляне отведут войско, то враги сразу вторгнутся в их землю, и не только из жажды мести, но и по необходимости, которая заставит их грабить чужое, поскольку они лишились своего. Таким решением войну не отсрочишь, а напротив, получишь ее в свои пределы.

Выступая в таком духе, Аппий уже сравнялся влиянием на сходках с народными трибунами, когда внезапное известие о несчастье, случившемся под Вейями, сразу дало ему преимущество в этом соревновании, укрепило согласие сословий и вдохновило всех на упорную осаду города. А случилось вот что. Когда насыпь была подведена к городу и осадные навесы вот-вот должны были соединиться со стенами, ворота внезапно открылись (ибо сооружения эти усерднее возводились днем, чем охранялись ночью), огромная толпа, вооруженная по преимуществу факелами, подпалила навесы, и пламя в одно мгновение поглотило и их, и насыпь, и все плоды столь длительных трудов. От оружия и огня погибли

также и многие воины, тщетно пытавшиеся исправить дело. Когда эта весть достигла Рима, всех охватило отчаяние, а сенаторов еще и озабоченность. Они опасались, что теперь уж не удастся справиться со смутой ни в городе, ни в лагере, что народные трибуны станут топтать государство так, будто оно побеждено ими. И вот тогда, посоветовавшись предварительно между собой, в сенат неожиданно явились те, кто по цензу принадлежал к всадникам, но кому не были назначены лошади от казны. Получив дозволение говорить, они заявили, что стремятся служить государству и готовы приобрести коней за свой счет. Сенат не пожалел слов, дабы выразить им благодарность. Когда об этом стало известно на форуме и в Городе, к курии внезапно сбежались плебеи. Они говорили, что и тем, кому положено служить пешими, пора записаться в войско и порадовать государству, отбросив заведенный порядок набора. Пусть их ведут под Вейи или вообще куда будет необходимо. Они ручаются, что из-под Вей вернутся не раньше, чем вражеский город будет взят.

Это добровольческое войско, явившись под Вейи, не только восстановило уничтоженные осадные сооружения, но вскоре возвело новые.

3) Поражение римлян

Военные трибуны с консульской властью, избираемые каждый год, по очереди принимали друг от друга вейскую

войну. В 402 г. до Р.Х. вести осаду было поручено Марку Сергию и Луцию Вергинию. Вскоре между полководцами вспыхнула упорная вражда, и они не столько заботились об осаде, сколько о том, как посильнее досадить друг другу. Между тем на помощь осажденным пришли капенцы и фалиски. Две эти этрусские общины, расположены по соседству, считали, что после разгрома Вей настанет их очередь. Обменявшись послами и взаимно связав друг друга клятвами, они внезапно явились с войсками к Вейям. Случилось так, что римский лагерь подвергся нападению с той стороны, где командовал военный трибун Марк Сергий. Римляне пришли в неописуемый ужас, думая, будто целая Этрурия пробудилась, снялась с мест и всей громадой обрушилась на них. Так же решили запертые в своем городе вейяне, и это подтолкнуло их к немедленным действиям. Римский лагерь подвергся нападению с обеих сторон, воины метались, переноса боевые знамена то туда, то сюда, и в результате не удалось ни вейянам удержать в их стенах, ни своим собственным отстоять от врага, наседавшего извне. Оставалось лишь надеяться, что подоспеет помощь из главного лагеря и тогда одни легионы смогли бы противостоять капенцам и фалискам, а другие вылазке горожан. Но главным лагерем командовал Вергиний, ненавидевший Сергия и сам ненавистный ему. Зная, что почти все бастионы пали, укрепления взяты и враг наступает с обеих сторон, он привел своих воинов в боевую готовность, но продолжал держать их в лагере, твердя, что, если появит-

ся нужда в подмоге, другой трибун пошлет за ней. Упрямство одного не уступало заносчивости другого. Сергей предпочел потерпеть поражение от врага, чем победить вместе с соотечественником, лишь бы не показалось, что он одалживается у недруга. Воины несли потери в окружении, пока наконец не покинули укрепления; немногие устремились в главный лагерь, а большинство, в том числе и сам Сергей, – в Рим. Поскольку там он перекладывал всю вину на Вергиния, решено было вызвать того из лагеря, возложив в его отсутствие командование на легатов. Затем дело слушалось в сенате, где товарищи по должности наперебой поносили друг друга. Среди сенаторов лишь немногие защищали интересы государства, большинство стояло за одного или за другого из противников в зависимости от личной привязанности или признательности.

4) Первые военные трибуны из плебеев

В 401 г. до Р.Х. военными трибунами с консульской властью были избраны Луций Валерий Потит в четвертый раз, Марк Фурий Камилл, Марк Эмилий Мамерк в третий, Гней Корнелий Косс во второй, Цезон Фабий Амбуст и Луций Юлий Юл. При них произошло много событий как в Городе, так и на войне, ибо и война шла одновременно на разных театрах – против Вей, против Капен и Фалерий и против вольсков за возвращение Анксура.

Прежде всего военным трибунам предстояло произвести набор, причем призывалась не только молодежь; пожилым людям тоже пришлось записываться, чтобы было кому охранять Город. Но, насколько возрастало число воинов, настолько же больше требовалось денег на выплату им жалованья. Между тем взимание учрежденной для этого подати встречало сопротивление тех, кто платил ее, оставаясь в Риме: ведь остающиеся в Городе для его охраны также исполняли гражданский долг, работая на строительстве укреплений. Все это и само по себе было непросто, а народные трибуны старались еще усугубить положение, утверждая на своих сходках, будто плата воинам для того и была установлена, чтобы извести одних плебеев службой, а других – податью. Одну войну тянут уже третий год и нарочно ведут ее плохо, чтобы она длилась подольше, а теперь проводят такой призыв, чтобы хватило сразу на четыре кампании, и от семей отрывают уже не только юношей, но даже и стариков. Уж теперь не различают, что лето, что зима, только б никогда не знали передышки простые люди, которых вдобавок и податью еще обложили! Вернется человек от ратных трудов домой, притащится, согбенный годами, покрытый ранами, и найдет хозяйство в полном запустении – слишком долго оно ждало бывшего в отлучке хозяина. И из этого-то расстроенного имущества его к тому же заставят заплатить подать, чтобы он вернул свое воинское жалованье государству приумноженным, будто ссуду ростовщику! Подстрекаемые этими речами, плебеи отдали

свои голоса за противников войны. Победившие на выборах народные трибуны немедленно обнародовали аграрный законопроект и запретили собирать подать.

Между тем сложившееся военное положение было не таким уж плохим. Потерянный лагерь под Вейями удалось вернуть и даже укрепить бастионами и заставами (там командовали военные трибуны Марк Эмилий и Цезон Фабий). Марк Фурий, выступивший против фалисков, и Гней Корнелий, воевавший против капенцев, загнали врагов за городские стены и принялись опустошать их земли; они сжигали поместья и хлеба, но не пытались взять города ни приступом, ни осадой.

Опасность угрожала Риму не извне, а изнутри. Поскольку из-за трибунов не удалось собрать подать, командующим перестали посылать жалованье, и воины возмущенно требовали платы. Городская смута могла вот-вот перекинуться на военный лагерь. Ненависть плебеев к патрициям росла. Вот уже народные трибуны заявили, что пробил наконец час упрочения свободы, когда высшие посты будут отняты у Сергиев с Вергиниями и переданы решительным, предприимчивым мужам из народа. Однако кончилось тем, что военным трибуном с консульской властью на выборах 400 г. до Р.Х. был избран всего лишь один плебей, Публий Лициний Кальв, да и его плебеи выбрали только для того, чтобы воспользоваться имеющимся правом. Все остальные трибуны оказались из патрициев. Не только сам Кальв, но и все

плебеи были озадачены таким своим успехом: Кальв не был ранее взыскан никакими почестями, если не считать долгого пребывания в сенате, и вдобавок был стар годами.

На радостях от этой победы в комициях народные трибуны уступили в том, что более всего мешало государству, а именно в вопросе о подати. Она была собрана без возражений и отправлена войску.

Публий Лициний отправлял свою должность так же, как получил ее: без всяких потрясений, скорее на радость плебеем, чем на досаду сенаторам; и потому на ближайших же комициях народ поддался искушению выбрать военными трибунами плебеев. Из всех патрицианских кандидатов один Марк Ветурий занял эту должность – почти все центурии при избрании военных трибунов с консульскими полномочиями проголосовали за плебеев: Марка Помпония, Гнея Дуиллия, Волерона Публилия, Гнея Генуция и Луция Ацилия [399 г. до Р.Х].

5) Первая диктатура Камилла. Падение Вей

На выборах 396 г. до Р.Х. Публий Лициний Кальв вновь был избран военным трибуном с консульской властью, хоть он этого и не домогался. Умеренность этого мужа была испытана во время первого прохождения им этой должности; кроме того, он был уже очень стар. Его товарищами стали Луций Тициний, Квинт Манлий, Публий Мэний, Гней Гену-

ций и Луций Ацилий.

Трибуны Тициний и Генуций отправились против фалисков и капенцев. Поскольку они вели войну, руководствуясь более порывом, нежели разумом, то и попали в засаду. Генуций искупил свою опрометчивость достойной гибелью, сражаясь впереди всех и пав одним из первых, Тицинию же удалось собрать на высоком холме часть бежавших в панике воинов и восстановить боевой порядок, но он так и не решился вновь встретиться с противником на открытом месте. Не столько страшны были жертвы, сколько позор, но именно он чуть не привел к тяжкому поражению. Ужас охватил не только Рим, куда эта весть докатилась сильно преувеличенной, но также и лагерь под Вейями. Когда там распространился слух, будто полководцы и войско перебиты, а победоносные капенец с фалиском и всей этрусской молодежью уже рядом, воинов едва удалось удержать от бегства. А в Риме паника была еще больше: там все решили, что лагерь уже взят и враги уже движутся на Город злобной ордой. Люди сбегались к стенам; матроны, которых всеобщий страх выгнал из дому, молились в храмах; они заклинали богов отвратить погибель от жилищ, капищ и стен римских, умоляя перенести этот ужас на Вейи.

Полководцем, которому судьбой было предназначено завершить войну, стал Марк Фурий Камилл. Объявленный диктатором, он назначил начальником конницы Публия Корнелия Сципиона. С переменой полководца все внезап-

но переменилось: у людей появились новые надежды, новое мужество; казалось, что у Города – новое счастье. Прежде всего Камилл по законам военного времени казнил всех, кто во время паники бежал от Вей, и добился того, что противник перестал быть самой страшной грозой для воина. Затем диктатор назначил на определенный день набор, а сам между тем отправился к Вейям для укрепления воинского духа. Вернувшись в Рим, он набрал новое войско, причем никто не уклонялся от повинности. Собралась также и молодежь из чужих земель – от латинов и герников, предлагая помощь в этой войне.

Когда диктатор с войском тронулся из города, его проводили даже не с упованием на успех, а с полной уверенностью в победе. Глубоко все обдумав и рассчитав, он первым делом завязал бой с фалисками и капенцами на непетской земле. Как это обычно случается, расчету сопутствовала удача: диктатор не только разгромил врага в сражении, но выгнал из его собственного лагеря и овладел громадной добычей. Большая ее часть была отдана квестору, воинам же досталось куда меньше. Оттуда Камилл повел армию к Вейям и возвел там дополнительные укрепления. Между городской стеной и валом нередко вспыхивали случайные стычки с неприятелем – диктатор запретил их, распорядившись, чтобы никто не вступал в бой самовольно. Воины были брошены на осадные работы. Самая тяжелая и изнурительная из них состояла в сооружении подземного хода во вражескую крепость. Что-

бы и работа не прерывалась, и люди не изнемогали от длительного пребывания под землей, Камилл разбил землекопов на шесть команд. Работа велась круглосуточно, в шесть смен, днем и ночью, и закончилась не прежде, чем путь в крепость был открыт.

Пользуясь численным перевесом, Камилл начал приступ со всех концов одновременно, чтобы враги не заметили опасности, грозившей со стороны подкопа. Вооружившись чем попало, горожане бросились к стенам. Тем временем римские воины вышли из подземного хода и оказались в храме Юноны, прямо посреди вейской крепости. Тут одни с тыла напали на врагов, стоявших по стенам, другие сбили засовы с ворот, третьи запалили крыши домов, поскольку женщины и рабы швыряли оттуда камни и черепицу. Повсюду поднялся вопль, в котором разноголосье ужаса и угроз смешалось с плачем женщин и детей. В мгновение ока со всех стен были сброшены вооруженные защитники, а ворота отворены, и в то время, как одни римляне толпой стали прорываться в город, другие начали карабкаться по оставленным горожанами стенам. Город наполнился римлянами, бой шел повсюду. После ужасающей резни битва начала ослабевать. Тогда диктатор приказал глашатаям объявить, чтобы не трогали безоружных, что и положило конец кровопролитию.

Горожане стали складывать оружие и сдаваться, а воины с разрешения диктатора бросились грабить. Говорят, что, когда Камилл своими глазами увидел, насколько эта громадная

добыча превосходит ценностью все упования, он воздел руки к небу и молился, чтобы не слишком дорогой ценой пришлось платить за все это ему и римскому народу – ведь то невероятное счастье, которое досталось сегодня ему самому и всем римлянам, может вызвать зависть у богов и людей.

Так пали Вейи. Самый богатый город этрусского племени даже в собственной гибели обнаружил величие: ведь римляне осаждали его долгих десять лет и зим, в течение которых он нанес им поражений куда больше, чем от них претерпел, и даже когда в конце концов пал по воле рока, то был взят не силой, но хитростью.

Когда до Рима донеслась весть о взятии Вей, ликованию не было предела. Столько лет длилась эта война! Столько было испытано поражений! Не дожидаясь решения сената, римские матроны заполонили все храмы, вознося благодарения богам. Сенат распорядился провести четырехдневные молебствия – ни в одной предыдущей войне не назначались такие сроки. Въезд диктатора также был обставлен торжественнее, чем когда-либо раньше: люди всех сословий высыпали его встречать, и триумф далеко превзошел все почести, обычные в такой день. Самое сильное впечатление производил сам диктатор, въехавший в город на колеснице, запряженной белыми конями:

Тогда же Камилл наметил на Авентине место для храма царицы Юноны и освятил капище Матери Матуты. Закончив все торжественные и мирские дела, он сложил с себя дикта-

торство.

6) Вопрос о переселении в Вейи

Благополучное завершение войны не положило конец гражданским распрям в Риме. Напротив, те даже усилились. Для смягчения недовольства плебеев было решено вывести колонию в землю вольсков. Туда записались три тысячи римских граждан. Выбранные для этого триумвиры нарежали каждому по три и семь двадцатых югера земли. Эта задача вызвала лишь негодование, поскольку ее сочли подачкой, призванной отвлечь народ от надежд на большее: зачемсылать плебеев к вольскам, когда под боком великолепный город Вейи, земли которого плодороднее и обширнее римских? К тому же плебеи явно предпочитали Риму Вейи из-за их удобного местоположения, роскошных площадей и зданий, как общественных, так и частных.

Против этого выступили лучшие граждане, заявляя, что они готовы скорее умереть, но только здесь, на виду у народа римского; ведь теперь даже и в одном городе вон сколько раздоров – что же будет при двух городах? Все эти споры сопровождались недостойными перепалками: патриции привлекли на свою сторону часть военных трибунов; одно не давало плебеем распустить руки – лишь только поднимался крик, грозивший перерасти в потасовку, старейшие сенаторы первыми бросались в гущу толпы, призывая на себя по-

бои, раны и смерть. Поскольку чернь не смела осквернять достоинство почтенных старцев, то и в прочих грубых по-ползновениях почтительность заступала дорогу гневу.

Поскольку было очевидно, что этой тяжбы не закончить в истекающем году, на следующий народными трибунами были переизбраны те же лица – авторы законопроекта. А на выборах военных трибунов патриции, приложив все усилия, добились избрания Марка Фурия Камилла [394 г. до Р.Х.]. Они притворялись, будто в рассуждении войны заботятся о полководце, а на самом деле им требовался противоборец трибунским щедротам. Вместе с Камиллом военными трибунами с консульской властью были избраны Луций Фурий Медуллин в шестой раз, Цезон Эмилий, Луций Валерий Публикола, Спурий Постумий, Публий Корнелий во второй раз.

Камиллу была поручена война с фалисками. Грабя поля и сжигая селения, он принудил врагов выйти из-за стен города. Однако страх не дал им продвинуться далеко – почти в миле от города они разбили лагерь. Выбранное место казалось им надежным лишь на том основании, что подход к нему был затруднен обрывами, крутыми склонами, а дороги были труднодоступны. Но Камилл, выбрав в проводники пленного, родом из этих мест, глубокой ночью снялся с лагеря и уже на рассвете появился значительно выше той точки, где был неприятель. Римские триarii принялись возводить укрепления, а прочее войско стояло, готовое к бою. Когда

враги попытались помешать строительству, полководец разбил их и обратил в бегство. Фалисков объял такой страх, что, захваченные повальным бегством, они бросились к городу мимо собственного лежащего вблизи лагеря. Многие были убиты и ранены, прежде чем охваченное паникой войско ворвалось в ворота. Лагерь был взят, добыча же отдана квесторам, к сильному недовольству воинов. Однако, сломленные суровостью командования, они при всей ненависти к Камиллу восхищались его непреклонностью. Затем, во время осады, горожане совершали вылазки против римских укреплений, и даже заставы иногда подвергались беспорядочным нападениям. Происходили мелкие стычки: так тянулось время, но ни одна из сторон не получала перевеса, а между тем у осажденных продовольствия и других запасов было приготовлено больше, чем у осаждающих. Казалось, что здесь потребуются усилия, столь же длительные, как под Вейями, но вдруг судьба даровала римскому полководцу вместе со скорой победой и случай проявить свою доблесть, однако не на военном поприще, где она была общеизвестна, а в деле неожиданном.

У фалисков велось, чтобы учителем и воспитателем у ребенка был один и тот же человек; кроме того, на попечении одного воспитателя обычно находилось по многу детей. Детей знатных граждан, как это часто бывает, учил некий человек, преуспевший в науках. Еще во дни мира он взял за правило выводить детей для игр и упражнений за город. Не

отступился педагог от своей привычки и во время войны, уводя их то ближе, то дальше от ворот, и однажды, когда представился случай, завлек детей играми и беседами дальше обычного, привел к вражеским постам, потом к римскому лагерю и, наконец, — в палатку Камилла. Там он преступное свое деяние усугубил речью еще более преступной: что-де, передав во власть римлян этих детей, чьи родители главенствуют в Фалериях, он тем самым и город отдал в их руки. Услыхав такое, Камилл сказал: «Не похожи на тебя, злодей, ни народ, ни полководец, к которым ты явился со своим злодейским даром. Той общности, которая устанавливается между людьми по договору, у нас с фалисками нет, но есть и пребудет та, что природой врождена всем. Война так же имеет законы, как и мир, а мы умеем воевать столь же справедливо, сколь и храбро. Наше оружие направлено не против тех, чей возраст принято щадить даже при взятии городов, но против вооруженных мужей, которые в свое время сами напали на римский лагерь под Вейями без всякого повода или вызова с нашей стороны. Насколько было в твоих силах, ты, пожалуй, превзошел их еще большим злодеянием, я же собираюсь победить по-римски: доблестью, осадой и оружием, как это было и с Вейями». Потом он приказал раздеть этого человека, связать ему руки за спиной и передать детям для возвращения в Фалерии, да велел вручить им розги, чтобы они гнали ими предателя к городу.

Первым делом на это удивительное зрелище сбежался

смотреть весь народ; затем должностные лица созвали сенат, чтобы обсудить неслыханное происшествие. Оно настолько изменило направление умов, что все без исключения стали требовать мира. И на форуме, и в курии все прославляли честность римлян, справедливость полководца. Со всеобщего согласия в лагерь к Камиллу были отправлены послы; оттуда они с его разрешения поехали в Рим, чтобы известить сенат о сдаче Фалерии. Передают, что, когда их ввели в сенат, они заявили следующее: «Отцы-сенаторы! Мы сдаемся вам, побежденные вами и вашим полководцем, но победа эта такого свойства, что не может вызвать ничьей зависти – ни божеской, ни человеческой. Мы думаем, что нам лучше будет жить под вашей властью, чем под сенью собственных законов, – а что может быть слаще для победителя, чем такая уверенность побежденного!

Камиллу были принесены благодарности как от врагов, так и от сограждан; с фалисков взыскали деньги на годовое жалованье воинам, чтобы освободить римский народ от подати, и по заключении мира войско вернулось в Рим.

7) Изгнание Камилла

Камилл непрестанно возмущал сенаторов против предложенного закона о переселении в Вейи: пусть они помнят, за что им предстоит бороться на форуме в день голосования – за жертвенники и очаги, за храмы богов и землю, на кото-

рой родились! Что до него самого (если только позволительно вспоминать о своей славе, когда отечество в опасности), то ему лишь к чести послужило бы, если бы завоеванный им город был полон людьми, если бы сам он каждый день вкушал хвалу в городе, воплощающем его славу, если бы постоянно у него перед глазами был город, изображение которого несли во время его триумфа, если бы все ступали по камням, хранящим память о его подвигах. Но нечестиво переселяться в заброшенный, покинутый бессмертными богами город! Нельзя, чтобы римский народ жил на полоненной земле, сменив победившую родину на побежденную.

Воодушевленные призывами своего вождя, сенаторы – и старые, и молодые – в день голосования все плечом к плечу явились на форум. Разойдясь по своим трибам, они со слезами на глазах умоляли сограждан, брали их за руки, заклинали не покидать отечества, за которое храбро и победоносно ратоборствовали и они сами, и их пращуры. Они указывали на Капитолий, на храм Весты, на прочие окрестные святыни: да не станет народ римский изгнанником, да не уйдет с родной земли, от своих богов-пенатов во вражий город, да не переведет туда государство, дабы не пришлось пожалеть о взятии Вей опустевшему Риму!

Поскольку патриции добивались своего не силой, но мольбами, перемежая их частыми упоминаниями богов, большая часть народа прониклась религиозным чувством. Закон был отклонен большинством в одну трибу. Эта победа

вселила в сенаторов такую радость, что на следующий день сенат по докладу консулов принял решение о разделе вейской земли между плебеями. Давали по семь югеров, но в расчет принимались не только отцы семейств, а и все свободные домочадцы, дабы, одушевленные этой надеждой, плебеи плодились и множились.

Вожаки народа не простили Камиллу провала своего законопроекта. Народный трибун Луций Апулей в 391 г. до Р.Х. вызвал его в суд из-за вейской добычи, и как раз в это время он потерял юного сына. Пригласив домой своих земляков и клиентов, в большинстве своем плебеев, Камилл стал расспрашивать об их настроениях, и они ответили, что в складчину готовы внести любую сумму, к какой бы его ни приговорили, но освободить его от суда они не могут. И тогда он удалился в изгнание, моля бессмертных богов, чтобы неблагодарный город, которым он был безвинно обижен, как можно скорее пожалел о нем. Камилл был заочно приговорен к уплате пятнадцати тысяч тяжелых ассов. (Ливий: 5; 2 – 32).

Захват Рима галлами

1) Начало войны с галлами

В 391 г. до Р.Х. в Рим прибыли послы из Клузия и попросили помощи против галлов. Племя это, пишет Ливий, пере-

шло Альпы, привлеченное сладостью итальянских плодов, но более всего – вина, удовольствия им неизвестного, и заняло земли, которые раньше возделывали этруски.

Клузийцы боялись надвигавшейся войны: им было известно, сколь многочисленны галлы, сколь неслыханно велики ростом, как вооружены; они были наслышаны, сколь часто этрусские легионы бежали пред их лицом как по сую, так и по ту сторону Пада. И вот клузийцы отрядили послов в Рим. Они просили сенат о помощи, хотя с римлянами их не связывал никакой договор, ни о союзе, ни о дружбе. Единственным основанием могло служить то, что они в свое время не выступили против римского народа на защиту вейян, своих единоплеменников. В помощи было отказано, но к галлам отправили посольство – трех сыновей Марка Фабия Амбуста, чтобы они именем сената и народа римского потребовали не нападать на их друзей и союзников, которые вдобавок не причинили галлам никакой обиды.

Это посольство было бы мирным, не будь сами послы буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян. Когда они изложили все, что им было поручено, на совете галлов, те ответили: хоть они и слышат имя римлян впервые, но верят, что это храбрые мужи, раз именно к ним бросились за помощью клузийцы, оказавшись в беде. Они, галлы, предпочитают искать союзников во время переговоров, а не боев, и не отвергают предложенного послами мира, но только при одном условии: клузийцы должны уступить нуждающимся в

земле галлам часть своих пашен, поскольку все равно имеют их больше, чем могут обработать. Иначе они на мир не согласятся. Пусть им немедленно, в присутствии римлян дадут ответ, и если в их требовании о земле будет отказано, то они в присутствии тех же римлян пойдут в бой, дабы послы могли дома рассказать, насколько галлы превосходят доблестью прочих смертных.

Когда римляне спросили, по какому праву галлы требуют землю у ее хозяев, угрожая оружием, и что у них за дела в Этрурии, те высокомерно заявили, что право их – в оружии и что нет запретов для храбрых мужей. Обе стороны вспылили, все схватились за мечи, и завязалось сражение. Послы, в нарушение права народов, также взялись за оружие. И это не могло пройти незамеченным, коль скоро трое знатнейших и храбрейших римских юношей сражались впереди этрусских знамен – доблесть этих чужеземцев бросалась в глаза. Квинт Фабий, выехав на коне из строя, убил галльского вождя, неистово рвавшегося к этрусским знаменам. Он насквозь пробил ему бок копьем, а когда начал снимать доспехи, галлы узнали его, и по всем рядам разнеслось, что это римский посол.

Клузийцы были тотчас забыты; посылая угрозы римлянам, галлы затрубили отбой. Среди них нашлись такие, кто предлагал немедленно идти на Рим, но верх одержали старейшины. Они решили сперва отрядить послов с жалобой на обиду и потребовать выдачи Фабиев за осквернение права

народов. Когда галльские послы передали то, что им было поручено, сенат не одобрил поступка Фабиев и счел требование варваров законным. Но поскольку речь шла о мужах столь знатных, то угодничество преградило путь долгу и решение не было принято. Сенат передал это дело народному собранию, чтобы снять с себя ответственность за возможные поражения в войне с галлами. А там настолько возобладало лицепрятие и подкуп, что те, кого собирались наказать, были избраны военными трибунами с консульскими полномочиями на следующий год. После этого галлы ожесточились и, открыто угрожая войной, вернулись к своим.

2) Битва при Аллии. Разгром римской армии

Галлы немедленно подняли знамена и быстрым маршем выступили на Рим. Двигавшиеся колонны занимали огромное пространство; массы людей и лошадей растянулись и в длину, и в ширину. Впереди врагов неслась молва о них, за ней спешили вестники от клузийцев, а потом и от других народов поочередно – и все же наибольший страх вызвала в Риме стремительность неприятеля: вышедшее ему навстречу наспех собранное войско, как ни торопилось, встретило его всего в одиннадцати милях от города, там, где река Аллия, по глубокой ложбине сбегая с Крустумерийских гор, впадает в Тибр несколько ниже дороги.

Тут военные трибуны, не выбрав заранее места для лаге-

ря, не соорудив загодя вал на случай отступления, выстроили боевой порядок. Не позаботились они не только о земных, но и о божественных делах, пренебрегши ауспигиями и жертвоприношениями. Римский строй был растянут в обе стороны, чтобы полчища врагов не могли зайти с тыла, однако все равно уступал по длине неприятельскому – между тем в середине этот растянутый строй оказался слабым и едва смыкался.

Во всех душах царил страх перед неведомым врагом и мысль о бегстве. Ужас был так велик, что воины обратились в бегство, едва услышав крик галлов. Римляне бежали, даже не попытавшись померяться силами с неприятелем, не получив ни одной царапины и не ответив на его клич. Никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство. Страшная резня произошла на берегу Тибра, куда, побросав оружие, бежало целиком все левое крыло. Многих не умевших плавать или ослабевших под тяжестью доспехов и одежды поглотила пучина. Тем не менее огромное большинство без затруднений добралось до Вей, откуда они не послали в Рим не только подмоги, но даже вести о поражении. С правого крыла, стоявшего далеко от реки, под горой, все кинулись в Город, где укрылись в Крепости.

3) Сдача Города

Поскольку большая часть войска бежала в Вейи и лишь немногие в Рим, горожане решили, что почти никому не удалось спастись. Весь Город наполнился причитаниями и по мертвым и по живым. Но, когда стало известно о приближении неприятеля, личное горе каждого отступило перед лицом всеобщего ужаса. Вскоре стали слышны завывания и нестройные песни варваров, шайками рыщущих вокруг стен.

Не было никакой надежды защитить Город оставшимися столь малыми силами, и потому римляне решили, что способные сражаться юноши, а также самые крепкие из сенаторов должны вместе с женами и детьми удалиться в Крепость и на Капитолий, свезти туда оружие, продовольствие и оттуда, с укрепленного места, защищать богов, граждан и имя римское. Решили, что если грозящее Городу разрушение переживут Крепость и Капитолий, обитель богов, если уцелеет боеспособная молодежь и сенат, средоточие государственной мудрости, то можно будет легко пожертвовать толпой стариков, оставляемых в Городе на верную смерть. А чтобы чернь снесла это спокойнее, старики – триумфаторы и бывшие консулы – открыто заявляли, что готовы умереть вместе с ними: лишние люди, не способные носить оружие и защищать отечество, не должны обременять собою воюющих, которые и так будут во всем терпеть нужду.

Для тех, кто уходил, была ужасна мысль, что они уносят с собой последнюю надежду и заступу остающихся, они не смели даже взглянуть на людей, решивших погибнуть вместе с захваченным городом. Но когда поднялся женский плач, когда матроны стали в беспамятстве метаться, бросаясь то к одному, то к другому, вопрошая мужей и сыновей, на какую судьбу те их обрекают, тут уж человеческое горе дошло до последнего предела. Все же бо́льшая часть женщин последовала за своими близкими в Крепость. Никто не звал их, но никто им и не препятствовал: если бы непригодных к войне было меньше, это давало бы выгоду осажденным, но было бы уж слишком бесчеловечно. Остальная масса людей, в большинстве своем плебеи, которым не хватило бы ни места на столь маленьком холме, ни продовольствия, высыпала из Города и плотной толпой, наподобие колонны, устремилась на Яникул. Оттуда часть рассеялась по деревням, а часть бросилась в соседние города. Не было у них ни предводителя, ни согласованности в действиях, но каждый искал спасения как мог и руководствовался собственными интересами, махнув уже рукой на общие.

4) Галлы занимают Рим

За ночь воинственность галлов несколько приутихла. Кроме того, им не пришлось сражаться, не пришлось опасаться поражения в битве, не пришлось брать Город присту-

пом или вообще силой – поэтому на следующий день они вступили в Рим без злобы и рвения. Через открытые Коллинские ворота они добрались до форума, обводя глазами храмы богов и Крепость, которая одна имела вид изготовившейся к отпору. Оставив против них небольшую охрану, захватчики кинулись за добычей по безлюдным улицам. Одни толпой вламывались в близлежащие дома, другие стремились в те, что подальше, как будто именно там и собрана в неприкосновенности вся добыча. Но потом, испуганные странным безлюдьем, опасаясь, как бы враги не задумали какого подвоха против тех, кто блуждает поодиночке, галлы начали собираться группами и возвращаться на форум, а также в кварталы по соседству. Дома плебеев там были заперты, а знатных – стояли открытыми, и тем не менее они входили в них чуть ли не с большей опаской, чем в закрытые. С благоговением взирали галлы на тех мужей, что восседали на пороге своих домов¹¹⁴: кроме украшений и одежд, более торжественных, чем бывает у смертных, эти люди походили на богов еще и той величественной строгостью, которая отражалась на их лицах. Варвары дивились на них, как на статуи. Но ту один из стариков, Марк Папирий, ударил жезлом из слоновой кости того галла, который вздумал погладить его по бороде. Тот пришел в бешенство, и Папирий был убит первым. Другие старики также погибли в своих креслах. После их убийства не щадили уже никого из смертных, дома же грабили, а после поджигали.

Вид Рима, пожираемого пламенем, тем не менее, не сломил духа осажденных. Пусть пожары и разрушения на их глазах сравнивали город с землей, пусть холм, который они занимали, был беден и мал – они все равно готовились храбро защищать этот последний клочок свободы.

На рассвете полчища галлов по команде выстроились на форуме; оттуда они, образовав «черепашу», с криком двинулись к подножью холма. Римляне действовали против врага без робости, но и не безрассудно: все подъемы к Крепости, на которых наблюдалось продвижение галлов, были укреплены, и там поставлены самые отборные воины. Однако неприятелю не мешали взбираться наверх, полагая, что, чем выше он вскарабкается, тем легче будет сбросить его с кручи. Римляне удерживались примерно на середине склона, где крутизна как бы сама толкает воина на врага. Оттуда они вдруг обрушились на галлов, избивая их и сталкивая вниз. Разгром был столь сокрушителен, что противник ни разу более не осмелился на подобные предприятия, ни отдельным отрядом, ни всем войском. Итак, потеряв надежду победить силой оружия, галлы начали готовиться к осаде, о которой до этого момента не помышляли. Но продовольствия уже не было ни в Городе, где его уничтожил пожар, ни в окрестностях, откуда его как раз в это время вывезли в Вейи. Тогда было решено разделить войско, чтобы часть его грабила окрестные народы, а часть осаждала Крепость. Таким образом опустошители полей снабжали бы провизией

5) Камилл отражает галлов от Ардей

Грабя окрестности Рима, галлы вскоре добрались до Ардеи, где поселился изгнанный из родного города Камилл. Горю над общественным злосчастьем гораздо больше, чем над своим собственным, он старился там в укоризнах богам и людям. Его возмущало и изумляло, куда подевались те храбрецы, что брали с ним Вейи, Фалерии, что всегда выигрывали войны благодаря мужеству, а не везению. И вдруг он узнал о приближении галльского войска и о том, что перепуганные этим ардеяне собираются на совет. Раньше Камилл всегда воздерживался от участия в собраниях, но тут он решительно отправился на сходку, словно ведомый божественным вдохновением.

Выступая перед горожанами, Камилл постарался вдохнуть мужество в их сердца. Он указал, что ардеянам представляется удобный случай отблагодарить римский народ за его многочисленные услуги. А врага им бояться не стоит. Ведь галлы, приближающиеся к их городу нестройной толпой, не ожидая встретить сопротивления. Тем легче дать им отпор! «Если вы собираетесь защищать родные стены, – сказал Камилл, – если не хотите мириться с тем, что все это станет галльским, то в первую стражу вооружитесь и все поголовно следуйте за мной. Не на битву – на избиение. Если

я не предам в ваши руки сморенных сном врагов, если вы не перережете их, как скот, то пусть со мной в Ардее поступят так же, как поступили в Риме». Это предложение было принято ардеянами, которые сразу воспрянули духом. Как друзья Камилла, так и его недруги были убеждены, что другого такого военачальника не существовало в то время нигде. Поэтому все они по закрытии собрания стали собираться с силами и только напряженно ожидали сигнала. Когда он прозвучал, ардеяне в полной боевой готовности сошлись у городских ворот и Камилл возглавил их. Вокруг стояла такая тишина, какая бывает в начале ночи. Вскоре после выхода из города воины, как и было предсказано, наткнулись на галльский лагерь, не защищенный и не охраняемый ни с одной из сторон. С громким криком они напали на него и предали врагов жестокому избиению. Никакого сражения не было – повсюду шла резня: объятые сном, безоружные галлы были просто изрублены нападавшими.

6) Камилла провозглашают диктатором

А тем временем в Вейях у римлян прибывало не только мужества, но и сил. Туда собирались люди, рассеявшиеся по окрестностям после злосчастной битвы и бедственного падения Города, стекались добровольцы из Лация, желавшие принять участие в разделе добычи. Ясно было, что зреет час освобождения родины, что пора вырвать ее из рук врага. Но

пока имелось лишь крепкое туловище, которому не хватало головы. Со всеобщего согласия было решено вызвать из Ардеи Камилла, но сперва запросить сенат, находящийся в Риме, чтобы он снял с изгнанника все обвинения.

Проникнуть через вражеские посты в осажденную Крепость было делом рискованным – для этого свершения предложил свои услуги отважный юноша Понтий Коминий. Завернувшись в древесную кору, он вверил себя течению Тибра и был принесен в Город, а там вскарабкался по ближайшей к берегу скале, такой отвесной, что врагам и в голову не приходило ее сторожить. Ему удалось подняться на Капитолий и передать просьбу войска на рассмотрение должностных лиц. В ответ на нее было получено распоряжение сената, согласно которому Камилл, возвращенный из ссылки куриатными комициями, немедленно провозглашался от имени народа диктатором; воины же получали право выбрать полководца, какого пожелают. И с этим вестник, спустившись той же дорогой, поспешил обратно.

7) Ночной штурм Капитолия. Марк Манлий

Вот что происходило в Вейях, а в Риме тем временем Крепость и Капитолий подверглись ужасной опасности. Дело в том, что галлы или заметили человеческие следы там, где прошел гонец из Вей, или сами обратили внимание, что у храма Карменты начинается пологий подъем на скалу. Под

покровом ночи они сперва выслали вперед безоружного лазутчика, чтобы разведать дорогу, а потом полезли наверх уже все. Там, где было круто, они передавали оружие из рук в руки; одни подставляли плечи, другие взбирались на них, с тем чтобы потом вытащить первых; если было нужно, все подтягивали друг друга и пробрались на вершину так тихо, что не только обманули бдительность стражи, но даже не разбудили собак, животных столь чутких к ночным шорохам. Но их приближение не укрылось от гусей, которых, несмотря на острейшую нехватку продовольствия, до сих пор не съели, поскольку они были посвящены Юноне. Это обстоятельство и оказалось спасительным. От их гогота и хлопанья крыльев проснулся Марк Манлий, знаменитый воин, бывший консулом три года назад. Схватившись за оружие и одновременно призывая к оружию остальных, он среди всеобщего смятения кинулся вперед и ударом щита сбил вниз галла, уже стоявшего на вершине. Покатившись вниз, галл в падении увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним, а Манлий принялся разить остальных – они же, в страхе побросав оружие, цеплялись руками за скалы. Сбежались и другие римляне: они начали метать стрелы и камни, скидывая врагов со скал. Среди всеобщего обвала галльский отряд покатился к пропасти и рухнул вниз. По окончании тревоги все попытались на остаток ночи уснуть, хотя при царившем в умах возбуждении это было нелегко – сказывалась минувшая опасность.

На рассвете труба созвала воинов на совет к трибунам:

ведь нужно было по заслугам воздать и за подвиг и за преступление. Прежде всего благодарность за свое мужество получил Манлий, ему были сделаны подарки от военных трибунов, и по единодушному решению всех воинов каждый принес к нему в дом, находившийся в Крепости, по полфунту полбы и по кварте вина. В условиях голода этот дар стал величайшим доказательством любви, ведь для чествования одного-единственного человека каждый должен был урвать от собственных насущных потребностей, отказывая себе в пище.

8) Переговоры и выплата выкупа

Больше всех ужасов войны и осады обе стороны мучил голод, а галлов еще и мор, поскольку их лагерь лежал между холмов, в местности, сожженной пожаром и наполненной испарениями. При любом дуновении ветра вместе с пылью поднимался пепел. Всего этого галлы совершенно не могли переносить, поскольку их племя привычно было к климату влажному и холодному. Их мучила удушливая жара, косила болезнь, и они мерли, как скот. Уже не было сил хоронить умерших по-отдельности – их тела нагромождали в кучи и сжигали без разбора.

Не меньше врага были удручены осажденные. Сколь ни были изнурены несением службы и стражи воины на Капитолии, они превозмогали все человеческие страдания – од-

ного только голода природа не попустила превозмочь. День за днем войны вглядывались вдаль, не появится ли помощь от диктатора, и в конце концов лишились не только еды, но и надежды. Поскольку все оставалось по-прежнему, а обессилевшие войны уже чуть не падали под тяжестью собственного оружия, они потребовали или сдаться, или заплатить выкуп на любых условиях, тем более что галлы ясно давали понять, что за небольшую сумму их легко будет склонить к прекращению осады. Между тем как раз в это время диктатор подготавливал все к тому, чтобы сравняться силами с неприятелем: он лично провел набор в Ардее и приказал начальнику конницы Луцию Валерию вести войско из Вей. Однако к этому моменту сенат уже собрался на заседание и поручил военным трибунам заключить мир. Военный трибун Квинт Сульпиций и галльский вождь Бренн согласовали сумму выкупа, и народ, которому в будущем предстояло править всем миром, был оценен в тысячу фунтов золота. Римлянам пришлось стерпеть и другое унижение. Когда стали отвешивать установленную сумму, галльский вождь отстегнул свой тяжелый меч и бросил его на чашу с гирями. На упреки римлян, что он поступает незаконно, варвар надменно ответил: «Горе побежденным!»

9) Разгром галлов

«Но ни боги, ни люди, пишет Тит Ливий, не допустили,

чтобы жизнь римлян была выкуплена за деньги». Еще до того, как заплачено было вознаграждение, неожиданно появился диктатор. Он приказал, чтобы золото убрали прочь, а галлов удалили. Те стали упираться, ссылаясь на то, что действуют по договору, но Камилл заявил, что последний не имеет законной силы, поскольку был заключен уже после того, как он был избран диктатором, без его разрешения, должностным лицом низшего ранга. Камилл велел галлам выстраиваться для битвы, а своим – сложить походное снаряжение в кучу и готовить оружие к бою. Освободить отечество надо железом, а не золотом, имея перед глазами храмы богов, с мыслью о женах, детях, о родной земле, обезображенной ужасами войны, обо всем том, что священный долг велит защищать, отвоевывать, отмщать! Затем диктатор выстроил войско, насколько это допускал неровный характер местности и развалины полуразрушенного города. Он предусмотрел все, чем военное искусство могло помочь ему в этих условиях. Испуганные новым оборотом дела, взялись за оружие и галлы, но напали они на римлян скорее под действием гнева, чем по здравом размышлении. При первом же столкновении галлы были опрокинуты так же быстро, как победили при Аллии.

Под водительством и командованием того же Камилла варвары были разбиты и в следующем сражении, которое, не в пример первому, разворачивалось по всем правилам военного искусства. Битва произошла на восьмой миле по Габий-

ской дороге, где враги собрались после своего бегства. Там были перерезаны все галлы, а их лагерь захвачен. Из врагов не осталось никого, кто мог бы сообщить о поражении.

10) Законопроект о переселении в Вейи

Спасши родину на войне, Камилл спас ее вторично уже позднее, во дни мира: он воспрепятствовал переселению в Вейи, хотя после сожжения Рима за это весьма решительно выступали трибуны, да и сами плебеи сильнее, чем прежде, склонялись к этому замыслу. Видя это, Камилл после триумфа не стал складывать с себя диктаторских полномочий и уступил просьбам сената, умолявшего не оставлять государство в угрожающем положении.

Поскольку трибуны на сходах неустанно подстрекали плебеев к оставлению руин и переселению в готовый для жительства город Вейи, диктатор, сопровождаемый всем сенатом, явился в собрание и обратился с согражданами с горячей речью.

«Зачем же мы воевали за Город? – спрашивал он, – зачем вызволили отечество из осады, вырвали из рук врага, если теперь сами бросим то, что освободили? Когда победителями были галлы, когда весь город принадлежал им, Капитолий с Крепостью все-таки оставались у римских богов и граждан, они продолжали там жить. Так что же, теперь, когда победили римляне, когда Город отвоеван, покинуть уже

и Крепость с Капитолием? Неужто удача наша принесет Городу большее запустение, чем наша неудача? Наши пращурь, пришельцы и пастухи, за короткий срок выстроили сей город, а ведь тогда на этом месте не было ничего, кроме лесов и болот, — теперь же целы Капитолий и Крепость, невредимы стоят храмы богов, а нам лень отстроиться на погорелом. Если бы у кого-нибудь одного из нас сгорел дом, он бы возвел новый, так почему же мы всем миром не хотим справиться с последствиями общего пожара?»

Ливий пишет, что речь Камилла произвела большое впечатление, особенно та ее часть, в которой говорилось о богобоязненности. Однако последние сомнения разрешила одна к месту прозвучавшая фраза. Дело было так. Через некоторое время сенат собрался в Гостилиевой курии для обсуждения вопроса с переселением. Случилось, что тогда же через форум строем прошли когорты, возвращавшиеся из караула. На Комиции центурион воскликнул: «Знаменосец, ставь знамя! Мы остаемся здесь». Услыхав эту команду, сенаторы поспешили из курии, восклицая, что они признают ее счастливым предзнаменованием. Столпившиеся тут же плебеи одобрили их решение. После этого законопроект о переселении был отклонен, и все сообща приступили к отстраиванию Города. (3) Черепицу предоставляло государство; каждому было дано право добывать камень и древесину, кто откуда хочет, но при ручательстве за то, что дом будет построен в течение года. (Ливий; V; 35–55).

Войны римлян после ухода галлов

1) Третья диктатура Камилла

В 389 г. до Р.Х., вскоре после изгнания галлов, власть над Городом была вверена интеррексам. Сначала интеррексом сделался Публий Корнелий Сципион, а за ним – Марк Фурий Камилл; он назначил военными трибунами с консульской властью Луция Валерия Публиколу повторно, Луция Вергиния, Публия Корнелия, Авла Манлия, Луция Эмилия, Луция Постумия.

И тотчас начались тяжелые войны с соседями, решившими воспользоваться ослаблением Рима, после разгрома его галлами. Сначала взялись за оружие старые недруги вольски. Потом пришли тревожные вести из Этрурии, где, по словам торговых людей, старшины всех племен заключили военный сговор у алтаря Волтумны. Наконец, подспела самая страшная весть: отпали латины и герники, вот уже почти сто лет после битвы у Регилльского озера никогда не нарушавшие верной дружбы с римским народом. И вот, когда отовсюду встало столько ужасов и обнаружилось, что римское имя страдает не только от ненависти врагов, но и от презрения союзников, решено было защитить государство под тем же водительством, под которым его отвоевали, и назна-

читать диктатором Марка Фурия Камилла. Сделавшись диктатором, он назначил начальником конницы Гая Сервилия Агалу и, закрыв суды, произвел набор младших возрастов; даже стариков, у которых еще доставало силы, он распределил после присяги по центуриям. Набранное и вооруженное войско разделил он на три части. Одну выставил против Этрурии подле Вей, другой приказал стать лагерем перед Римом и во главе ее поставил военного трибуна Авла Манлия, а во главе выступавших на этрусков – Луция Эмилия. Третью часть он сам повел на вольсков и недалеко от Ланувия (это место зовется «У Меция») осадил их лагерь. Вольски начали войну из презрения к противнику, полагая, что почти все боеспособные римляне перебиты галлами, но, едва начав поход, от одного слуха о Камилле пришли в такой страх, что огородили себя валом, а вал – свезенными отовсюду деревьями, чтобы враг нигде не мог подойти к укреплениям. Камилл, заметив это, приказал зажечь внешнюю ограду, а тут как раз поднялся сильный ветер в сторону врагов, и он не только раздул пожар, но и ворвался в лагерь языками пламени, помутил врага чадом, дымом, треском горящей древесины, так что захватить вал, обороняемый воинами вольского стана, римлянам было проще, чем преодолеть пылавшую наружную ограду. Когда враг был рассеян и истреблен, а лагерь взят приступом, диктатор отдал воинам добычу, тем более приятную, чем менее ожидавшуюся, ибо вождь не был склонен к щедрости. Затем, в погоне за бегущими опустошив все

вольские земли, он вынудил вольсков к сдаче. Победителем перешел он из края вольсков в область эквов, которые сами замыслили войну, разбил их войско при Болах, сразу захватив единым ударом и лагерь и город.

Вот так обстояли дела в тех краях, где обретался Камилл, водитель римского народа; но с другого края подступала грозная напасть: Этрурия, вооружившись едва ли не вся, осаждала Сутрий, город союзников римского народа. Когда их послы явились в сенат с просьбою помочь в беде, то добились сенатского наказа диктатору в скорейшее время идти на помощь сутрийцам. Однако отсрочка подмоги оказалась непосильна осажденным в их злосчастьи, и вот из-за малочисленности граждан, изможденных трудом, бдением, ранами, вновь и вновь поражавшими одних и тех же, они сговорились с врагом о сдаче и без оружия, кто в чем был, скорбною гурьбою оставляли свои пенаты. Тут-то как раз появился Камилл с римским войском. Когда причитающая толпа бросилась к его ногам и речи старейшин о постигшем город погибельном бедствии стали заглушаться плачем женщин и детей, которые брели вослед изгнанникам, Камилл приказал сутрийцам поберечь слезы; ибо это этрускам несет он горе и плач. Оставив жителей Сутрия с небольшою охраною, приказывает он воинам оставить там же поклажу и иметь при себе только оружие. Итак, с войском, готовым к бою, подходит он к Сутрию, как и думал заранее, в самую удачную пору: все в беспорядке, у стен никакой стражи, ворота настежь и

разбредшиеся по городу победители тащат добычу из чужих домов. Так Сутрий был взят второй раз в тот же день: победители-этруски повсюду гибли от нового врага, не имея времени собраться, сомкнуть ряды и взяться за оружие. Когда они – каждый сам по себе – устремились к воротам, чтобы как-нибудь вырваться в поле, ворота оказались закрытыми – об этом заранее распорядился диктатор. Тут иные хватились оружия, иные, кого переполох застал вооруженными, стали созывать своих, чтобы вступить в бой, который и впрямь разгорелся бы из-за отчаяния врагов, если бы глашатаи, разосланные по городу, не выкликнули приказ сложить оружие, щадить безоружных и применять силу только к вооруженным. Тогда даже те, кто изверился в последней надежде и готов был к отчаянному сопротивлению, обрели надежду сохранить жизнь, все сплошь побросали оружие и, безоружные (что было безопаснее), сдались врагу. Столь великое множество пленных ради охраны пришлось разделить, а город еще до ночи был передан сутрийским жителям целым и невредимым, без малейшего военного ущерба, так как его не брали силой, а сдавали по уговору.

2) Новые граждане и новые трибы

В 388 г. до Р.Х. были приняты в гражданство те из вейян, капенцев и фалисков, которые во время последних войн перешли к римлянам; этим новым гражданам были нарезаны

поля. В 387 г. до Р.Х. к прежним трибам добавлено еще четыре, составленных из новых граждан: Стеллатинская, Троментинская, Сабатинская, Арниенская – число триб достигло двадцати пяти.

3) Возрождение Рима после пожара

Сенат постановил также отозвать из Вей тех, кто, лениясь строиться в Риме, перебрался в Вейи, заняв там пустующие дома. Сперва поднялся ропот недовольных приказом; днем позже для тех, кто не возвратится в Рим, была назначена смертная казнь, сразу превратившая ожесточенную толпу в разобщенных людей, послушных каждый своему страху. А как только в Риме стало многолюднее, там сразу стали строиться – и с помощью государства, которое помогало в расходах, и заботой эдилов, которые следили за этими работами как за общественными, да и сами частные лица ради своей же пользы торопились закончить стройку. Новый город поднялся в течение года.

4) Победа Камилла под Сатриком

В сенате было подано предложение начать войну с герниками и латинами, но это отложили из-за заботы о более важной войне, так как Этрурия взялась за оружие. Управление перешло к Камиллу, военному трибуну с консульской властью, и пяти его сотоварищам: Сервию Корнелию Малу-

гинскому, Квинту Сервилию Фидене (избранному в шестой раз), Луцию Квинкцию Цинциннату, Луцию Горацию Пульвиллу и Публию Валерию. В начале года [386 г. до Р.Х.] граждане отвлеклись от забот об этрусской войне, так как внезапно явилась толпа беженцев из Помптинской области с известием, что жители Антия взяли за оружие и что латинские города послали свою молодежь на эту войну. Латинцы утверждали, что это вовсе не общее их решение и что они только позволили охотникам невозбранно воевать, где те захотят. Но уже никакой войной не пренебрегали. Сенат возблагодарил богов, что Камилл в должности, ибо, будь он частным лицом, его пришлось бы назначить диктатором. Сотоварищи же его говорили, что, если явится угроза войны, править всеми делами должен один человек, что они намерены свою власть подчинить власти Камилла и что никто из них не думает, будто понижен в старшинстве, ибо все они признали старшинство этого мужа. Сенат похвалил трибунов, а сам Камилл в смущении поблагодарил.

Закрыв суды и проведя набор, Фурий и Валерий двинулись к Сатрику, где жители Антия сосредоточили не только вольских бойцов, но и огромные силы латинов и герников, не имевших потерь в людях благодаря долгому миру, и эти новые враги, присоединившиеся к старым, смутили дух римского войска. Чтобы поддержать своих солдат Камилл, когда был подан знак к бою, спешил и, схватив за руку ближайшего знаменосца, потащил его с собой на врага, прикрики-

вая: «Вперед воин! Вперед со знаменем!». При виде самого Камилла, уже слабого по старости лет для телесных трудов и все же идущего навстречу врагу, все разом с боевым кличем ринулись вперед, возглашая «За полководцем!».

Антийцы дрогнули и не только голова их строя, но даже обозники оказались охвачены ужасом. Не столь смущала вольсков сила неприятеля, сколько устрасал их вид самого Камилла, едва являлся он перед ними: (ведь, куда бы он ни двинулся, нес он с собою верную победу. Это стало особенно очевидно, когда, поспешно вскочив на коня и схвативши щит пехотинца, он устремился к левому крылу, уже почти разбитому, и одним своим присутствием исправил ход сражения, указав бойцам на победу других частей. Конец дела был уже предрешен, но врагов была такая толпа, что и сами они не могли пуститься в бегство, и убивать их оставалось воинам, уже без того утомленным долгою сечей; однако тут неожиданно хлынул ливень и прекратил не столько сражение, сколько верное обретение победы. Был дан отбой, и наступившая бестревожная ночь завершила для римлян войну, ибо латины и герники, бросив вольсков, разбежались по домам, стяжав от дурных своих намерений столь же дурную участь. Вольски же, увидав, что брошены теми, кто уговорил их возобновить войну, оставив лагерь, закрылись в стенах Сатрика. Камилл сперва начал окружать город валом и осаждать по всем правилам военного искусства, но, видя, что те не пытаются вылазками препятствовать работам, понял, что

боевого духа у противника меньше, чем думал он, ожидая нескорой победы, и посоветовал воинам не изнуряться долгими трудами, как при осаде Вей: победа уже в руках. Охваченные радостным задором, воины со всех сторон с лестницами кинулись на приступ, и город был взят. Вольски, бросив оружие, сдались.

5) Победы Камилла под Сутрием и Непетом

Сразу вслед затем началась новая война. В Рим явились послы Непета и Сутрия, прося помощи против этрусков. Римляне всегда заботились отстоять и сохранить эту область, а этруски, стоило им замыслить что-нибудь новое, старались занять ее, ибо эти места были расположены как раз при входе в Этрурию, словно ее врата. Поэтому сенат постановил, чтобы Камилл, оставив Антий, вступил в войну с этрусками и дал ему для того городские легионы, во главе которых был Квинкий. Хотя Камилл предпочел бы испытанное и привыкшее к его власти войско, он несколько не возражал, только попросил в сотоварищи Валерия. В область эквов на смену Валерию были посланы Квинкий и Гораций. Фурий и Валерий, выступив из Рима в Сутрий, нашли часть города уже взятой этрусками; а в другой части жители, перегородив улицы, с трудом сдерживали вражеский натиск. Приход римской подмоги и знаменитое как среди союзников, так и среди врагов имя Камилла поддерживали колеблю-

щихся защитников и дали время ввязаться в битву. Разделив войско, Камилл приказал сотоварищу с отрядом подступить к крепости со стороны, занятой врагом, — не столько в надежде взять город приступом, сколько ради того, чтобы отвлечь врагов и облегчить ратный труд усталым горожанам, а самому улучшить время и войти в город без боя. Лишь только войска, насевшие сразу с двух сторон, осуществили этот замысел, внезапный страх обуял этрусков: они увидели, что и укрепления в осаде и внутри стен враги; тут они в страхе гурьбою бросились вон через те ворота, которые одни оказались неосажденными. Бегущих избивали и в городе, и по полям. Большинство их перебили внутри укреплений воины Фурия. Воины Валерия, более скорые в преследовании, лишь с наступлением ночной темноты положили конец резне. Отбив Сутрий и воротив его союзникам, войско двинулось к Непету, который этруски заняли по условиям сдачи и уже вполне им завладели.

Казалось, что взятие этого города потребует большего труда не только потому, что он весь находился в руках врагов, но и потому, что сдан был предателями из самих горожан. Тем не менее было решено отправить посольство к старейшинам Непета, чтобы те отложились от этрусков и предпочли соблюсти договор на верность римскому народу, о котором сами просили. Когда оттуда пришел ответ, что жители ни в чем не властны, что этруски держат стены и охраняют ворота, то сперва горожанам пригрозили разорением по-

лей. Затем, коль скоро клятва при сдаче города оказалась для непетян сильнее союзной клятвы, войско, собрав в окрестностях хворост, двинулось к укреплениям; заполнив вязанками ров, воины приставили к стенам лестницы и с первым же кличем натиском взяли город. Тут же его жителям было приказано, чтобы сложили оружие, а воинам велено было безоружных щадить; этрусков же перебили и вооруженных и безоружных. Потом зачинщиков сдачи города обезглавили; невиновному большинству все возвратили; в городе оставили охрану. Так, отбив у врага два союзных города, трибуны с великою славой воротились с победоносным войском в Рим.

6) Выступление Марка Манлия

В следующем году [385 г. до Р.Х.] при трибунах с консульской властью Авле Манлии, Публии Корнелии, Тите и Луции Квинкциях Капитолийских, а также Луции Папирии Курсоре и Гае Сергии, избранных во второй раз, завязалась тягостная внешняя война и еще более тягостная внутренняя распря: война, к которой добавилось отпадение латинов и герников, была начата вольсками, а распря против всех ожиданий затеял муж патрицианского рода и доброй славы Марк Манлий Капитолийский – тот самый, что спас в свое время Рим от галлов. Всех лучших мужей в государстве он высокомерно презирал и одному лишь завидовал – Марку Фурию, столь выдающемуся и почестями, и доблестями. Не мог он

спокойно снести, что Фурию нет равных среди должностных лиц, нет подобных в глазах войска, что он превосходит всех и даже товарищи по избранию кажутся при нем не товарищами, а служителями, а между тем (если бы кто-нибудь захотел это правильно оценить!) Марк Фурий не мог бы освободить отечество от осадивших его врагов, если бы прежде он, Манлий, не сохранил Капитолия и Крепости, ведь Фурий напал на галлов во время дележа золота, когда те душою уже чаяли мира, тогда как он, Манлий, отразил их вооруженных и ломящихся в Крепость. И Марку Фурию придется уделять от славы своей равную долю каждому из воинов, которые вместе с ним победили, его же, Манлия, победе никто из смертных не сопричастен. Распалив душу подобными размышлениями, будучи по некоторому душевному изъязу горяч и необуздан, да притом, заметив, что влияние его среди сенаторов не так велико, как требовала бы, по его мнению, справедливость, он первый изо всех отцов стал угождать народу, стал совещаться о государственных делах с плебейскими должностными лицами, стал обвинять сенаторов в преступлениях, завлекать простой народ внешним своим обаянием, а не советом и так предпочел широкую славу доброй. Не довольствуясь земельными законами, кои всегда были у народных трибунов поводом к смутам, он стал подрывать доверие в ссудном деле, ведь и впрямь, говорил он, стрекало долгов тем острее, что грозит не только нищетой и бесчестьем, — оно страшит свободного человека темницею

и оковами. Действительно, задолженность была очень велика из-за строительства – дела, разорительного даже для богатей. В этих условиях речи Манлия нашли горячий отклик в сердцах плебеев. И он всеми силами старался усилить свою популярность.

Однажды увидев, как ведут осужденного за долги центуриона, знаменитого своими подвигами, Манлий посреди форума налетел с толпою своих людей, наложил на него руку и стал кричать о высокомерии сенаторов, жестокости ростовщиков и бедствиях народа, о доблестях и участии этого мужа: «Затем ли я спас этой рукою Капитолийскую крепость, чтобы видеть, как гражданина и моего соратника, словно победили галлы, хватают и уводят в рабство и оковы?» Тут же при всем народе он заплатил заимодавцу и, освободив должника от долга, отпустил на волю, а тот призывал в свидетели богов и людей, чтобы отблагодарили они Марка Манлия, его освободителя и отца римских плебеев. Центурион, сразу же попав в волнующуюся толпу, еще больше увеличил волнение, показывая рубцы ран, полученных им в вейской, галльской и других позднейших войнах.

А Манлий назначил к продаже главную часть своего наследственного имущества – поместье под Вейями, объявив: «Квириты, куда хоть что-то у меня остается, я не потерплю, чтобы кого-либо из вас уводили по приговору суда в кабалу». Это так воспламенило сердца людей, что, казалось, во всем – в праведном и неправедном – они последуют за этим

защитником свободы.

Мятеж Манлия ширился; к концу года состоялись выборы. Военными трибунами с консульской властью были избраны Сервий Корнелий Малугинский (повторно), Публий Валерий Потит (повторно), Марк Фурий Камилл (в пятый раз), Сервий Сульпиций Руф (повторно), Гай Папирий Красс, Тит Квинций Цинциннат (повторно). В начале года [384 г. до Р.Х.] очень удачно и для простого народа и для отцов был достигнут внешний мир: для простого народа, так как его не отвлекали набором и он получил надежду одолеть долги, пока имеет такого мощного вождя; для отцов – оттого, что никакие внешние страхи не отвлекали их от целения домашних зол.

Трибуны с консульской властью и народные трибуны (ибо и они, понимая, что один конец будет для их власти и для общей свободы, передались на сторону сената) и все вместе стали совещаются, что делать. Никто не представлял себе никакого выхода, кроме насилия и убийства, а это повело бы, конечно, к отчаянной борьбе; но тут вмешались народные трибуны Марк Менений и Квинт Публилий: «Зачем же мы превращаем в борьбу отцов и простого народа то, что должно быть борьбой государства против одного зловредного гражданина? Зачем нападаем мы на плебеев и на него, когда безопаснее, чтобы сами плебеи напали на него так, чтобы он рухнул под бременем собственных сил. Мы намерены призвать его к суду. Что менее любо народу, чем царская власть?

Как только эта толпа увидит, что борются не с нею, защитники превратятся в судей; и разглядев, что обвинители – из плебеев, обвиняемый – патриций, а на рассмотрении дело о царской власти, они ни о ком не станут радеть больше, чем о своей свободе».

Намерение трибунов было вскоре осуществлено. Когда Манлия вызвали в суд, он постарался привлечь на свою сторону народ и вывел в качестве свидетелей около четырехсот человек, за которых внес отсчитанные без роста деньги, чье имущество сохранил, кого не дал увести в кабалу по приговору. К тому же он не только перечислил свои военные награды, но и вынес их для обозрения: до тридцати доспехов с убитых врагов, до сорока даров от полководцев, среди которых бросались в глаза два венка за взятие стен и восемь за спасение граждан. И самих этих граждан, спасенных от врагов, привел. А когда в своей речи, блистательной по возвышенности предмета, он стал вспоминать в словах, под стать самим подвигам, о том, что совершил на войне, то обнажил грудь, исполосованную рубцами от ран, полученных на войне, и поминутно оглядываясь на Капитолий, призывал Юпитера и других богов в помощь своей судьбе и молил, чтобы тот дух, какой они вдохнули в него на благо римскому народу при защите Капитолийской крепости, – чтобы тот же дух даровали они римскому народу в решительный для него, Манлия, час; и он взывал ко всем и каждому, чтобы судили его, оборотясь к Капитолию и Крепости, чтобы быть лицом

к бессмертным богам.

Народ созван был по центуриям на Марсовом поле, и, как только обвиняемый, простирая руки к Капитолию, обратил мольбы от людей к богам, трибунам стало ясно, что, если они не освободят взоры людей, осыпанных его благодеяниями, от этого памятника его славы, справедливые обвинения не найдут места в их душах. Итак, отсрочив день суда, назначили народное собрание в Петелинской роще за Флумен-танскими воротами, откуда Капитолий не виден. Там наконец обвинение победило, и суд скрепя сердце вынес суровый приговор, нежеланный даже для судей.

Приговоренный к смерти, Манлий был сброшен с Тарпейской скалы: так одно и то же место стало памятником и величайшей славы одного человека и последней его кары.

7) Вторая победа Камилла над вольсками

И вот постановлением сената и по приказу народа объявлена была война пренестинцам; а те, соединившись с вольсками, на следующий год взяли приступом упорно оборонявшееся римское поселение Сатрик и гнусно выместили победу на пленных. Римляне тяжело перенесли это и избрали Марка Фурия Камилла военным трибуном в шестой раз, дав ему в товарищи Авла Постумия и Луция Постумия Регилльских и Луция Фурия с Луцием Лукрецием и Марком Фабием Амбустом (в 381 г. до Р.Х.).

Камилл уже был в преклонных летах, и на комициях только единогласие народа удержало его от клятвенного отказа с обычной ссылкой на нездоровье; однако в крепкой груди его еще жил бодрый дух, ум его был вполне здрав и, хотя от гражданских дел он почти отошел, войны занимали его. Набрав четыре легиона по четыре тысячи человек и назначив войску на другой же день быть у Эсквилинских ворот, он выступил к Сатрику. Там его ожидали не слишком обеспокоенные завоеватели города, полагаясь на некоторое численное превосходство. Заметив приближение римлян, они тотчас выступили навстречу боевым строем, чтобы ни малой отсрочкой не подвергать свое дело опасности: казалось, что в таких обстоятельствах римлянам ввиду их малочисленности бесполезно будет искусство их замечательного вождя, на которое они только и полагались.

Столь же воодушевлены были и римское войско, и второй вождь: готовность вступить наудачу в сражение сдерживали только разум и власть одного мужа, который, затягивая войну, искал случая разумом помочь недостатку сил. Тем усерднее наступали враги и уже не только развернули строй перед своим лагерем, но вышли на середину поля и, поднося свои знамена почти к самому вражескому валу, выставляли напоказ надменную самоуверенность силы. Римские воины с трудом переносили это, а особенно второй военный трибун Луций Фурий, несдержанный по молодости и нраву, а вдобавок еще заразившийся неосновательной самонадеянностью тол-

пы. Он даже подстрекал без того возбужденных воинов и пытался уменьшить силу влияния своего сотоварища, попрекая его чем единственно мог — старостью, твердя, что войны существуют для молодых, что вместе с телом крепнет или увядает дух, что даже тот, кто привык с ходу, первым натиском брать города и укрепления, из ретивого бойца стал сиднем и вот сидит за валом, теряя время. Надеется ли он на подход своих или на отход вражеских сил? Что это за случай, что за время, что за место, на которые он рассчитывает, чтобы изобретать ловушки? Замыслы старика явно остыли и оцепенели! Довольно он пожил, довольно ему и славы; но как терпеть, что с одним смертным телом дряхлеют силы государства, которому подобает бессмертие?

Таковыми речами привлек он к себе весь лагерь, а когда повсеместно потребовали битву, сказал: «Марк Фурий, мы не можем сдержать порыв воинов, а враг, ободряемый нашим промедлением, налетает с несносной уже надменностью. Уступи один всем и разреши убедить тебя советом, чтобы ты скорее победил в войне». На это Камилл ответил: все войны до сего дня велись по его единоличному замыслу, и ни сам он, ни римский народ не раскаивался ни в приказах его, ни в удаче. Теперь он знает, что имеет товарища, равного ему по власти и правам и превосходящего его цветом лет. Итак, хотя во всем, что относится к войску, он привык не подчиняться, а повелевать, но ограничивать власть товарища он не может; пусть тот с помощью богов делает то, что

считает благом для государства! А для своего возраста он просит снисхождения – не быть в первых рядах; но от обязанностей, какие на войне найдутся для старика, он не уклонится и только молит у бессмертных богов, чтобы случай не дал повод хвалить его благоразумие.

Но не вняли ни люди – спасительному совету, ни боги – благочестивым мольбам. Распорядитель битвы выстроил передовой строй, Камилл разместил подкрепления и поставил мощный заслон перед лагерем, а сам расположился на возвышенности, как зритель, поглощенный исходом чужого замысла.

В первой стычке, лишь раздался звон оружия, враг отступил, заманивая, но не устрашаясь. В тылу врага между строем и лагерем был пологий склон, и, имея народу в достатке, враг оставил в лагере несколько мощных отрядов, выстроенных в полном вооружении, чтобы они ринулись в гущу уже завязавшегося боя, когда противник подойдет к валу. Римлян, слишком увлекшихся преследованием отступающего врага, заманили на опасное место, очень удобное для задуманного нападения. И вот уже страх овладел только что побеждавшими, и под натиском нового врага на покатости склона римский строй дрогнул. Насели свежие силы вольсков, высыпавшие из лагеря; другие, прекратив мнимое бегство, тоже вступили в бой. Римские воины уже не отступали, а, позабыв о недавнем рвении и давней славе, обратили тыл и в беспорядочном бегстве устремлялись к лагерю, как вдруг Ка-

милл, посаженный окружающими на коня, быстро двинул навстречу им подкрепления, закричав: «Так вот она, битва, которую вы вытребовали! Кого – человека, божество – кого можете вы винить? Это только ваше безрассудство и ваша трусость! Вы шли за другим вождем, ступайте теперь за Камиллом и победите, как привыкли под моим водительством. Что устались на вал и лагерь? Ни одного из вас они не примут, кроме как с победой!»

Стыд сначала остановил бегущих; затем когда увидели, что знаменосцы идут на врага в боевом строю, а вождь, не только славный столькими триумфами, но и почтенный летами, появляется среди первых знамен, где наибольший труд и опасность, то по рядам пронеслось в громком крике взаимное ободрение.

Исход был predetermined силой доблести; и вольски, только что отступавшие в притворном страхе, теперь обратились в настоящее бегство. Немалая часть их была перебита в самой битве и после – при бегстве, а прочие – в лагере, который был взят одним натиском; но пленных все-таки было больше, чем убитых.

8) Поход Камилла против тускуланцев

Когда при переписи пленных опознали нескольких тускуланцев, их отделили от прочих и привели к трибунам, а на допросе они сознались, что сражались по решению общины.

Камилл, обеспокоенный опасностью войны со столь близкими соседями, сказал, что тотчас поведет пленных в Рим, чтобы сенаторы не остались в неведении об отпадении тускуланцев от союза; а над лагерем и войском это время пусть начальствует товарищ, если он согласится.

После того как пленных ввели в сенат, а отцы-сенаторы постановили преследовать тускуланцев войной и поручили эту войну Камиллу, тот попросил для себя одного помощника; когда же ему разрешили выбрать из товарищей, кого захочет, он, вопреки всеобщим ожиданиям, выбрал Луция Фурия. Такая снисходительность и с товарища его сняла бесчестие, и ему доставила огромную славу. Но войны с тускуланцами не произошло; упорным миролюбием они отвратили римскую силу, которую не могли сдержать оружием. Когда римляне вошли в их пределы, тускуланцы на пути их не снялись с мест, не забросили обработку полей; открыв городские ворота, навстречу полководцам вышли многочисленные граждане в тогах; продовольствие для войска предупредительно подвозилось в лагерь из города и с полей. Камилл, став лагерем у ворот и желая знать, господствует ли внутри стен тот же мирный порядок, какой он видел на полях, вошел в город и увидел, что двери открыты и в открытых лавках все выложено на виду, а усердные ремесленники заняты каждый своим делом, и школы оглашаются голосами учеников, и улочки полны людей, и среди прочей толпы дети и женщины спешат кто туда, кто сюда, кому куда надоб-

но. Ничто и нигде не походило не только на страх, но даже на удивление. Он осматривал все вокруг, ища взглядом, где же война. Но нигде не заметно было никакого следа припрятанной вещи или, наоборот, вытащенной по обстоятельствам времени; все находилось в таком нерушимо мирном спокойствии, что едва ли, казалось, сюда мог дойти даже слух о войне.

Убедившись, что тускуланцы не замышляют войны, Камилл отпустил их послов в Рим для мирных переговоров. Мир тускуланцы получили тотчас же, а немного позднее и право гражданства. Легионы от Тускула были отведены. (Ливий; VI; 1 – 25).

Доступ плебеев к высшим должностям

1) Гнет долгов и всеобщее уныние народа

В самом начале 378 г. до Р.Х. при военных трибунах с консульской властью Спурии Фурии, Квинте Сервилии (повторно), Луции Менении (в третий раз), Публии Клелии, Марке Горации и Луции Гегании вспыхнул сильный мятеж. И причиной, и поводом была общая задолженность. Для ее расследования избраны были цензоры Спурий Сервилий Приск и Квинт Клелий Сикул. Однако война помешала им заняться делом. Сперва испуганные вестники, а затем и сельчане, бе-

жавшие с полей, дали знать, что легионы вольсков вторглись в римские пределы и повсеместно опустошают поля. Внешняя опасность при общей тревоге не помешала гражданской смуте; напротив, трибунская власть еще упорнее противилась набору, пока не связала сенат условием, чтобы до конца войны никто не платил бы налогов и не устраивал бы суда о долгах. После такой поправки простому народу задержки с набором уже не случилось.

Должники получили короткую передышку; но, едва государство почувствовало себя в безопасности от врагов, возобновились многочисленные судебные разбирательства; не только не стало надежды облегчить старую задолженность, но уже появилась и новая из-за налога, учрежденного ради строительства стен из тесаного камня по цензорскому подряду. Простой народ вынужден был склониться под это бремя, ибо не было набора, которому могли бы препятствовать народные трибуны. Сама принудительность платежей мешала должникам расплатиться. Когда уже нечего было отдавать из имущества, должники, присужденные займодавцам, расплачивались с ними потерей доброго имени и телесными муками: платеж замещался карой. И от этого плебеи – не одна мелкота, но и виднейшие из них – настолько пали духом, что перестали добиваться наравне с патрициями военного трибуната (а сколько сил положили, чтобы такое было разрешено!).

2) Начало борьбы плебеев за консульство

У Марка Фабия Амбуста, мужа влиятельного как в своем кругу, так и в простом народе, ценившем его за то, что он не презирал плебеев, были две дочери, старшая замужем за Сервием Сульпицием, младшая – за Гаем Лицинием Столоном, человеком хотя и знаменитым, но из плебеев; уже то, что Фабий не гнушался такого родства, снискало ему расположение простого народа. Случилось как-то, что сестры Фабии сидели в доме Сервия Сульпиция, в то время военного трибуна, и, как обычно, проводили время в разговорах, когда Сульпиций возвратился с форума домой и его ликтор, согласно обычаю, постучал фасками в дверь. Непривычная к этому, младшая Фабия испугалась, насмешив старшую, которая удивилась, что сестра не знает такого обычая. Этого смех и уколел женскую душу, податливую для мелочей. Толпа поспешающих следом и спрашивающих, «не угодно ли», показала ей счастье сестрина брака и заставила стыдиться собственной доли. Когда она, только что уязвленная в самое сердце, расстроенная, попала на глаза отцу и тот стал расспрашивать: «Здорова ли?» – она хотела скрыть причину печали, не слишком согласную с сестринским долгом и почетом к мужу. Но отец ласковыми расспросами добился, чтобы она призналась: причина ее печали в том, что соединена она с неровней и отдана замуж в дом, куда не войдут

ни почет, ни угождение. Утешая дочь, Амбуст приказал ей быть веселее: скоро и она в своем доме увидит такие же почести, какие видит у сестры. Тут он начал совещаться с зятем при участии Луция Секстия, юноши решительного, которому для исполнения надежд не доставало одного – быть патрицианского рода.

Повод для задуманных новшеств был очевиден – огромное бремя долгов: только поставив своих людей у кормила власти, плебеи могли бы надеяться облегчить это зло. К осуществлению этой мысли и надо готовиться; ведь плебеи, держа и действуя, уже стали на ту ступень, откуда – стоит только приналечь – они могут достичь самых вершин и сравняться с патрициями как в почестях, так и в доблестях. В настоящее время решили они стать народными трибунами, а с этой должности они сами откроют себе путь ко всем другим. И вот, избранные трибунами, Гай Лициний и Луций Секстий [375 г. до Р.Х.] предложили законы – все против могущества патрициев и на благо плебеям. Первый закон – о долгах: чтобы, вычтя из суммы долга то, что начислялось как проценты, остаток погашать равными долями три года. Второй – о земельном ограничении: чтобы никто не имел во владении сверх пятисот югеров поля; третий – чтобы не быть выборам военных трибунов и чтобы по крайней мере второй консул избирался из плебеев. Все вместе было огромно, и без ожесточеннейшей борьбы добиться этого было немыслимо.

Патриции в страхе суетились на общественных и частных

собраниях. Не умея найти иного средства, кроме права запрета, уже испытанного во многих столкновениях, они против домогательств народных трибунов восстановили их же товарищей. Когда те увидели, что Лициний и Секстий побуждают трибы к голосованию, то, явившись в сопровождении отряда патрициев, не допустили ни чтения предложений, ни всего остального, что предшествует народному голосованию. Такие тщетные собрания созывались не раз, и предложения уже считались отвергнутыми, но Секстий сказал: «Это ничего; коль скоро кому-то нравится, что запрещение имеет такую силу, то этим самым оружием мы и защитим плебеев. Действуйте, отцы-сенаторы, назначайте выборы военных трибунов; уж я сделаю так, что не обрадует вас этот возглас “запрещаю!”», который вы ныне, спевшись с нашими товарищами, слушаете с такой радостью». Не напрасно была брошена такая угроза. Состоялись лишь выборы эдилов и народных трибунов – и никакие другие; Лициний и Секстий, став снова народными трибунами, не допустили, чтобы кто-нибудь избран был на курульные должности. Отсутствие должностных лиц длилось целое пятилетие. Плебеи, которых Лициний и Секстий убедили, что нет другого способа ограничить отцов в захвате земель и в разорении простого народа ростовщичеством, кроме как поставить у власти второго консула из плебеев, неизменно избирали их народными трибунами, а Лициний и Секстий запрещали выборы военных трибунов.

3) Четвертая диктатура Камилла

В начале 368 г. до Р.Х. борьба вокруг законов обострилась до крайности; и, когда народные трибуны созвали трибы, а сотоварищи внесших законы не смогли помешать им запретом, встревоженные патриции прибегли к двум последним средствам – к величайшей власти и величайшему мужу.

Решили назначить диктатора и назначили Марка Фурия Камилла, а он пригласил Луция Эмилия начальником конницы. Перед лицом этих грозных приготовлений своих противников защитники дела плебеев и сами вооружились великим мужеством и, назначив народное собрание, созвали трибы к голосованию. Когда диктатор, окруженный толпой патрициев, исполненный гнева и угроз, воссел на форуме, дело пошло обычным порядком – началась борьба среди народных трибунов: между теми, кто предлагал законы, и теми, кто налагал запрещение. Хотя по закону сильнее был запрет, но его перекрывало сочувствие народа к самим законам и тем, кто их предлагал. И вот, когда первые трибы сказали «да будет так!», Камилл объявил: «Поскольку, квириты, вами правит уже не власть трибунов, а их произвол и право запрещения, добытое некогда уходом простого народа, вы упраздняете, пользуясь той же силой, какую этого права добились, – я, диктатор, поддерживаю это запрещение: не столько всего государства ради, сколько ради вашей же пользы,

своею властью защищу ваше право помощи, ныне поверженное. Поэтому: если Гай Лициний и Луций Секстий уступят запрещению товарищей, я, как патриций, не вмешуюсь в ход плебейского собрания; но, если, вопреки запрещению, они, как завоеватели, будут навязывать гражданам свои законы, я не потерплю, чтобы трибунская власть губила себя самое».

Когда народные трибуны, пренебрегши предупреждением, ничуть не умилили своего пыла, то Камилл в гневе послал ликторов разогнать плебеев, пригрозив, что, если так продолжится, он приведет всю молодежь к военной присяге и немедля выведет войско из города. Немалый страх он вселил в плебеев, но дух их вождей только распалил, а не укротил. Тогда, так как дело не двигалось, он отрекся от должности (причиной тому стали какие-то ошибки при назначении). Впрочем, в тот раз голосование так и не состоялось. Оно было отложено после выступления Аппия Клавдия.

4) Победа плебеев

Избранные в десятый раз, те же трибуны Секстий и Лициний предложили закон о децемвирах по священным делам; десять человек частью должны были избираться из плебеев. Избранно было пятеро из патрициев и пятеро из плебеев. После этой ступени дорога к консулату казалась уже проложенной. Однако внезапно пронесся слух о галльской войне и побудил государство назначить в пятый раз дикта-

тором Марка Фурия Камилла (в 367 г. до Р.Х.). Он поставил начальником конницы Тита Квинкция Пена. При них произошла битва с галлами в Альбанской области. Хотя памятью о прошлом поражении галлы и нагнали великого страха, победа римлян определилась сразу и без труда. Многие тысячи варваров погибли в строю, многие тысячи – по взятии лагеря.

Едва Камилл справился с этой войной, как начался мятеж в Городе, еще грознее войны: ожесточеннейшая борьба вынудила диктатора и сенат принять требования народных трибунов. И вот, вопреки знати, проведены были консульские выборы, на которых Луций Секстий первым из плебеев был избран в консулы. Но и этим борьба еще не закончилась, так как патриции заявили, что не утвердят избрания; и дело дошло почти до ухода плебеев из Города и прочих пугающих предвестий гражданской войны. Наконец удалось благодаря диктатору унять разногласия на таких условиях: знать уступила простому народу, согласившись на избрание плебейского консула, а простой народ – знати, согласившись на избрание одного патрицианского претора, чтобы тот вершил суд в городе. (Ливий; VI; 31–42).

5) Мор. Смерть Камилла

В следующее консульство [365 г. до Р.Х.] при Луции Генуции и Квинте Сервилиии, когда ни раздоров, ни войн не

было, в Городе открылось моровое поветрие. Умерли цензор, курульный эдил, три народных трибуна. Многочисленные жертвы были среди остальных жителей. Но более всего памятен этот мор кончиною Марка Фурия – не безвременной и все же печальной.

Мор не прекращался и в следующий [364 г. до Р.Х.] год, когда консулами были Гай Сульпиций Петик и Гай Лициний Столон. Поскольку ни человеческое разумение, ни божественное вспоможение не смягчали беспощадной болезни, в поисках способов умиловить гнев небес были учреждены сценические игры – дело для воинского народа небывалое, ибо до тех пор единственным зрелищем в Риме были бега в цирке. Однако игры эти, пишет Ливий, не избавили души людей от суеверного страха, а тела – от недуга. Мало того: когда Тибр, выйдя из берегов, затопил цирк и прервал игры в самом их разгаре, это как будто ясно показало, что боги окончательно отвернулись от людей и гнушаются их умиловлениями.

6) Диктатор Луций Манлий и его сын Тит

В консульство Гнея Генуция и (вторично) Луция Эмилия Мамерка (в 363 г. до Р.Х.) кто-то из стариков припомнил, будто некогда мор в городе прекратился от того, что диктатор вбил гвоздь. Движимый богобоязнью, сенат распорядился назначить диктатора для вбития гвоздя. На эту роль

был избран Луций Манлий Империз. Однако он, точно его назначили править государством, а не исполнить определенный обряд, задумал войну с герниками и беспощадным набором возмутил все юношество. Пишут, что диктатор наказывал граждан не только пеней, но и телесной расправой: тех, кто не откликнулся на свое имя, секли розгами или отводили в темницу. Ничего путно из его затеи, впрочем, не вышло, и когда все до одного народные трибуны восстали на него, Луций Манлий вынужден был сложить с себя диктатуру.

В начале следующего года [362 г. до Р.Х.] при консулах Квинте Сервилии Агале и Луции Генуции народный трибун Марк Помпоний вызвал Манлия в суд. Никто не сомневался в обвинительном приговоре, поскольку крутой нрав Империза был всем ненавистен. К тому же выяснилось, что Манлий обращал свою жестокость не только на чужих, но и на ближних и даже на кровных. Трибун вменял ему в вину среди прочего, что своего сына, юношу, не замеченного ни в чем дурном, он оторвал от города, дома, пенатов, форума, от света и общества сверстников и сослал в деревню, обрекая его на рабский труд, чуть не на узилище и каторгу. И за какую провинность? Оказывается, юноша не речист и косноязычен.

Эти упреки возмутили всех, только не самого юношу. Тит Манлий, напротив, был сильно удручен, оказавшись поводом ненависти к отцу и обвинений против него. Никому не сказавшись, он препоясался ножом, и рано утром отправился в город. Добравшись до дома трибуна Марка Помпония,

юноша сказал привратнику, что ему нужно переговорить с хозяином, пусть-де пойдет и скажет, что пришел Тит Манлий, сын Луция. Его немедленно ввели в дом, надеясь, что, кипя злобой против отца, он либо еще добавит обвинений, либо подаст совет к ведению дела. После обмена приветствиями Манлий объявил трибуну, что есть дело, о котором он хочет говорить без свидетелей. Всем было приказано удалиться. И тут юноша неожиданно обнажил нож, наклонился над ложем и пригрозил пронзить трибуна на месте, если тот не поклянется за ним слово в слово: никогда не собирать народ ради обвинения отца. Оробевший трибун, видя перед глазами сверкающий нож и понимая, что он один и безоружен, а юноша очень силен и, что еще страшнее, неукротим в своем безрассудстве, повторил за ним клятвенные слова. Впоследствии трибун объявил, что только насилие заставило его отступить от начатого дела.

Хотя простой народ, конечно, был бы рад возможности голосовать против столь жестокого и надменного обвиняемого, как Манлий, но он не мог не оценить, на что решился сын ради отца: и это было тем похвальнее, что даже беспощадная суровость родителя не могла отвратить юношу от сыновней почтительности. Так что не только отец был освобожден от суда, но и юноше случившееся прибавило чести; и когда в этом году впервые было решено выбирать военных трибунов для легионов подачею голосов – а прежде их военачальники назначали сами, – то Манлий получил второе из шести мест,

хотя, проведя молодость в деревне и вдали от людей, не имел ни гражданских, ни военных заслуг, чтобы снискать к себе расположение.

7) Война с галлами. Подвиг Манлия Торквата

В следующем [361 г. до Р.Х.] в консульство Гай Сульпиция и Гая Лициния для войны со вторгшимися в страну галлами решено было назначить диктатора. Им стал Тит Квинций Пенн, а начальником конницы – Сервий Корнелий Малугинский. Диктатор объявил суды закрытыми, привел всех юношей к присяге и, выйдя с огромным войском из города, стал лагерем на ближнем берегу Аниена.

Между противниками был мост, которого ни те ни другие не разрушали, чтобы в том не увидели трусости. За мост часто вспыхивали стычки, но при неясном соотношении сил никак было не решить, кто им владеет. Тогда на пустой мост поднялся богатырского роста галл и во весь голос провозгласил: «Кто нынче в Риме слывет самым храбрым, пусть выходит на бой и пусть исход поединка покажет, какое племя сильней на войне!».

Долго меж знатнейшими из римских юношей царило молчание. Отказаться от поединка было стыдно, однако и на верную гибель никому идти не хотелось. Тогда к Квинцию подошел Тит Манлий. «Без твоего приказа, император, – ска-

зал он, — никогда не вышел бы я биться вне строя, даже если б рассчитывал на верную победу; но с твоего позволения я покажу вон тому чудищу, что недаром я происхожу от тех, кто сбросил галлов с Тарпейской скалы!» На это диктатор отвечал: «Хвала доблести твоей, Тит Манлий, преданности твоей отцу и отечеству! Ступай и с помощью богов докажи непобедимость римского народа».

Потом сверстники вооружили юношу: он взял большой пехотный щит, препоясался испанским мечом, годным для ближнего боя; и в таком вооруженье и снаряженье вышел против врага. Огромный галл, который возвышался над соперником как гора, со страшной силой обрушил на него свой меч. Однако Тит отразил удар, а потом, держа клинок острием вверх, с силою поддел снизу вражий щит своим щитом, протиснулся между телом врага и его щитом и двумя ударами подряд поразил его в живот и пах. А когда противник пал мертвым, Манлий снял с него обрызганное кровью ожерелье и надел себе на шею. Галлы замерли, охваченные ужасом и изумлением, а римляне со всех ног кинулись из строя навстречу своему товарищу и с поздравлениями и восхвалениями ведут его к диктатору. По войсковому обычаю тотчас стали сочинять нескладные потешные песенки, в которых слышалось прозвище «Торкват»; потом оно пошло по устам и сделалось почетным для потомков и даже для всего рода. Диктатор вдобавок наградил Манлия золотым венком и перед всеми воинами воздал этому поединку высочайшую

хвалу.

И точно, поединок имел важное значение для исхода всей войны: с наступлением ночи войско галлов, в страхе бросив лагерь, ушло в земли тибуртинцев, а оттуда, заключив с ними военный союз и получив щедрую помощь продовольствием, без задержки отправилось в Кампанию.

8) Рутул – первый диктатор и первый цензор из плебеев

В 357 г. до Р.Х. в консульство Гнея Манлия Капитолина и Гая Марция Рутула римлян началась война с этрусками. Гай Марций водил войска против привернатов и разбил их в сражении у Приверна, после чего город сдался. На другой год объединенное войско, возглавляемое тарквинийцами и фалисками, дошло до Соляных варниц. Чтобы противостоять этой угрозе, в 356 г. до Р.Х. был назначен первый диктатор из народа – консул прошлого года Гай Марций Рутул. Начальником конницы он избрал Гая Плавтия, тоже плебея. Сенаторов, конечно, возмутило, что уже и диктатура стала общедоступной, и они изо всех сил старались помешать постановлениям и приготовлениям диктатора для этой войны, но народ тем охотнее утверждал все, что предлагал диктатор. Выйдя из города, Рутул на обоих берегах Тибра, перебрасывая на плотях войска туда, где слышно было о неприятеле, перебил многих грабителей, рыскавших там и сям по окру-

ге, и неожиданным ударом завладел лагерем: восемь тысяч врагов было взято в плен, а остальные или перебиты, или изгнаны с римских земель. После этого он без согласия сената, но по велению народа справил триумф

В 352 г. до Р.Х. Гай Марций Рутул второй раз был избран консулом, а его соправителем стал Публий Валерий Публикола. Вновь избранные консулы взялись за облегчение условий займов, которые казались единственной пагубой спокойствию. Превратив выплату долгов в общественное дело, они избрали пять человек и дали им имя «стольщиков» (от «столов», за которыми те занимались распределением денег). Это были Гай Дуилий, Публий Деций Мус, Марк Папирий, Квинт Публилий и Тит Эмилий. Им удалось справиться с этой труднейшей задачей. А именно: просроченные обязательства и платежи, задержанные скорей по небрежности, а не от бедности должников, либо погасили из казны (заручившись, однако, обязательствами должников перед народом), либо обеспечили справедливой оценкой имущества должника. Таким образом было покончено с громадными долгами не только без несправедливости, но даже без обиды.

Тогда же решено было провести ценз, потому что после погашения долгов многие состояния перешли к новым владельцам. И, когда было созвано собрание для выбора цензоров, Гай Марций Рутул объявил, что будет искать эту должность. Это решение возмутило согласие сословий. Оба консула в 351 г. до Р.Х. были из патрициев и открыто говорили,

что не станут принимать его в расчет. Однако Рутул твердо держался своего намерения, и трибуны всеми силами помогали ему. Простой народ говорил: кто открыл дорогу к диктатуре, благодаря тому получили доступ и к цензорству. На выборах не было разногласий, так что Марций был избран цензором вместе с Гнеем Манлием.

9) Марк Валерий Корв

В 348 г. до Р.Х. консулами стали Луций Фурий Камилл и Аппия Клавдий Красс. Год этот был отмечен чередой самых разных треволнений. Со стороны Альбанских гор римлянам грозили галлы, а с моря – корабли греческих пиратов, которые тогда неожиданно появились у берегов Италии.

Войну против галлов возглавил Камилл. Явившись с войском в помптийскую землю, он избегал до времени решительного сражения и держал воинов в лагере. Однажды перед римлянами явился галл, отличавшийся ростом и вооружением. Стуком копья о щит он добился тишины и стал вызывать через толмача одного из римлян, чтобы с оружием в руках померяться силами. Вызов принял молодой военный трибун Марк Валерий. Испросил у консула дозволения, он вооружился и вышел на середину. Но случилось так, пишет Тит Ливий, что поединок этих двух мужей затмило явное вмешательство божественной воли: едва римлянин схватился с врагом, как вдруг к нему на шлем уселся ворон. Трибун

принял это с ликованием как небесное знамение, а затем молитвенно просил: бог, богиня ли послали ему эту птицу, не оставить его доброхотной благосклонностью. И трудно поверить! Птица не только оставалась там, куда села, но всякий раз, как противники сходились, взлетала ввысь и метила клювом и когтями в лицо и в глаза врага, покуда тот, в страхе перед таким небывалым чудом утратив разом и зрение, и рассудок, не был наконец умерщвлен Валерием, а ворон, устремясь на восток, скрылся из глаз.

До тех пор сторожевые бойцы с обеих сторон стояли спокойно, но когда трибун начал снимать с убитого врага доспехи, воины со всех сторон бросились к победителю. Вокруг простертого тела галла завязалась борьба и вспыхнула жестокая схватка. Бились уже не только ближайшие сторожевые отряды, но в дело вмешались легионы с обеих сторон. Камилл дал приказ идти в бой и, указывая на трибуна в приметных доспехах, сказал: «Вот вам пример, воины: а теперь вокруг сраженного вожака уложите галльские полчища!» Исход сражения с галлами был предreshен, настолько развязка поединка двух бойцов повлияла на дух того и другого войска. Между первыми бойцами битва была жаркой, но остальные галлы всей толпою обратились в бегство. А за Валерием с тех пор закрепилось прозвище Корв («Ворон»).

Отразив галлов, консул двинулся к побережью, чтобы охранять его от греков. Поскольку его товарищ Клавдий умер, для проведения выборов сенат назначил диктатором

Тита Манлия Торквата. Тот провел консульские выборы и к вящему удовольствию народа, провозгласил консулом Марка Валерия Корва, которому на тот момент исполнилось всего двадцать три года.

В 346 г. до Р.Х. пришло известие, что посланцы из Антия обходят латинские племена, возбуждая их к войне. Марк Валерий Корв, вторично избранный консулом, вместе с Гаєм Петелием получил приказ, покуда число врагов не умножилось, выступить на вольсков войною и двинул войска на Сатрик. Там и антиаты, и другие вольски встретили их силами, собранными загодя на случай нападения из Рима; и тогда при взаимной ненависти, долго не имевшей выхода, в бой вступили без промедления. Вольски, всегда свирепые больше в мятежах, чем в битвах, потерпев поражение, в беспорядочном бегстве кинулись к стенам Сатрика. Но когда окруженный римлянами город уже брали приступом с помощью лестниц, то, не видя и в стенах защиты, до четырех тысяч воинов, не считая множества мирных жителей, сдались римлянам безоговорочно. Город разрушили и сожгли; только храм Матери Матуты не был предан огню. Всю добычу отдали воинам, за исключением четырех тысяч пленных, которых во время триумфа консул прогнал в оковах перед своей колесницей, а потом продал и немалые вырученные деньги передал в казну. (Ливий; VII; 1 – 27).

Первая Самнитская война

1) Кампанцы вовлекают римлян в войну с самнитами

В 343 г. до Р.Х. консулами избрали двух патрициев – Марка Валерия Корва в третий раз и Авла Корнелия Косса. При них римлянам впервые пришлось обнажить мечи против самнитов, племени многолюдного и воинственного. Впрочем, причина войны самнитов и римлян, связанных дотоле союзом и дружбою, явилась извне, а не возникла меж ними самими. Когда самниты, пользуясь превосходством сил, незаконно напали на сидицинов, те вынуждены были в своей слабости искать помощи у сильнейших и заключили союз с кампанцами. Так как кампанцы могли разве что зваться, но никак не быть защитой союзников, то они, расслабленные роскошью, были разбиты закаленными в битвах здесь же, на сидицинской земле. После этого на них навалилось все бремя войны: ибо самниты, оставив сидицинов, разумеется, напали на самый оплот своих соседей – на кампанцев, победа над которыми была столь же легкой, а добычи и славы сулила поболее. Сильным отрядом они заняли Тифаты – холмы, господствующие над Капуей, построились четырехугольником и спустились оттуда на равнину, лежащую между Капуей и

Тифатами. Здесь произошло новое сражение: и кампанцы, вновь разбитые, загнанные за городские стены, не видя кругом никакой надежды, так как перебита была лучшая часть молодежи, вынуждены были просить помощи у римлян.

Римляне поначалу не вняли их просьбам. Послам был дан такой ответ: «Сенат считает, что вы заслуживаете заступничества; но не подобает, устанавливая дружбу с вами, оскорблять дружбу и союз более давние. Самниты связаны с нами договором – поэтому мы отказываем вам в военной помощи против самнитов, ибо это оскорбило бы даже не людей, а богов; однако по законам божеским и человеческим мы отправим к нашим союзникам и друзьям послов с просьбой не чинить вам никакого насилия». На это глава посольства сказал, как ему было поручено дома: «Коль скоро наше достояние вы не хотите защитить правой силой от неправой силы, то свое собственное вы наверняка защищать будете. А потому, отцы-сенаторы, мы передаем под власть и покровительство ваше и народа римского народ кампанский и город Капую, земли, святилища богов и все, что принадлежит богам и людям; и отныне, что бы ни случилось с нами, это случится с отдавшимися под вашу власть». При этих словах все послы простерли руки к консулам и с рыданиями повалились на пол курии. Сенаторы были потрясены тем, сколь превратны судьбы человеческие, если этот могущественный и богатый народ, знаменитый роскошью и надменностью, у кого еще недавно соседи просили защиты, оказался сломлен настоль-

ко, что себя самого и все свое достояние отдает под чужую власть. И тут уже делом чести явилось не предать предавшихся; рассудили так, что неправо дело совершат самниты, напав на земли и город, отдавшиеся римскому народу. Решено было немедленно отправить к самнитам послов. Им поручили рассказать самнитам о мольбах кампанцев, об ответе сената, верного дружбе с самнитами, и о происшедшей, наконец, сдаче. После этого они должны были просить в знак союза и дружбы пощадить отдавшихся под римскую власть и не идти войною на земли, ставшие достоянием римского народа; а если мягкое обращение не возымеет действия, объявить самнитам от имени римского народа и сената, чтоб не смели покушаться на город Капую и кампанские земли. Но послам, произнесшим все это в собрании самнитов, был дан самый наглый ответ: самниты не только заявили, что вести эту войну будут, но вдобавок магистраты их, выйдя из курии, в присутствии послов кликнули префектов когорт и громко приказали им тотчас идти разорять кампанскую землю.

Когда послы возвратились с этим в Рим, сенаторы, отложив все прочие дела, отправили фециалов требовать возмещения, а получив отказ, заведенным порядком объявили войну и постановили в ближайший срок передать это дело народному собранию.

2) Битва у горы Гавра

По распоряжению народа оба консула с двумя войсками вышли из Города, Валерий в Кампанию, Корнелий в Самний, и первый расположился лагерем у горы Гавра, а второй у Сатикулы. Легионы самнитов прежде всего встали на пути Валерия, полагая, что вся тяжесть военного удара придется сюда; к тому же побуждала их и злость на кампанцев, таких скорых то оказывать помощь, то просить ее. Едва самниты завидели лагерь римлян, как наперебой стали буйно требовать от вождей знака к бою, заявляя при этом, что римляне с таким же успехом окажут помощь кампанцам, с каким те – сидицинам. Валерий выждал несколько дней, пробуя противника в мелких стычках, а затем выставил знак к бою и обратился к своим с кратким словом ободрения: пусть не страшит их неведомая война и неиспытанный враг – чем дальше идут они войною от Города, тем менее и менее воинственные народы предстанут на пути. Не нужно судить о доблести самнитов по победе их над сидицинами и кампанцами: ведь кто бы с кем ни мерялся силами, кто-нибудь да выйдет победителем. А кампанцев, конечно, не столько вражья сила одолела, сколько собственная изнеженность и расслабленность от чрезмерной роскоши.

В то время в Риме не было полководца ближе воинству, чем Корв, охотно деливший все тяготы с простыми воинами.

К тому же и в военных играх, когда сверстники состязались друг с другом в быстроте и силе, он был прост и добродушен и с равным достоинством побеждал и уступал победу; и, кто бы ни бросал ему вызов, он никого не отвергал как недостойного себя противника. В поведении был благожелателен, в разговоре не только помнил о своем достоинстве, но и уважал в другом свободного человека; и что всего любезней народу — в должности он оставался таков, каков был, добиваясь должности. И вот в ответ на призыв вождя все войско с небывалым пылом устремляется из лагеря.

Завязался бой, в котором, как никогда, видно было, сколь равны противники притязаниями и силой, сколь уверены в себе без презрения к врагам. Самнитам прибавляли отваги недавние их подвиги и двойная победа, одержанная за несколько лишь дней до того; римлянам, наоборот, четырехвековая их слава и привычка к победе, спутнице их Города со дня его основания; но и тех и других смущало, что враг непривычный. Бой ясно показал, каково мужество противников, ибо схватились они так, что строй на время замер, не подаваясь ни туда ни сюда. Жестокая битва кипела вокруг самнитских знамен, но никто не помышлял о бегстве. Наконец римляне, чуя, что силы от усталости убывают и день уже клонится к закату, вспыхнули яростью и ударили на врага. Тогда только стало видно, что враг отступает и мало-помалу начинается бегство. Самнитов ловили, убивали, и немногие остались бы целы, если б ночь не пресекла не битву уже, но

победу. На другой день римляне завладели брошенным лагерем неприятеля: сюда с изъявлениями благодарности высыпали все кампанцы от мала до велика.

3) Вторжение в Самний. Подвиг Публия Деция

Между тем, второй консул Корнелий, выступив из Сатикулы, по неосторожности завел войско в лесистые горы, через которые можно было пройти только по ущелью, где поверху со всех сторон засели враги; а заметил он неприятеля, готового ударить на него сверху, лишь когда отвести войско в безопасное место стало уже невозможно. Пока самниты ждали, чтобы все полки втянулись в глубину лощины, Публий Деций, военный трибун, приметил выдававшуюся среди гор возвышенность, которая господствовала над лагерем неприятеля; для войска со всем обозом она была почти недоступна, но занять ее налегке не составляло труда. «Видишь, Авл Корнелий, – спросил он у оробевшего консула, – ту вершину над врагами? То оплот нашей надежды и спасения, если мы займем его не мешкая, благо самниты сослепу его проглядели. Дай мне только принципов и гастатов из одного легиона; и, когда я проберусь с ними туда на вершину, тогда спеши отсюда прочь без всякого страха и спасай себя и войско; ведь враги, открытые всем нашим ударам, не смогут тронуться с места, разве что на свою погибель. А нас потом выручат или

счастье народа римского, или наша собственная доблесть».

Получив одобрение от консула и отряд, Деций потихоньку взобрался по склону горы, и враг не заметил его, пока он не оказался уже вблизи нужного места. Все тогда оцепенели от изумления; и консул, пользуясь тем, что Деций приковал к себе всеобщее внимание, получил время вывести войско на равнинное место, а трибун засел на самой вершине горы. С наступлением темноты он повел своих воинов на прорыв. Глубокой ночью римляне незаметно спустились с горы и смело двинулись за своим предводителем прямо сквозь вражеские дозоры. Они добрались уже до середины самнитского лагеря, как вдруг, переступая через раскинувшиеся во сне тела дозорных, один воин задел щит и послышался звон; разбуженный шумом дозорный толкнул соседа и, вскочив, они подняли других, не понимая, свои перед ними или враги, отряд ли идет на прорыв, или консул занял их лагерь, — тогда Деций приказал своим воинам поднять крик и до смерти перепугал опешивших со сна самнитов. С такого перепугу самниты не могли ни схватиться за оружие, ни сопротивляться, ни преследовать. Перебив встречных стражей, римский отряд сквозь замешательство и суматоху самнитов добрался до лагеря консула.

Когда спасшиеся воины пришли к преторию, Авл Корнелий велел протрубить войсковую сходку и начал восхвалять заслуги их предводителя. Однако Деций попросил его отложить собрание. Самое главное, говорил он, не упустить из

рук случай и напасть на врагов, растерянных после ночного переполоха и рассеянных кучками вокруг холма, между тем как посланные преследовать его, наверное, еще бродят в лесу по склонам. Корнелей принял его предложение. Легионы по приказу взяли за оружие, вышли из лагеря и двинулись на врагов. Их нападение оказалось полной неожиданностью для самнитов, которые разбрелись повсюду и не могли ни собраться вместе, ни вооружиться, ни отступить за вал. Пораженных страхом, их сперва загнали в лагерь, а потом выгнали за его пределы. Таким образом многие отступили, в глаза не видавши врага, а те, кого страх загнал за вал, числом до тридцати тысяч, все были перебиты, и лагерь разграблен.

4) Сражение под Свессулой

Третье сражение произошло под Свессулой, где войско самнитов, обращенное в бегство Марком Валерием, вызвавши из дому цвет юношества, решило испытать судьбу в последней схватке. Встревоженные гонцы прибыли из Свессулы в Капую, а оттуда спешно поскакали всадники к консулу Валерию просить помощи. Его воины тотчас подняли знамена и, оставив весь лагерьный обоз под сильной охраной, быстро двинулись в поход. Вблизи от врага они стали лагерем, заняв очень мало места, так как вместо выючного стада и толпы погонщиков у них были только кони.

Увидев, что противники отправились рыскать по полям и

остались лишь редкие дозоры, консул немногословно ободрил воинов и повел их брать лагерь приступом. Взяв его с первым кличем и при первом натиске и перебив большую часть врагов еще в шатрах, а не у ворот и укреплений, он приказал снести захваченные знамена в одно место, оставил для охраны и защиты два легиона, строжайше запретив им до его возвращения заниматься разграблением лагеря, а сам сомкнутым строем двинулся вперед; когда же конница, посланная вперед, стала сгонять самнитов, разбегавшихся, словно звери при облаве, устроил страшную резню. От испуга те не могли сговориться, под каким собираться знаменем и спешить им к лагерю или постараться убежать подальше; и такое тут было бегство и такой ужас, что до сорока тысяч щитов принесли консулу – убитых, конечно, было не столько, – а военных знамен, вместе с захваченными в лагере, около ста семидесяти. С этим возвратились во вражеский лагерь, и там вся добыча была отдана на разграбление воинам. (Ливий; VII; 28–42)

5) Завершение войны

Окончание Самнитской войны пришлось уже на консульство Гая Плавтия и Луция Эмилия Мамерка, избранных в 341 г. до Р.Х. Эмилий вторгся во владения самнитов, где принялся огнем и мечом разорять поля. Вскоре к нему явились с просьбой о мире посланцы самнитов. Консул отослал

их к сенату. Тут, оставив свою надменность, самниты стали просить о мирном договоре для себя и права воевать против сидицинов. Сенаторы постановили возобновить с ними договор., Когда после торжественного заключения договора послы возвратились домой, консул тотчас вывел римское войско, взыскав предварительно с самнитов годовое жалованье и трехмесячное довольствие для воинов, что было условием перемирия, заключенного до возвращения послов.

Вторая Латинская война

1) Начало войны

Заклучив мир с римлянами, самниты тотчас двинули свои войска против сидицинов, твердо рассчитывая в скором времени завладеть неприятельским городом. Тогда сидицины перекинулись к латинам, которые уже и сами взялись за оружие. Даже кампанцы – до того воспоминание о злодеяниях самнитов было живей памяти о благодеяниях римлян – не остались в стороне от этого. Вот сколько народов объединилось в одно огромное войско во главе с латинами и вторглось в пределы самнитов. Впрочем, ущерб тут был больше от грабежей, чем от боевых действий, и, хотя в стычках верх одерживали латины, они сами охотно покинули вражескую землю, чтобы не вступать в сражение на каждом шагу. Это дало

самнитам передышку для отправки послов в Рим. Явившись в сенат, они жаловались, что как союзники римлян терпят то же, что терпели как их враги, и просили не допустить, чтобы самое малодушное племя торжествовало победу. Ведь латинам и кампанцам, раз они находятся под покровительством римлян, можно приказать не трогать самнитских владений, а в случае неповиновения принудить к этому силой оружия. Ответ им дали неопределенный, так как стыдно было признаться, что латины уже вышли из повиновения и сенат страшится осуждением оттолкнуть их окончательно. Обещали, однако, охотой или неволей усмирить кампанцев, союз с которыми был основан на иных условиях – не на равноправном договоре, а на безоговорочной сдаче; о латинах же сказали, что договор с ними не чинит тем никаких препятствий вести войну с кем пожелают.

Самнитов этот ответ оставил в недоумении насчет намерений римлян, кампанцев отпугнул, а латинам, возмнившим, что им ни в чем уже нет у римлян отказа, еще прибавил дерзости. И вот под видом приготовлений к войне против самнитов стали то и дело назначать сходки, и на всех собраниях старейшины потихоньку обсуждали между собой войну против римлян. К враждебным замыслам против своих избавителей присоединились и кампанцы. Но, несмотря на все усилия сохранить сговор в тайне, сведения об этом все равно просочились в Рим через частных лиц, связанных между собой узами родства или гостеприимства. Тогда кон-

сулы получили приказ до срока сложить с себя должность, чтобы ввиду такой страшной военной угрозы можно было поскорее избрать новых консулов. Ими стали Тит Манлий Торкват (в третий раз) и Публий Деций Мус (340 г. до Р.Х.).

Римляне, в общем-то не сомневавшиеся в измене союзников и всего латинского племени, тем не менее сделали вид, что не своя судьба, а судьба самнитов вызывает их беспокойство, и пригласили в Рим десять латинских старейшин, дабы объявить им свою волю. По прибытии в Рим старейшины были приняты в сенате на Капитолии; здесь консул Тит Манлий от имени отцов-сенаторов предостерег их от войны с самнитами, с которыми римлян связывал договор. Анний, верховодивший в то время у латинов, дерзко заметил в ответ: «Пора тебе, Тит Манлий, и вам, отцы-сенаторы, перестать нам приказывать, ибо вам известно, что по милости богов Лаций находится ныне в расцвете своей военной мощи: самниты потерпели поражение, сидицины и кампанцы стали нашими союзниками, даже вольски присоединились теперь к нам, а ваши поселения предпочли нашу власть вашей. Но поскольку вам и в голову не приходит положить конец своему разнузданному самовластию, то, хотя мы и можем объявить Лаций свободным, полагаясь лишь на силу оружия, мы помним все же о нашем сродстве и, идя на уступку, предлагаем вам равные для обеих сторон условия мира. А именно: одного консула следует выбирать из римлян, другого из латинов, в сенате оба народа должны быть представлены равно,

и да будет у нас единый народ и единое государство; чтобы власть была сосредоточена в одном месте, а народы объединились общим именем. На благо тех и других да будет вашему отечеству оказано предпочтение, и все мы станем зваться “римляне”».

Тит Манлий, человек вспыльчивый и решительный, пришел от этого предложения в страшный гнев и заявил прямо, что если отцы-сенаторы готовы принять законы, предлагаемые каким-то сетинцем, то он препоясается мечом и, явившись в сенат, собственной рукою убьет любого латина, которого завидит в курии. Сенат, впрочем, не собирался идти на поводу у союзников и тотчас изъявил согласие на войну.

2) «Манлиев правеж»

Оба консула, набрав по войску, двинулись через земли марсов и пелигнов; объединив свои силы с самнитскими, они стали лагерем у Капуи, где уже собрались латины и их союзники. Война эта не походила на те, что велись римлянами до этого. Ведь драться предстояло с латинами, неотличимыми от них по языку, обычаям, роду вооружения и прежде всего по порядкам, заведенным в войске. В связи с этим, чтобы воины не попали впросак из-за какой-нибудь ошибки, консулы строжайше запретили им сходить с врагом вне строя.

Случилось так, что среди предводителей турм, разосланных во все стороны на разведку, был и Тит Манлий, сын кон-

сула; он заехал со своими всадниками за вражеский лагерь и оказался чуть не на бросок дротика от ближайшего сторожевого дозора. В дозоре там стояли тускуланские всадники во главе с Геминем Месцием, прославленным среди своих и знатностью, и подвигами. Узнав римских всадников и заметив между ними их предводителя, сына консула (все ведь были знакомы, а знатные – особенно), он сказал: «Эй, римляне, не собираетесь ли вы воевать против латинов с их союзниками одною этой турмой? Что ж тогда будут делать консулы и два консульских войска?» «В свой срок и они явятся, – отвечал Манлий, – а с ними и свидетель нарушенного вами договора – сам Юпитер, в ком силы и могущества и того более. Если при Регилльском озере вы были по горло сыты боем, то мы уже и здесь постараемся, чтоб вам не сладко пришлось от встречи с нами на поле брани». Гемин, отделившись от своих, сказал на это: «Покуда не пришел тот день, когда вы подвигнете свои войска на столь великое дело, не хочешь ли сойтись тем временем со мною, чтобы уже теперь исход поединка показал, насколько латинский всадник превосходит римского?» Гнев ли подтолкнул храброго юношу, или боялся он покрыть себя позором, отказавшись от поединка, или же вела его неодолимая сила рока, только забыв об отчей власти и консульском приказе, он очертя голову кинулся в схватку, не слишком заботясь о том, победит ли он или будет побежден. Когда остальные всадники, словно ожидая представления, подались в стороны, в образовав-

шемся пустом пространстве противники, наставя копья, пустили коней вскачь навстречу друг другу. Они столкнулись, и копьё Манлия проскочило над шлемом врага, а копьё Месция оцарапало шею лошади. Они развернули коней, Манлий первым изготовился для нового удара и сумел вонзить копьё между ушей лошади; от боли конь встал на дыбы, начал изо всех сил трясти головой и сбросил всадника. Пока противник, опираясь на копьё и щит, поднимался после грузного падения, Манлий вонзил ему копьё в шею, и, выйдя через ребра, оно пригвоздило Месция к земле; сняв вражеские доспехи, Манлий возвратился к своим и, окруженный радостным ликованием, поспешил в лагерь и потом и в консульский шатер к отцу, не ведая своей грядущей участи: хвалу ли он заслужил или кару.

«Отец, – сказал он, – чтобы все видели во мне истинного твоего сына, я кладу к твоим ногам эти доспехи всадника, вызвавшего меня на поединок и сраженного мною». Услышав эти слова, консул отвернулся от сына и приказал трубить общий сбор; когда воины собрались, он молвил: «Раз уж ты, Тит Манлий, не почитая ни консульской власти, ни отчей, вопреки запрету, без приказа, сразился с врагом и тем в меру тебе доступного подорвал в войске послушание, на котором зиждилось донине римское государство, а меня поставил перед выбором – забыть либо о государстве, либо о себе и своих близких, то пусть лучше мы будем наказаны за наш поступок, чем государство станет дорогой ценою иску-

пать наши прегрешения. Послужим же юношеству уроком, печальным, зато поучительным, на будущее. Конечно, ты дорог мне как природный мой сын, дорога и эта твоя доблесть, даже обманутая пустым призраком чести; но коль скоро надо либо смертью твоей скрепить священную власть консулов на войне, либо навсегда подорвать ее, оставив тебя безнаказанным, то ты, если подлинно нашей ты крови, не откажешься, верно, понести кару и тем восстановить воинское послушание, павшее по твоей вине. Ступай, ликтор, привяжи его к столбу».

Услыхав столь жестокий приказ, все замерли, словно топор занесен у каждого над собственной его головою, и молчали скорее от ужаса, чем из самообладания. Но, когда из разрубленной шеи хлынула кровь, все стоявшие дотолпе, как бы потеряв дар речи, словно очнулись от чар и дали вдруг волю жалости, слезам и проклятиям. Покрыв тело юноши добытыми им доспехами, его сожгли на сооруженном за валом костре и устроили похороны с такою торжественностью, какая только возможна в войске; а «Манлиев правед» внушал ужас не только в те времена, но и для потомков остался мрачным примером суровости.

3) Сражения у Везувия и Трифана

И все-таки столь жестокая кара сделала войско более послушным вождю; везде тщательней стали исправлять сторо-

жевую и дозорную службу и менять часовых, а в решающей битве, когда сошлись лицом к лицу с неприятелем, суровость Манлия эта тоже оказалась на пользу.

Сражение произошло неподалеку от подножия горы Везувий, у дороги, ведущей к Везеру. Поначалу силы и ярость противников были равны, потом на левом крыле римские гастаты, не выдержав натиска латинов, отступили к принципам. Увидев это, консул Деций бросился в гущу врага и пал он под градом стрел. Тит Манлий, узнав о гибели товарища, колебался, не пора ли уже подниматься триариям, но потом почел за лучшее сохранить эти силы свежими для решительного удара и приказал акцензам из задних рядов выйти вперед. Едва они вышли, латины тотчас вызвали своих триариев, полагая, что противник уже это сделал, и спустя какое-то время, утомленные жестокой схваткой, переломав или притупив копья, они все-таки начали теснить римлян, мня, что исход сражения близок и что они дошли до последнего ряда. Тут-то консул и воззвал к триариям: «Теперь поднимайтесь со свежими силами против обессиленных, помните отечество и родителей, жен и детей, помните консула, сложившего голову ради вашей победы!»

Когда триарии, полные сил, сверкая оружием, приняли антепиланов в промежутки между рядами и поднялись с земли, неожиданно возникло как бы новое войско, и с громкими криками римляне разметали передовые отряды латинов. Когда перебили уже отборных латинских воинов, коля их в

лица копьями, то сквозь остальные манипулы прошли почти без потерь, словно сквозь строй безоружных, и прорвали их клинья, учинив такое побоище, что едва ли уцелела и четверть неприятельских сил.

Однако латины не были сломлены. По Лацию и среди вольсков разослали обманные письма, а так как не участвовавших в сражении легче легкого было заставить поверить во что угодно, отовсюду прибыли беспорядочные, в спешке набранные войска. Эти-то полчища встретил у Трифана – между Синуессой и Минтурнами – консул Тит Манлий Торкват. Не выбирая места для лагеря, противники свалили в кучу свою поклажу и вступили в бой. Тут война и была решена, ибо силы латинов оказались так подорваны, что, когда консул повел воинов-победителей разорять их земли, они все сдались ему, а следом за ними сдались и кампанцы. После этой славной победы Тит Манлий возвратился в Рим. Есть свидетельства, что при вступлении в Город навстречу ему вышли только пожилые люди, а молодежь и тогда, и после – в течение всей его жизни – сторонилась его и проклинала.

4) Завершение войны

Завершение Второй Латинской войны пришлось на консульство Луция Фурия Камилла и Гнея Мения (338 г. до Р.Х.). Латины не рисковали вступать в открытые сражения и отсиживались за укреплениями. Когда римляне осадили

Пед, на помощь к ним пришли тибуртинцы и пренестинцы. Арицийцы, ланувийцы и велитрийцы, объединившиеся было с антийскими вольсками у реки Астуры, были разбиты внезапным нападением Мения. Между тем Камилл сразился у самого Пед с чрезвычайно сильным войском тибуртинцев. Особенно много беспокойства доставила римлянам в ходе боя неожиданная вылазка жителей города. Бросив против них часть своего войска, Камилл не только загнал их обратно за укрепления, но в тот же день, разгромив и их самих, и их союзников, взобрался на стены и овладел городом.

Захват Пед как бы удвоил силы и отвагу римлян, и решено было провести победоносное войско по всей округе, чтобы окончательно подчинить себе этот край. И консулы не успокоились, пока не привели к покорности весь Лаций, один за другим захватывая города или приступом, или принимая их добровольную безоговорочную сдачу. Затем, разместив по занятым городам заставы, возвратились в Рим отпраздновать единодушно присужденный им триумф. В дополнение к триумфу консулам была оказана и такая честь: на форуме им поставили конные статуи, что в те времена случалось не часто.

Прежде чем созвать народное собрание для выборов консулов следующего года, Камилл доложил сенату о народах Лация и сказал так: «Отцы-сенаторы, все, чего следовало добиться в Лации войной и оружием, все это по милости богов и благодаря доблести воинов уже исполнено. Вражье вой-

ско разгромлено при Педе и Астуре, все латинские города и Антий во владениях вольсков, захваченные силой или сдавшиеся, находятся под охраной ваших отрядов. Осталось обсудить, каким способом навсегда заставить латинов блюсти мир и спокойствие, коль скоро снова и снова они тревожат нас своими мятежами. Бессмертные боги облекли вас такую властью, что от вашего решения зависит, быть ли впредь Лацию или не быть; а потому мир с латинами вы можете обеспечить себе либо жестокой расправой, либо милостивым прощением. Хотите быть жестоки к сдавшимся и побежденным? Тогда можно разорить весь Лаций, превратив в голую пустыню те края, откуда к нам являлось превосходное союзное войско, на которое и вы часто опирались во многих, причем крупных, войнах. Или вы хотите, по примеру предков, дать побежденным гражданство и тем умножить мощь римского государства? Тогда перед вами сколько угодно способов с вящею славою дать возрасти нашему государству. Само собой разумеется, что власть, которой покоряются с радостью, более прочна. Но, какое бы решение вы ни вынесли, с ним нужно поспешить. Столько народов, колеблясь между страхом и надеждою, ждут вашего приговора, что и вам следует поскорее снять с себя эту заботу, а их, замерших в ожидании, наказать или облагодетельствовать. Наше дело дать вам возможность разрешить все по своему усмотрению, а ваше – выбрать наилучшее для вас и всего государства».

Самые видные сенаторы были довольны докладом консу-

ла о положении дел, заявив, однако, что вина вине рознь и что замысел консула осуществим, только если доложить сенату о каждом племени особо, дабы всем было воздано по их заслугам. Тогда обо всех было доложено по отдельности и приняты подобающие решения. Ланувийцев, жителей Ариции, Номенты и Педы приняли в число граждан. За тускуланцами оставили прежние права гражданства, покарав лишь нескольких зачинщиков мятежа и тем самым сняв с них обвинение в измене. С велитрийцами, давнишними римскими гражданами, за многократные их мятежи расправились без пощады: стены города были повалены, старейшины получили приказ удалиться из Велитры и поселиться за Тибром; это означало, что пойманный на левом берегу Тибра уплатит до тысячи фунтов меди выкупа, а захвативший пленника может до уплаты не освобождать его из оков. В имения изгнанных старейшин отправили поселенцев из Рима, и после включения их в число граждан Велитра город вновь обрел былое многолюдство. Новое поселение было выведено и в Антий, где антийцам по их желанию и самим разрешили войти в число римских поселенцев; большие военные корабли были оттуда уведены, доступ к морю жителям Антия закрыт, но права граждан предоставлены. У тибуртинцев и пренестинцев отторгли земельные владения, ибо на них возлагали не только общую с другими латинами вину за недавнее восстание, но еще и за то, что, тяготясь властью Рима, они уже и прежде воевали на стороне галлов – племени ди-

карей. Прочие латинские народы были лишены права заключать между собою браки, вести друг с другом торговлю и созывать общие собрания. Кампанцам же предоставили гражданство (без права голосования) – из уважения к их всадникам, не пожелавшим восставать вместе с латинами, а также фунданцам и формианцам, ибо путь через их земли всегда был надежным и мирным. Жителям Кум и Свессулы решили дать те же права и на тех же условиях, что жителям Капуи. (Ливий; VIII; 2 – 14)

Вторая Самнитская война

1) Начало Второй Самнитской войны

В 328 г. до Р.Х. обострились отношения римлян с греческими колонистами из Палеполя и Неаполя. В том и другом городе жило одно и то же племя родом из Кум, а куманцы вели свое происхождение из Евбейской Халкиды. Благодаря судам, на которых они прибыли со своей родины, они приобрели большую власть над морским побережьем, где поселились; сперва они высадились на островах Энарии и Питекуссах, а потом решились перебраться и на материк. Палеполитанцы, полагаясь не только на свои силы, но и на ненадежность союза самнитов с римлянами, а быть может, доверяясь и слухам о моровом поветрии, открывшемся в Городе,

много раз нападали на римлян, живущих на кампанских и фалернских землях. И потому в консульство Луция Корнелия Лентула и вторичное консульство Квинта Публилия Филоня (в 327 г. до Р.Х.) туда отправили фециалов требовать возмещения, а когда они доложили о заносчивом ответе греков, то с согласия сенаторов народ приказал начать войну с палеполитанцами.

При распределении обязанностей между консулами Публилию выпало вести войну с греками, а Корнелий с другим войском стоял наготове, чтоб отразить самнитов, если те пойдут войною. И, поскольку ходили слухи, что самниты двинутся с места, как только восстанут кампанцы, Корнелий почел за лучшее расположиться постоянным лагерем в Кампании.

Оба консула сообщили сенату, что на мир с самнитами почти нет надежды: Публилий – что две тысячи ноланских и четыреста самнитских воинов впущены в Палеполь, больше по настоянию ноланцев, чем по воле греков; Корнелий – что власти объявили набор, весь Самний поднялся, а соседей – и привернатов, и фунданцев, и формианцев – открыто подстрекают к мятежу.

Решили тогда до начала войны отправить послов к самнитам; ответ от них был получен дерзкий. Самниты даже стали обвинять римлян в притеснениях, не забывая при этом усердно отводить обвинения от самих себя: грекам-де они ни советом, ни помощью не содействовали и фунданцев с

формиианцами к мятежу не подстрекали, ибо, пожелай они вести войну, им вполне хватит собственных сил. В то же время самниты не могли скрыть своего неудовольствия тем, что Фрегеллы, отторгнутые самнитами у вольсков и разрушенные, римский народ восстановил и вывел во владения самнитов свое поселение, которое его жители так и зовут Фрегеллами! Когда римский посол призвал их обсудить все это перед общими союзниками и друзьями, ответ был таков: «К чему плетение словес? Наш спор, римляне, решают не речи послов и не какой-то посредник из смертных, а поле Кампанское, где нам предстоит померяться силами, наше оружие да общий всем ратный Марс.

Заняв выгодное место между Палеполем и Неаполем, Публилий сразу лишил неприятелей возможности оказывать друг другу союзническую помощь, что они делали обыкновенно, когда то одна, то другая область поочередно подвергалась нападению. И вот, с одной стороны, приближался день выборов, а в другой – государству было невыгодно отзывать Публилия, грозившего стенам вражеского города и готового со дня на день взять его приступом, и посему с трибунами договорились предложить народу, чтоб по окончании консульства Квинт Публилий Филон вплоть до окончания войны с греками продолжал дело как проконсул

2) Успешные действия римлян и измена греков

В 326 г. до Р.Х. римляне овладели тремя самнитскими городами – Аллифами, Каллифами и Руффрием, а остальные земли на большом пространстве были разорены консулами, как только они туда вторглись.

Такая удача сопутствовала этой войне, а другая война – осада греческих городов – уже подходила к концу. В самом деле, мало того что в отрезанных друг от друга крепостях враги оказались разобщены, но и за собственными стенами на них обрушилось куда больше бед и унижений, нежели грозило со стороны врагов, и, словно пленники своих защитников, они сносили позор жен и детей, терпя худшую участь взятых приступом городов. Так что сдача римлянам под конец представлялась им уже наименьшим из зол.

Харилай и Нимфий – из первых людей в государстве – вместе держали совет и разделили меж собой, кому что надлежит исполнить, а именно один должен был перебежать к римскому военачальнику, а другой – остаться в городе, чтобы все подготовить к осуществлению их замысла. Харилай явился к Публилию Филону и сообщил о своем решении предать стены города, ибо это будет ко благу, процветанию и счастью как палеполитанцев, так и римского народа; от честности римлян зависит, окажется ли он по свершении сего

предателем отечества или его спасителем; для себя самого он не ставит никаких условий и ничего не просит, а для всего своего народа не требует, но только просит, чтобы в случае удачи римский народ принимал в расчет главным образом то, с каким рвением и с каким риском для себя стремятся они вернуть его дружбу, а не то, какая глупость и безрассудство привели их к забвению долга. Полководец выразил ему свое одобрение и дал три тысячи воинов для захвата той части города, где разместились самниты; военного трибуна Луция Квинкция поставили во главе отряда.

Одновременно с этим и Нимфий всякими уловками добился от самнитского претора позволения проплыть на кораблях вдоль берега к владениям римлян, чтобы, покуда все римское войско находится под Палеполем или в Самнии, разорить не только побережье, но и окрестности самого Города. Чтоб поскорей это исполнить, всех самнитских воинов, кроме самой необходимой стражи, послали на берег. Пока Нимфий тянул время, нарочно путая самыми разноречивыми приказами людей, и без того потерявшихся в ночной толчее, Харилай, которого сообщники, как было условлено, тайно впустили в город, занял с римскими войсками городскую крепость и приказал издать боевой клич; при этом греки, которым их вожаки подали знак, оставались на месте, а ноланцы через противоположную часть города кинулись бежать по дороге, ведущей к Ноле. Когда опасность миновала, то для самнитов, которых загодя выманили из города, легкость бег-

ства только отягчала позор такого спасения. В самом деле, оставив в руках неприятеля все свое добро, они возвратились домой обобранными и нищими на потеху не только соседям, но даже своих земляков.

3) Отмена долговой кабалы

В 326 г. до Р.Х. в Риме был принят чрезвычайно важный закон, запрещавший отдавать должника в кабалу. Поводом к изменению законодательства послужило соединение в одном ростовщике распутности с исключительной жестокостью. Когда Гай Публилий отдал ему себя в рабство за отцовские долги, то молодость юноши и его красота вызвали в хозяине не сострадание, а похоть и желание обесчестить юношу. Поначалу он попытался соблазнить юношу непристойными речами, а потом, видя его презрение к непотребству и глухоту ко всем уговорам, стал угрожать, запугивать, всякий раз поминая о его жалкой доле; наконец поняв, что юноша не столько помнит о теперешней своей участи, сколько о том, что он свободнорожденный, ростовщик приказал раздеть его и высечь. Когда исполосованный розгами юноша вырвался на улицу, обвиняя ростовщика в распутстве и жестокости, на форуме собралась огромная толпа народа, полная горячего участия к молодости жертвы, возмущения низким преступлением, а вместе с тем и тревоги за свою участь и участь своих детей. Оттуда толпа повалила в курию. Когда внезапное

волнение народа заставило консулов созвать сенат, каждому сенатору при входе в курию кидались в ноги и показывали на исполосованную спину юноши.

В тот день, пишет Тит Ливий, гнусное попрание прав одного человека привело к падению оков долговой кабалы и консулы получили приказ вынести на народное собрание закон, разрешающий держать в колодках или оковах вплоть до уплаты долга только тех, кто заслужил наказание за причиненный ущерб, а за взятые в долг деньги отвечает имущество должника, но не его тело. Так освободили от кабалы должников и запретили впредь их кабалить.

4) Начало войны с вестинами и избрание диктатора

В 325 г. до Р.Х. союзниками самнитов выступили вестины – воинственные апеннинские горцы, обитавшие на границе с Пиценом. Консулы Луций Фурий Камилл (исполнявший должность вторично) и Юлий Брут Сцева сделали доклад в сенате о враждебности вестинов. Сенаторы оказались в затруднительном положении: с одной стороны, соседние народы могли увидеть в безнаказанности вестинов попустительство и повод возгордиться, с другой – отомстить вестинам огнем и мечом – означало внушить этим же народам опасения за самих себя и озлобление против римлян. Все эти горцы – марсы, пелигны и марруцины – вместе взятые, по своей во-

енной силе бесспорно равнялись самнитам; и и все они, если задеть вестингов, становились врагами Рима.

Впрочем, сомнения недолго мучили римлян. По воле сената народ приказал начать войну против вестингов. Жребий вести ее выпал Бруту, а Камиллу достался Самний. Войска выступили в поход в обоих направлениях, и необходимость охранять собственные владения помешала врагам объединить свои силы. Случилось, однако, так, что одного из консулов, Луция Фурия, на которого было возложено более тяжелое бремя, судьба освободила от ведения войны: он слег от тяжелого недуга, а когда получил приказ для управления государством назначить диктатора, назначил Луция Папирия Курсора, который всех тогда далеко превосходил военной славой, а тот взял начальником конницы Квинта Фабия Максима Руллиана.

В вестинских краях второй консул испробовал разные способы ведения войны и все с одинаковым успехом. В самом деле, земли врагов он опустошил, а разорив и спалив их дома и посевы, тем самым заставил их волей-неволей выйти в открытый бой и в одном сражении настолько подорвал силы вестингов (впрочем, и его бойцам победа досталась отнюдь не бескровно), что враги бежали даже не в лагерь, а, не полагаясь уже ни на вал, ни на ров, рассеялись по городам в надежде на защиту стен и крепостей.

Наконец консул взялся за приступ городов, и, поскольку воины горели жадной мести за свои раны – ведь из них едва

ли хоть один вышел невредимым из боя, — он захватил с помощью лестниц сначала Кутину, а потом Цингилию. В том и другом городе добыча была отдана воинам; их ведь не остановили ни ворота, ни стены вражеского города.

5) Неповиновение Фабия и суровость Папирия

Вскоре диктатор Папирий должен был отправиться в Рим для повторных птицегаданий. Уезжая, он объявил начальнику конницы указ оставаться на месте и не вступать в схватку с врагом в его отсутствие. Но после отъезда диктатора Квинт Фабий узнал через лазутчиков, что у врагов царит такая беспечность, будто ни единого римлянина нет в Самнии. Дерзкий юноша тотчас приготовил войско, выстроил боевые порядки и, двинувшись на Имбриний, завязал бой с самнитами. Сражение было столь успешным, что сам диктатор, окажись он тут, не смог бы дать лучшего: вождь не обманул ожиданий воинства, а воинство — надежд вождя. Как рассказывают, в этот день было убито двадцать тысяч вражеских воинов.

Когда весть о победе достигла Рима, диктатор, несмотря на общее ликование, явно выказал свой гнев и недовольство. Папирий распустил сенат и бросился вон из курии, выкрикивая, что если начальнику конницы сойдет с рук презрение к высшей власти, то вместе с ратями самнитов он опрокинет

и растопчет власть диктатора и воинский долг. Грозный и разгневанный, он двинулся в лагерь и, хотя шел очень быстро большими переходами, не мог опередить слухов о своем приближении: из Города примчались с известием, что диктатор, горя жаждой мести, приближается и чуть не через слово превозносит поступок Манлия.

Фабий тотчас собрал сходку и заклинал воинов защитить того, под чьим началом они одержали победу. Все собравшиеся закричали, чтоб он не падал духом: покуда целы римские легионы, он может не бояться насилия.

Вскоре после этого прибыл диктатор, и тут же протрубили общий сбор. Добившись тишины, глашатай вызвал начальника конницы Квинта Фабия. Едва тот подошел к подножию трибунала, как диктатор воскликнул: «Я спрашиваю тебя, Квинт Фабий: если власть диктатора – высшая власть и ей покорны консулы, у коих царские полномочия, и преторы, избранные при одних с консулами ауспициях, то признаешь ты справедливым или нет, чтобы словам диктатора внимал начальник конницы? Что ж ты не отвечаешь? Или я не запретил тебе предпринимать что бы то ни было в мое отсутствие? Не запретил сражаться с неприятелем? А ты, поправ мою власть, при недостоверных гаданиях, при неясности в знамениях имел дерзость, вопреки воинскому обычаю, вопреки долгу ратному, завещанному нам от предков, вопреки воле богов, сразиться с врагом! Отвечай же на мои вопросы и берегись сказать хоть слово сверх этого! Ликтор, подой-

ди сюда». На иные из вопросов ответить было не просто, и Фабий то восставал против того, что в деле о жизни и смерти один и тот же человек и обвинитель его, и судья, то принимался кричать, что скорей можно лишить его жизни, чем славы подвигов.

Придя в ярость, диктатор отдал приказ сорвать одежды с начальника конницы и приготовить розги и топоры. Ликторы уже срывали с Фабия одежды, когда он, взывая к верности воинов, скрылся среди триариев, стоявших на сходке в задних рядах, а там уже нарастало возмущение. Крики распространились по всему собранию: кое-где слышались мольбы, а кое-где и угрозы. Неспокойно было даже на трибунале: легаты, окружавшие кресло диктатора, просили его отложить дело до завтра, чтобы дать утихнуть гневу и самим обдумать все не спеша. Но этими речами легаты скорее восстановили диктатора против себя, нежели примирили его с начальником конницы: им было приказано сойти с трибунала. Пока через глашатая диктатор тщился добиться тишины, наступила ночь и положила конец противоборству.

Начальнику конницы было приказано явиться на другой день, но все твердили, что назавтра Папирий, задетый и ожесточенный самим сопротивлением, распалится пуще прежнего, и Фабий тайком бежал из лагеря в Рим. По совету отца, Марка Фабия, уже трижды бывшего консулом, а также диктатором, он немедленно созвал сенат. Начальник конницы еще не успел закончить своего выступления, когда перед

курием вдруг послышался шум: это ликторы прокладывали дорогу диктатору. Узнав о бегстве Фабия из лагеря, он тотчас пустился с легкой конницей в погоню. Вновь начался спор, и Папирий приказал схватить Фабия. Он неумолимо стоял на своем, невзирая на мольбы первых из граждан и всего сената в целом. Тогда отец юноши, Марк Фабий, сказал: «Раз уж ни воля сената, ни мои преклонные годы, коим ты готовишь сиротство, ни доблесть и знатность начальника конницы, которого ты сам себе выбрал, равным счетом ничего для тебя не значат, как не значат и мольбы, не раз трогавшие сердца неприятелей и смягчавшие гнев богов, то я обращаюсь к народным трибунам, я взываю к народу, и раз ты отвергаешь суд своего войска, своего сената, то ему я предлагаю быть твоим судьей, ему, единственному, кто имеет, наверное, больше власти и силы, чем твоя диктатура».

Из курии пошли в народное собрание. Поначалу слышались не столько связные речи, сколько отдельные выкрики; наконец шум был перекрыт негодующим голосом старого Фабия: он порицал Папирия за надменность и жестокость. На его стороне было влияние сената, расположение народа, поддержка трибунов, память о войске в лагере; другая сторона толковала о неколебимости высшей власти римского народа, о долге воина, указе диктатора, перед которым благоговеют, как перед божественной волей, о Манлиевом праведии, о том, как польза государства была им поставлена выше отцовской привязанности.

Однако красноречие диктатора не произвело впечатления на сограждан. Фабия спасло единодушие римского народа, принявшего молить и заклинать диктатора в угоду ему освободить начальника конницы от казни. Трибуны тоже присоединились к мольбам, настойчиво прося у диктатора снизойти к заблуждениям, свойственным человеку, и к молодости Квинта Фабия.

Наконец диктатор сказал: «Будь по вашему, квириды. Не снята вина с Квинта Фабия за то, что вел войну вопреки запрету полководца, но я уступаю его, осужденного за это, римскому народу и трибунской власти. Так что мольбами, а не по закону вам удалось оказать ему помощь».

Поставив Луция Папирия Красса во главе Города и запретив начальнику конницы, Квинту Фабию, делать что-либо по его должности, диктатор возвратился в лагерь. Появление его не слишком обрадовало сограждан и ничуть не устрасило врагов. Уже на другой день неприятель, подойдя к римскому лагерю, выстроился в боевом порядке. Если б воины сочувствовали замыслам вождя, в этот самый день можно было наверняка покончить с войною против самнитов: так умело построил Папирий ряды, так удачно выбрал место и расставил подкрепление, настолько приумножил силы войска всякими военными хитростями; однако воины были нерадивы и, чтобы умалить заслуги своего предводителя, нарочно не спешили одерживать победу. Папирий понял, что ему надо смирить себя и к суровости подмешать ласку.

Собрав легатов, он сам обошел раненых воинов и, заглядывая в шатры, каждого в отдельности спрашивал о здоровье и поименно поручал воинов заботам легатов, трибунов и префектов. Таким образом Папирий вернул расположение народа.

Восстановив силы войска, диктатор вновь вступил в бой с неприятелем, причем и он сам, и воины твердо верили в победу. И такой был разгром, такое повальное бегство самнитов, что день тот стал для них последним днем сражений с диктатором. Измученные бедствиями, они отправили в Рим послов для мирных переговоров. Но заключение мира не состоялось из-за споров о его условиях. Самниты ушли из Города, заключив на год перемирие.

6) Победа Авла Корнелия Арвина

В консульство Квинта Фабия и Луция Фульвия (322 г. до Р.Х.) из-за опасений, что война в Самнии окажется кровопролитной, римляне провозгласили диктатором Авла Корнелия Арвина, а тот поставил начальником конницы Марка Фабия Амбуста. Произведя со всею строгостью набор, они двинулись в Самний.

Когда началось сражение, самниты долгое время бились с римлянами на равных. От третьего часа до восьмого противоборствующие стороны были столь равносильны, что знамена не двинулись с места ни вперед, ни назад и ни одна сто-

рона не отступила. Вросши в землю и напирая щитом, каждый дрался на своем месте без передышки и не оглядываясь по сторонам. Силы воинов были уже на исходе, но тут самнитские конники, узнали, что римский обоз стоит далеко от вооруженных воинов без охраны и вне укреплений. Взяв добычи, они бросились его грабить. Призвав начальника конницы, диктатор сказал: «Ты видишь, Марк Фабий, что вражеская конница оставила поле боя. Теперь наш обоз стал их обузой. Ударь на них, пока, подобно всем ордам, занятым грабежом, они рассыпаны повсюду в беспорядке».

Отлично построенная римская конница стремительно напала на рассеявшихся и обремененных грузом врагов и все кругом покрыла их трупам. Затем Марк Фабий развернул свои алы и с тыла напал на строй пехотинцев. Самниты не могли долго противостоять ужасу, который наводила конница, и натиску пехоты; пехотинцы перебили сопротивлявшихся в окружении, а конница устроила избиение беглецов, в числе которых пал и сам их полководец.

Это сражение нанесло самнитам такой удар, что на всех своих собраниях они начали шуметь – мол, ничего удивительного, что не добились успеха в этой нечестивой, начатой вопреки договору войне. Постановили отправить в Рим всю награбленную добычу и пленных. Однако, кроме пленных и того добра, что римляне признали своим, те ничего не приняли. Прежний договор их уже не устраивал. Сенат хотел заключить с самнитами договор на более жестких условиях.

(Ливий; VIII; 22–40).

7) Кавдинская катастрофа

В 321 г. до Р. Х. консулами во второй раз были избраны Тит Ветурий Кальвин и Спурий Постумий. Военачальником у самнитов в тот год был Гай Понтий, известный своей воинской доблестью и военным искусством. Когда посланные от самнитов для возмещения причиненного римлянам ущерба возвратились, так и не добившись мира, Понтий сказал: «Не думайте, будто посольство было напрасным: гнев небес пал на нас за нарушение договора – теперь мы от этой вины очистились. Война, самниты, праведна для тех, для кого неизбежна...»

Понтий двинулся с войском в поход и, соблюдая строжайшую тайну, разбил лагерь у Кавдия. Отсюда он послал в Калатию, где, по слухам, уже стояли лагерем римские консулы, десять воинов, переодетых пастухами, приказав им пасти скот подальше друг от друга, но поближе к римским заставам. Повстречавшись с грабящими округу римскими воинами, они должны были говорить им одно и тоже: дескать, самнитские легионы в Апулии, осаждают там всем воинством Луцерию и со дня на день возьмут ее приступом. Было ясно, что римляне окажут помощь жителям Луцерии, своим добрым и верным союзникам, стремясь вместе с тем предотвратить в столь опасных условиях отпадение всей Апулии.

Так оно и случилось. Консулы раздумывали только о том, какой выбрать путь, так как к Луцерии вели две дороги. Одна, широкая и открытая, шла по берегу Адриатического моря – путь этот был более безопасным, но и более далеким; другая дорога, покороче, вела через Кавдинское ущелье. Когда, избрав второй путь, римляне углубились в ущелье, то наткнулись там на завал из деревьев и нагроможденных друг на друга огромных камней. Стало ясно, что это вражеская хитрость, и тут же поверху над ущельем замелькали неприятельские отряды. Римляне поспешно развернулись и стали отступать по той дороге, по которой пришли, но она так же оказалась прегражденной завалами и вооруженными людьми. Вся римская армия оказалась пойманной в ловушку, откуда не было выхода.

Вскоре в лагере начала ощущаться нехватка продовольствия, и римлянам волей-неволей пришлось отправить послов просить сперва мира на равных условиях, а не добившись мира, вызывать на бой. На это Понтий отвечал, что война уже завершена, а раз римляне, даже потерпев поражение и попав в плен, не способны смириться со своею участью, то он прогонит их под ярмом – раздетых и безоружных; в остальном же условия мира будут равными для побежденных и победителей: если римляне уйдут из владений самнитов и уведут обратно своих поселенцев, то оба народа будут впредь подчиняться лишь собственным законам и жить как равноправные союзники; вот на таких условиях он-де готов

заключить договор с консулами, а если в них что-то им не по нраву, то послов пусть больше не присылают.

Консулы отправились к Понтию для переговоров, но когда победитель завел речь о договоре, они отвечали, что без веления народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов. Кавдинский мир был скреплен не договором, а только клятвенным поручительством. Клятвенное обещание дали консулы, легаты, трибуны и квесторы. И еще потребовалось шестьсот всадников в заложники, которые должны были поплатиться головой за нарушение обещаний.

После заключения договора римлянам приказали безоружными и раздетыми выйти за вал. В первую очередь были выданы и взяты под стражу заложники; потом ликторам приказали покинуть консулов и с консулов сорвали их облачение. Тита Ветурия Кальвина и Спурия Постумия, чуть не нагих, первыми прогнали под ярмом, затем тому же бесчестию подвергся каждый военачальник в порядке старшинства и, наконец, один за другим все легионы. Вокруг, осыпая римлян бранью и насмешками, стояли вооруженные враги и даже замахивались то и дело мечами, а если кто не выражал своим видом должной униженности, то оскорбленные победители наносили им удары и убивали.

Весть о бесславном поражении вскоре достигла Рима. Сперва пришло известие об окружении, потом о позорном мире, принеся горя еще больше, чем слух об опасности. Узнав об окружении, начали было производить набор, но по-

том, услышав о столь постыдной сдаче, оставили все хлопоты о подкрепление и тотчас, без всякого почина со стороны властей, все, как один, стали соблюдать траур.

Спустя несколько дней стали прибывать отпущенные самнитами воины. Стыдясь своего позора, они проходили в город по ночам. Консулы по возвращении заперлись в своих домах и не исполняли никаких обязанностей. Интеррексами были назначены Квинт Фабий Максим и Марк Валерий Корв. В правление последнего новыми консулами избрали Квинта Публилия Филона в третий раз и Луция Папирия Курсора во второй.

Консулы вступили в должность в самый день избрания и доложили сенату о Кавдинском мире. Когда началось обсуждение, Спурий Постумий заявил, что во время переговоров с победителями они с Титом Ветурием связали себя поручительством, постыдным ли или, быть может, неизбежным, но в любом случае не обязательным для римского народа, коль скоро на то не было его воли. А раз так, то договор этот и не требует от римского народа ничего, кроме выдачи их самнитами. «Прикажите же фециалам выдать нас нагими и в оковах! – сказал Спурий Постумий. – Если и впрямь мы хоть как-то связали народ обязательством, пусть мы же и освободим его от страха перед богами, чтобы ни божеское, ни человеческое – ничто уже не стояло на пути новой войны, законной и благочестивой после нашей выдачи».

Все одобрили Спурия Постумия и согласились с ним. Се-

нат принял постановление, что все поручители мира должны быть переданы фециалам для отправки в Кавдий. Самниты вольны поступать с ними так, как посчитают нужным. Что до остальных граждан, то они свободны от обязательств и не должны исполнять договора, заключенного без их согласия.

Римляне пылали таким гневом и ненавистью, что когда был объявлен набор, войско составили почти из одних добровольцев. Из прежних ратников вторично составили новые легионы, и армия двинулась к Кавдию. Шедшие впереди фециалы, подойдя к городским воротам, приказали совлечь с поручителей мира одежды и связать им руки за спиной. Затем они вошли в собрание самнитов, приблизились к трибуналу Понтия, и Авл Корнелий Арвина, фециал, произнес такие слова: «Поелику эти люди без веления римского народа квиритов поручились перед вами за договор о союзе и тем самым поступили незаконно, я, освобождая народ римский от нечестия, выдаю вам этих людей».

На это Понтий отвечал: «Я не приму такой выдачи, и самниты ее не признают. Я не препятствую этим людям возвращаться к своим согражданам, которые по-прежнему связаны данным нам за них ручательством и которые прогневали, смеясь над волей богов, сами небеса! Не держу никого, пусть уходят, когда пожелают». И пленники, вопреки ожиданиям, возвратились невредимы из-под Кавдия в римский лагерь, освободив себя и государство от клятвенных обещаний. Самниты же вместо почетного мира вновь получили на

руки кровопролитную войну.

8) Победа римлян под Луцерией

Консулы разделили меж собою военные области: Папирий поспешил в Апулию к Луцерии, где томились римские всадники, взятые под Кавдием в заложники, а Публилий стал в Самнии против Кавдинских легионов. Это привело самнитов в замешательство: к Луцерии они идти не решались, опасаясь врагов с тыла, но и на месте не могли оставаться, боясь лишиться тем временем Луцерии. Наконец они сочли за лучшее во всем довериться судьбе и дать бой Публилию.

Едва был дан знак к бою, римляне, обнажив мечи, бегом кинулись на неприятеля. И не было здесь надобности в военном искусстве с его умением располагать ряды и резервы, пишет Тит Ливий, все здесь сделала ярость воинов, бросившихся вперед, как одержимые. Враг был рассеян. Даже в собственном лагере самниты не посмели закрепиться и врассыпную бежали в Апулию. Впрочем, к Луцерии они прибыли, снова собравшись под свои знамена.

Другое войско, с консулом Папирием, продвинулось по побережью до Арп, нигде не встречая враждебности. Причиной тому была ненависть местных жителей к самнитам, которые постоянно разоряли их набегами из своих горных селений. Между тем, оставаясь эта область верна самнитам, римское войско либо не добралось бы до Арп, либо, отре-

занное от подвоза продовольствия, погибло бы по дороге без пропитания. Но и так, когда они вышли к Луцерии, голод стал одинаковым мучением для осажденных и осаждавших.

Приход Публилия с победоносным войском до крайности стеснил противника. Самниты, не надеясь, что осажденные смогут и дальше терпеть голод, принуждены были стянуть отовсюду свои силы и выйти против римлян. В то время, когда обе стороны готовились к битве, в дело вмешались тарентинские послы, предлагая и самнитам и римлянам прекратить войну. Выслушав послов, Папирий, вняв для вида их речам, отвечал, что посоветуется с товарищем. Однако сам использовал все время для приготовлений к сражению. Самниты, напротив, оставили всякие военные приготовления, так как надеялись на заключение мира.

Римляне неожиданно подошли к вражескому лагерю и бросились разом со всех сторон на его укрепления. Одни засыпали ров, другие выдергивали частокол. Объятые яростью, легионеры убивали без разбора тех, кто дрался, и тех, кто бежал, безоружных и вооруженных, рабов и свободных, взрослых и малолеток, людей и скот.

После одержанной победы консул Публилий отправился с войском, чтобы обойти Апулию. За один поход он много народов покорил силою или принял в союзники. Папирий остался для осады Луцерии и вскоре довел ее до благополучного конца. Когда все пути для подвоза продовольствия из Самния оказались перекрыты, голод вынудил самнитский

отряд, охранявший Луцерию, отправить к римскому консулу послов с предложением получить назад всадников, бывших причиной войны, и снять осаду. Папирий потребовал, чтобы самниты оставили в городе все оружие и вышли за стены в одних туниках. Всех их с позором прогнали под ярмом, а потом отпустили.

В Луцерии была захвачена огромная добыча, причем римляне получили назад все знамена, и все оружие, отнятое под Кавдием. Но самой большой радостью было то, что они вернули домой всех всадников, которые как заложники мира были отданы самнитами под стражу в Луцерию.

9) Цепь самнитских поражений

В 317 г. до Р. Х. в Рим, добиваясь возобновления договоров, прибыли послы многих самнитских племен. Однако их мольбы о мире не встретили у римского народа сочувствия. Самниты добились только перемирия на два года.

В 315 г. до Р.Х. диктатор Луций Эмилий начал осаду Сатиккулы. Большое самнитское войско атаковало римский лагерь. В разгар сражения осажденные неожиданно распахнули ворота и бросились толпою на римские дозоры. Диктатор, развернув войска для круговой обороны, занял такое место, где его было трудно окружить. Более яростный удар он нанес по сделавшим вылазку и загнал их обратно в город. Развернув потом против самнитов все свое войско, Эмилий одер-

жал над ними хотя и нескорую, но верную и полную победу. Ночью самниты бежали в свой лагерь и, затушив огни, потихоньку ушли всем войском, оставив надежду спасти Сатикулу.

В 314 г. до Р. Х. ведение войны перешло к диктатору Квинту Фабию, который и довел до победного конца осаду Сатикулы. Военные действия были перенесены на новое место, и легионы из Самния и Апулии отправили под Сору. Стало известно, что местные жители, перебив римских поселенцев, перешла на сторону самнитов. В 313 г. до Р.Х. консулы Марк Петелий и Гай Сульпиций подступили к мятежному городу. Расположенный в неприступном месте, он казался неприступным. Но тут на помощь осаждающим пришел один перебежчик. Взяв десяток отборных ратников, повел их за собою в крепость по крутым и почти непроходимым тропам. Утром весть о захвате крепости породила страшную панику. Повсюду началось бегство. Горожане в страхе стали разбивать ворота. В одни из таких ворот ворвался отряд римлян. Таким образом Сора была взята. После следствия 225 человек, виновных в избиении римских колонистов, были отведены в Рим и там обезглавлены.

Потом стало известно о большом антиримском заговоре в Капуе. В ожидании отпадения Кампании, большое самнитское войско укрепились рядом с Кавдием. Консулы двинули против него свои легионы. Сульпиций стал на правом, Петелий – на левом крыле. Когда началось сражение, Пете-

лия сразу же выпустить в первый ряд вспомогательные когорты, которые обычно держали свежими на случай затянувшегося сражения: собрав вместе все свои силы, он при первом же ударе потеснил неприятеля. На помощь расстроенным рядам пехоты в бой поспешила самнитская конница. Когда она мчалась между войсками противников, против нее вскачь понеслась римская конница и смешала знамена и ряды пеших и конных, пока наконец на этом крыле враг не был смят окончательно. Потом уже вдоль всего строя римляне стали одерживать верх, убивать и брать в плен переставших сопротивляться самнитов. Убито или взято в плен было около тридцати тысяч врагов.

10) Война с этрусками

Война с самнитами была почти завершена, но не успели еще римские сенаторы сбросить с себя это бремя, как прошел слух о войне с этрусками. За исключением галльских орд, не было в ту пору народа, чье нападение при такой близости владений и такой многочисленности населения было бы для Рима большей угрозой.

В виду сложившийся ситуации консулы 311 г. до Р. Х. Гай Юний Бубульк и Квинт Эмилий Барбула разделили между собой военные области: Юнию по жребию досталось воевать против самнитов, Эмилию – начать войну в Этрурии. Консул поспешил к Сутрию, который уже был осажден большим

войском этрусков. Увидев их вооруженными и готовыми к бою, Эмилий приказал вынести за вал знамена и выстроил войска неподалеку от неприятеля. Этруски издали крик и под звуки труб двинули вперед свои знамена; не заставили себя ждать и римляне. Битва шла с переменным успехом, многие пали с обеих сторон, и все – самые храбрые, и тогда лишь решился исход сражения, когда измотанные передовые отряды были заменены свежими силами второго ряда римского войска. Этруски же, у которых передовые воины не были поддержаны свежими подкреплениями, все полегли перед знаменами и вокруг. После этого под Сутрием в тот год не произошло ничего примечательного, потому что во вражеском войске за одну битву были уничтожены все передовые части и остались только вспомогательные силы, едва способные охранять лагерь; но и у римлян раненых было столько, что от ран уже после боя скончалось больше, чем пало на поле брани.

В следующем 310 г. до Р.Х. консулами были выбраны Квинт Фабий (вторично) и Гай Марций Рутул. Фабий двинул свои войска под Сутрий, который был вновь осажден этрусками. Враги целиком полагались на свою многочисленность и так поспешно и так жадно кинулись в бой, что выпустили все свои дротики, чтоб поскорее начать рукопашную. Римляне, напротив, метали то стрелы, то камни, которыми их в изобилии снабжала сама местность. И вышло так, что удары по щитам и шлемам привели в замешательство даже тех

этрусков, кто не был ранен. Подойти для ближнего боя оказалось не так просто, а для дальнего не осталось метательных орудий, и этруски остановились, открытые ударам, потому что их толком ничто не защищало. Тогда на колеблющийся и пошатнувшийся строй, обнажив мечи, ринулись гастаты и принципы римлян. Этот натиск этруски сдержать не могли и, повернув знамена, врассыпную бросились к лагерю. Но когда римская конница наискосок пересекла равнину и оказалась на пути беглецов, они отказались от лагеря и кинулись в горы. Оттуда почти безоружная толпа, изнемогая от ран, добралась до Циминийского леса, а римляне, перебив много тысяч этрусков и захватив тридцать восемь боевых знамен, завладели еще и вражеским лагерем с богатой добычей. Потом стали думать и о преследовании врага.

Консул вывел свои легионы на гребень Циминийского хребта, откуда были видны богатые поля Этрурии. Навстречу ему вышли наскоро собранные отряды этруских крестьян, только что созванных старейшинами этой области. Порядка в их было мало. Римляне легко перебили это новое войско, а потом опустошили всю округу и возвратились в лагерь обладателями несметных богатств.

Вместо того чтобы положить конец войне, этот поход Фабия распространил ее вширь. Из области у подножия Циминийского хребта, испытавшей на себе опустошительные набеги, возмущение охватило не только этруские племена, но и соседних умбров. К Сутрию явилась небывало много-

численная рать, и не только лагерь был выдвинут из лесу вперед, но и само войско, горя жаждой скорейшего боя, спустилось на равнину. Сначала этруски стояли строем на своих местах, оставив перед собою место для боевых порядков неприятеля; потом, видя, что римляне медлят начинать битву, подошли к их валу. Из лагеря были принесены съестные припасы. Подкрепившись, этруски остались в поле при оружии, рассчитывая, что на рассвете наверняка ворвутся во вражеский лагерь.

Однако в действительности произошло противоположное. Около времени четвертой стражи Фабий тихо поднял своих воинов для битвы. Обозным раздали мотыги, чтобы срывать вал и засыпать ров. Боевой порядок был выстроен внутри укреплений. По знаку, данному перед самым рассветом, воины, опрокинув частокол, выскочили из-за укреплений и напали на врагов, лежащих кругом на земле. Одних гибель настигла во сне, других полусонными на их ложе, а большинство – когда они шарили в поисках оружия; мало у кого было время вооружиться, но и те, кто успел, остались без знамен и вождей. Они бежали врассыпную, кто к лагерю, кто в леса. Более надежным убежищем оказался лес, так как лагерь, расположенный на равнине, был захвачен в тот же день.

11) Победа Папирия Курсора в Самнии

Услышав о выступлении этрусков, самниты в надежде разбить Гая Марция, поспешно набрали и вооружили войско. Консул вышел им навстречу. Обе стороны дрались жестоко, и исход сражения не был ясен, но, несмотря на примерно равные потери, поражение молва приписала все же римлянам, так как они потеряли нескольких всадников и военных трибунов, а также одного легата и – что особенно важно – был ранен сам консул.

Встревоженные этими известиями, сенаторы постановили назначить диктатора. Всем было совершенно ясно, что им в очередной раз станет Папирий Курсор, считавшегося в то время непревзойденным в ратном деле. Однако нельзя было рассчитывать ни на то, что вестник невредимым проберется сквозь вражеское окружение до Самния, ни на то, что консул Марций жив. А у другого консула, Фабия, была с Папирием личная вражда. Чтобы эта неприязнь не помешала общему благу, сенат решил отправить к Фабию посланцев из числа бывших консулов. Действуя не только от имени государства, но и собственным влиянием, они должны были склонить Фабия ради отечества забыть все счеты. Когда посланцы передали консулу постановления сената и сопроводили это соответствующими поручению увещеваниями, консул, не поднимая глаз и не говоря ни слова, удалился, оставив

посланцев в неизвестности насчет своих намерений. Потом, в ночной тишине, как велит обычай, он объявил Луция Папирия диктатором. Хотя посланные благодарили его за блистательную победу над собою, он хранил упорное молчание и отпустил их, не сказав в ответ ни слова о своем поступке. Видно было, сколь тяжкую муку превозмогал его великий дух.

Между тем Папирий, вступив в должность, объявил начальником конницы Гая Юния Бубулька. Явившись в Самний, он принял от Марция старое войско и стал готовиться к битве (309 г. до Р.Х.). Сам он стал на правом крыле, а на левом поставил вождем начальника конницы. Враги с самого начала схватки дрались упорно, но диктатор с начальником конницы не менее рьяно состязались в том, чтоб на своем крыле возвестить начало победе. Случилось так, что Юний первым потеснил врагов: своим левым крылом – их правый. Увидев это диктатор воскликнул: «Неужто с левого крыла придет к нам победа? Неужто на правом воины диктатора станут плестись в хвосте чужого натиска вместо того, чтобы своими руками вырвать у врага победу?!» Этими речами он вдохнул силы в воинов. Конница с двух сторон окружила войско и римские легионы, к ужасу врагов, снова издали боевой клич и ринулись вперед. Не выдержав натиска, самниты обратились в бегство. Поле стало покрываться горами тел и великолепным оружием, а перепуганные самниты поначалу укрылись в своем лагере, но потом не удержали и его, и до

наступления ночи он был взят, разграблен и спален огнем.

12) Победы Квинта Фабия над умбрами и самнитами

В тот же год консул Фабий одержал несомненную и легкую победу над остатками этрусского войска возле Перузии. Он захватил бы штурмом и самый город, но навстречу ему вышли посланцы жителей, чтобы сдать город победителю. Поставив в Перузии отряд охраны и отправив впереди себя этрусских послов с просьбой к римскому сенату о мире, консул, торжествуя победу, с триумфом вступил в Город.

За славное покорение Этрурии Квинт Фабий в 308 г. до Р.Х. был в третий раз избран консулом. Товарищем его стал Публий Деций. Последнему досталась по жребию этрусская война. Взяв приступом несколько крепостей вольсинийцев, Деций прошёл войною по всем вражеским землям и внушил такой страх, что все этрусское племя молило консула о союзном договоре. Этого, впрочем, они не добились, но перемирие на год было им даровано. От неприятеля потребовали годовое жалованье для римского войска и по паре туник на каждого воина: это и была плата за перемирие.

Спокойствие, воцарившееся было в Этрурии, нарушила неожиданная измена умбров. Этот народ не испытал на себе связанных с войной бедствий, если не считать того, что по их полям проходили войска. Призвав к оружию всю свою моло-

дежь и склонив к восстанию значительную часть этрусков, они собрали рать столь несметную, что похвалялись пойти осаждать Рим, оставив в Этрурии у себя за спиной Деция с его войском.

В Риме не сочли угрозу новой войны безделицей. К консулу Фабию в Самний отправили послов и велели ему при затишье в войне с самнитами спешно вести легионы в Умбрию. Консул повиновался и большими переходами добрался до Мевании, где в это время сосредоточились силы умбров. Враги, казалось, были настроены очень решительно и напали на Фабия, когда тот обносил лагерь валом. Видя, как умбры беспорядочно кидаются на укрепления, консул отозвал воинов от работ и построил их, насколько это было возможно в таких обстоятельствах и таком месте. Но едва римляне двинулись в бой, умбры совершенно лишились мужества и тотчас обратились в бегство. Если где и схватывались в противоборстве, то дрались больше щитами, чем мечами. В плен было взято больше, чем убито, и над полем битвы разносился один-единственный приказ: сложить оружие! Так в ходе самого боя сдались главные зачинщики войны, а назавтра и в следующие дни сдались и остальные племена умбров.

Победив в войне, возложенной по жребию на другого, Фабий возвратился в свой Самний. И как народ в предыдущем году за столь успешное ведение дел продлил его консульство, так теперь и сенат оставил за ним на следующий [307 г. до Р.Х.] год высшую военную власть при консулах

Аппии Клавдии и Луции Волумнии.

Уже в качестве проконсула Квинт Фабий под городом Аллифами дал сражение войску самнитов. Враг бежал и был загнан в лагерь. Еще до наступления темноты самнитский лагерь окружили и, чтоб никто не мог улизнуть, на ночь поставили стражей. На другой день, едва рассвело, началась сдача. Было поставлено условие, чтобы сдавшиеся самниты вышли из лагеря в одних туниках, и всех их прогнали под ярмом. Для союзников самнитов никаких условий не было, и около семи тысяч вражеских солдат было продано в рабство.

13) Завершение войны

Но едва Фабий ушел из Самния, там начались новые волнения. Были захвачены Калация и Сора вместе со стоявшими там для охраны римскими воинами. Взятые в плен, они подверглись жестоким истязаниям.

Против восставших двинулся консул 306 г. до Р.Х. Публий Корнелий Арвил. Несмотря на превосходство в силе, он оказался в затруднении из-за неудачного места. Противник перерезал все дороги и захватил проходы в лесных чащах, чтобы сделать невозможным подвоз продовольствия; и вместе с тем консулу не удавалось вызвать врага на бой, хотя каждый день он выстраивал воинов в боевом порядке. Было совершенно ясно, что самниты не выдержат сражения, а римляне – затягивания войны. Однако вскоре стало извест-

но, что на помощь Корнелию Арвилу движется его товарищ по консульству Квинт Марций Тремул. Это лишало самнитов возможности и дальше откладывать битву. Они хорошо знали, что не могут противостоять даже одному римскому войску, и понимали, что допусти они соединение двух войск, им придется оставить всякую надежду на победу. Поэтому они сами напали на Марция, приближающегося с войском, построенным в походном порядке. Римляне быстро сложили поклажу в середину и, насколько это возможно в такой спешке, построились в боевом порядке. Сперва крик, донесшийся до стана, затем показавшееся вдали облако пыли всколыхнули лагерь второго консула; немедленно отдав приказ браться за оружие, Корнелий тотчас вывел из лагеря построенное для боя войско и сбоку напал на неприятеля, занятого другою битвой. Он кричал воинам, что нет ничего позорней, как, не добившись чести победы в собственной войне, дать другому войску завладеть уже второй победой. Разорвав строй там, где ударил на него, консул прорубился сквозь тесные ряды врагов, устремился в оставленный без защитников неприятельский лагерь, захватил его и поджег. Когда это пламя увидели воины Марция, а потом, оглянувшись, и их противники, повсеместно началось бегство самнитов. Но отовсюду грозила им гибель, и негде было искать спасения и убежища.

В 305 г. до Р. Х. самниты совершали набеги на Сателлатское Поле в кампанских владениях, и потому оба консула —

Публий Корнелий Луций Постумий и Тиберий Минуций – были посланы в Самний, но в разные стороны: Постумий на Тиферн, а Минуций на Бовиан. Первым сражение дал Постумий под Тиферном, но не смог добиться победы. Прикинувшись уstraшенным, консул потихоньку увел свои легионы в горы. Враг последовал за ним и в двух милях от римских укреплений тоже разбил лагерь. Постумий приказал возвести кругом лагеря укрепление, снабдил его запасами всего, что нужно, и, оставив сильную охрану, в третью стражу налегке повел легионы кратчайшим путем к сотоварищу, который тоже стоял лагерем перед неприятельским войском. Там по подсказке Постумия Минуций начал бой с противником, и, когда уже большую часть дня с переменным успехом шла битва, на утомленное вражеское войско внезапно напал Постумий с его свежими легионами. Враги, у которых от ран и усталости и бежать-то не было сил, все были перебиты. Захватив двадцать одно знамя, римляне поспешили оттуда к лагерю Постумия. Там два победоносных войска напали на врага, уже смущенного вестью о поражении, разбили его и обратили в бегство; захватили двадцать шесть знамен, самнитского военачальника Статия Геллия вкупе еще со многими и оба вражеских лагеря. На другой день начали осаду города Бовиана, и вскоре он тоже оказался в руках римлян, а консулы за свои подвиги с великой славою отпраздновали триумф.

В этом году у самнитов отбили Сору, Арпин и Цезеннию.

При консулах Публии Сульпиции Саверрионе и Публии Семпронионе Софе [304 г. до Р. Х.] самниты отправили в Рим для переговоров о мире своих послов, чтобы добиваться то ли конца войне, то ли ее отсрочки. На их униженные просьбы был дан ответ: если бы самниты не просили так часто мира, готовясь тем временем к войне, можно было бы вести подобные переговоры; но, коль скоро до сих пор слова оставались без последствий, приходится верить только делам. Скоро консул Публий Семпроний будет с войском в Самнии, и его не обманешь, к войне или к миру склонны самниты; выяснив все, он обо всем доложит сенату, и, когда он двинется из Самния обратно, послы пусть идут за ним следом. В тот год на пути через Самний римские легионы встретили лишь мирных жителей, охотно снабжавших их продовольствием, так что старинный договор с самнитами все-таки возобновили. (Ливий; IX; 1- 45).

Третья Самнитская война

1) Диктатура Марка Валерия Максима

В 301 г. до Р.Х. в Рим пришло известие, что восстала Этрурия, возбужденная мятежом арретинцев. В то же самое время марсы силой встали за свою землю, куда римляне вывели поселение Карсеолы с четырьмя тысячами поселенцев. Ввиду таких смут Марк Валерий Максим был назначен

диктатором, а в начальники конницы он избрал себе Марка Эмилия Павла.

Отправившись с войском в поход, диктатор за одно сражение разгромил марсов; потом, загнав их в укрепленные города, всего за несколько дней захватил Милионию, Плестину, Фресилию и, отняв у марсов часть их владений, возобновил с ними договор. После того пошли войной на этрусков; и тут когда диктатор направился в Рим для повторных птицегаданий, начальник конницы, выйдя из лагеря на поиски продовольствия, вдруг оказался окружен скрывшимся в засаде неприятелем. Потеряв несколько знамен, среди позорной резни и бегства он был загнан обратно в лагерь.

Диктатор, призвав к присяге всю молодежь, срочно отправился к войску и против ожидания нашел там спокойствие и порядок, водворенные стараниями начальника конницы: лагерь был перенесен в более безопасное место, когорты, лишившиеся знамен, оставлены за валом без шатров, а войско жаждало боя, чтоб скорее смыть позор. Так что диктатор тут же перенес лагерь в окрестности Рузеллы. Следом туда же двинулся и неприятель.

Когда основные силы римлян укрылись в укрепленном лагере, этруски, улучшив момент, неожиданно обрушились на отряд легата Гнея Фульвия. Легат тотчас послал к диктатору за помощью, а сам тем временем старался сдержать напор врагов. Получив известие о нападении, Валерий приказал выносить знамена, вооружаться и следовать за ним.

Гонец за гонцом доносили диктатору, что все этрусские легионы уже в бою и Фульвию не выдержать их напора; да и сам он, глядя с возвышения, понял, в какой опасности оказался отряд легата. И все же Валерий решил измотать врага как можно больше, чтобы со свежими силами напасть на обессиленных. Наконец нужный момент наступил. И вот разом конница римлян с громким криком обрушилось на врагов. За ней подоспела пехота. Обращенные в бегство, враги откатились к своему лагерю, но не смогли здесь удержаться и обратились в беспорядочное бегство. В этой битве вторично была сломлена мощь этрусков. Диктатор, потребовав годового жалованья и двухмесячного довольствия для войска, позволил им отправить послов в Рим просить о мире. В мире им отказано, а перемирие на два года даровано. Валерий с триумфом возвратился в Город.

Когда срок перемирия миновал, война возобновилась. Вести ее выпало консулу Титу Манлию [299 г. до Р.Х.]. Но сразу же после вступления консула в Эрутрию, во время конных упражнений его лошадь на всем скаку упала на спину и, сброшенный наземь, он разбился насмерть. Новым консулом все центурии объявили Марка Валерия Корва (это было его шестое консульство). Сенат повелел ему без промедленья отправляться к легионам в Этрурию. Появление консула поубавило этрускам дерзости, и уже никто из них не осмеливался даже выйти за укрепления. Разорив поля этрусков и спалив их кров, Валерий не мог все же выманить этрусков на

бой, хотя повсюду пылали и дымились не только отдельные усадьбы, но и множество целых деревень.

2) Начало Третьей Самнитской войны

В следующем году консулами были избраны Луций Корнелий Сципион и Гней Фульвий. Вскоре к ним явились посланники луканцев с жалобой на самнитов: не сумев уговорами склонить луканцев к военному союзу, самниты вторглись в их земли, чтобы одной войною принудить их к другой. Луканцы же, говорили послы, преисполнены решимости все вынести и все стерпеть, лишь бы не нанести ущерба римскому народу. Послы молили сенаторов принять луканцев под свое покровительство и защитить их от насилия и разбоя, чинимого самнитами.

Сенат совещался недолго; все сошлись на том, что с луканцами следует заключить договор, а от самнитов потребовать возмещения. Когда об этом решении стало известно самнитам, они отправили навстречу римским фециалам своих гонцов, которые строго запретили появляться им хотя бы в одном самнитском селении. В ответ римляне проголосовали за начало новой войны.

Консулы поделили меж собою военные области: Сципиону досталась Этрурия, Фульвию – самниты, и оба они отправились в разные стороны каждый на свою войну. Сципион ожидал затяжной войны, похожей на прошлогоднюю,

но у Волатерр путь ему преградил готовый к бою отряд. Битва продолжалась большую часть дня с немалыми для обеих сторон потерями, и когда наступила ночь, не было еще ясно, в чьих руках победа. Но наутро обнаружилось, что под покровом ночи этруски покинули свой лагерь.

Гней Фульвий тем временем дал под Бовианом в Самнии славное сражение, увенчавшееся несомненной победою. Потом он пошел приступом на сам Бовиан и захватил его, а немного спустя захватил и Ауфидену.

Перед консульскими выборами 297 г. до Р. Х. прошел слух, что этруски и самниты набирают огромные войска, и борьба с ними предстоит далеко не равная. И хотя консульства в тот год добивались прославленные мужи, но при такой опасности взоры всех обратились к Квинту Фабию, который вообще не искал должности. Побужденный в конце концов единодушием сограждан, он сказал: «Да будут угодны богам, квириды, и нынешние и грядущие дела ваши! И раз уж вы хотите, чтобы со мною все было по-вашему, то и сами окажите мне милость при выборах моего товарища. Я прошу вас сделать консулом вместе со мною Публия Деция – мужа, достойного вас, достойного и своего родителя». Представление сочли основательным, и все остальные центурии назвали консулами Квинта Фабия (в четвертый раз) и Публия Деция (в третий раз).

Пока новые консулы обсуждали, кто возьмет на себя самнитского противника, а кто – этруского, какие силы пона-

добыться для ведения той и другой войны и кому из вождей какая из войн больше подходит, из Сутрия, Непеты и Фалерий прибыли посланцы с донесением, что народы Этрурии совещаются, как бы добиться мира. Тогда было решено обрушить военный удар на Самний.

Достигнув вражеских границ, оба консула отпустили свои отряды грабить поля; лазутчики меж тем разбрелись еще дальше, чем грабители, так что врагам, собравшим свои силы у Тиферна в замкнутой со всех сторон долине, чтобы напасть сверху на римлян, едва они туда вступят, эта их ловушка не удалась. Укрыв обоз в безопасном месте и оставив при нем небольшой отряд, Фабий предупредил воинов, что надо ждать нападения, выстроил их в каре и подвел к засадам неприятеля. Тогда самниты потеряли надежду смутить римлян внезапностью нападения, а видя, что дело оборачивается открытым противоборством, и сами предпочли схватиться с врагом, как положено – в боевом строю.

Но даже в открытом бою они представляли для римлян известную опасность, потому что сюда были стянуты все поголовно бойцы из всех самнитских племен, а, может быть, еще и потому, что в решительной схватке мужество их удесятерилось. Видя, что враги стоят стеной, Фабий приказал военным трибунам – сыну своему Максиму и Марку Валерию, с которыми он выступил в первые ряды, отправиться к конникам и сказать, что пришла пора коннице спасать общее дело, и пусть они сегодня приложат все силы, чтоб сохранить

за собою славу непобедимого сословия. Однако оставались опасения, что даже этой испытанной силы будет недостаточно, поэтому Фабий решил прибегнуть к хитрости. Он приказывает легату Сципиону вывести из боя гастатов первого легиона и кружным путем, как можно незаметней, идти с ними к ближним горам; затем незаметно взобраться на горы и внезапно показаться в тылу у врага. Тем временем всадники под предводительством трибунов неожиданно выехали перед знамена, но среди врагов они произвели переполох не многим больший, чем среди своих. Стремительному натиску конных турм противостоял неколебимый строй самнитов, и нигде не удавалось ни потеснить его, ни прорвать. Когда эта попытка осталась безуспешной, всадники, отступив за знамена, покинули поле боя. Тут враги приободрились и перешли в наступление. В это время на горе показались знамена и раздался боевой клич. Самнитов охватил страх. А тут еще и Фабий закричал, что это идет к ним его товарищ, Деций. Воины зашумели в радостном возбуждении. Эта ошибка, счастливая для римлян, внушила самнитам ужас и желание спастись бегством: ничего ведь они так не боялись, как удара по ним, измотанным в сражении, свежего, нетронутого войска. Победа, таким образом, досталась римлянам, хотя врагов в сражении было перебито меньше, чем обычно, потому что в бегстве они рассыпались во все стороны.

После выборов 296 г. до Р. Х. прежним консулам было приказано вести войну в Самнии с продлением их военных

полномочий на шесть месяцев. Публий Деций не переставал опустошать поля, пока наконец не изгнал так и не давшее боя самнитское войско вон из его собственных пределов. Изгнанные самниты устремились тогда в Этрурию и потребовали созыва на совет этрусских старейшин в надежде, что, подкрепив просьбы страшным зрелищем огромной толпы вооруженных воинов, они скорее добьются успеха, чем неоднократно тщетными посольствами. Когда те собрались, самниты поведали, как долгие годы борются они с римлянами за свою свободу: все было испробовано, чтобы своими силами вынести столь тяжкое бремя войны; прибегали даже к помощи соседей, но не в самых крайних случаях; просили и мира у римского народа не в силах вести войну, но возобновляли ее, ибо мир оказывался для подневольных горше, чем война для свободных. Надежда осталась у них только на этрусков: им известно, что это самый сильный, многочисленный и богатый народ Италии; а соседи этрусков – галлы, от копья вскормленные, – по природе своей всем враждебны, римскому же народу особенно, ибо помнят с законной гордостью о пленении его и об откупе золотом. Если жив в этрусках былой дух Порсены и предков, тогда никаких нет препятствий тому, чтобы заставить римлян уйти со всех земель по сю сторону Тибра и бороться за жизнь, а не за непереносимое владычество их над Италией. А к услугам их самнитское войско, умелое и готовое тотчас следовать за ними хоть на приступ самого Рима.

По этому призыву множество племен в Этрурии поднялось на великую войну против римлян. Почти все этруски согласились участвовать в ней; зараза распространилась и на соседние народы Умбрии, а галлов привлекли на помощь платою. Все эти несметные полчища стекались к самнитскому лагерю.

3) Консульство Луция Волумния и Аппия Клавдия

Когда о самнитско-этрусском союзе стало известно в Риме, консул Луций Волумний со вторым и третьим легионами и пятнадцатью тысячами союзников был уже на пути в Самний. Второму консулу Аппию Клавдию, приказано было, не тратя времени, отправляться в Этрурию. За ним шли два римских легиона – первый и четвертый – и двадцать тысяч союзников. Этот скорый приход консула был полезен едва ли не больше, чем какие-то особо искусные или удачные военные действия, – ибо страх перед римлянами удержал некоторые из народов Этрурии, уже готовых взяться за оружие. Однако сражения он одно за другим давал в неудобных местах и в неподходящее время, а это обнадеживало врага, и он изо дня в день становился все упорней, так что войско уже теряло доверие к вождю, а вождь к войску.

Второй консул Волумний с успехом действовал в Самнии: захватил три крепости и перебил до трех тысяч вражеских

воинов. Получив известие о сложной ситуации в Эрутрии, Волумний немедленно двинул туда свои легионы, вызванный, как он утверждал, письмом самого Клавдия. Тот, однако, встретил товарища холодно и заявил, что никаких писем не посылал. Задетый его высокомерием, Волумний уже собирался отправиться обратно, но тут легаты и трибуны из Аппиева войска обступили консулов со всех сторон. Одни умоляли своего начальника не пренебречь добровольною помощью товарища, о которой следовало бы просить; другие преградили путь Волумнию, заклиная не предавать общего дела из недостойного соперничества с товарищем по должности; ведь случись теперь какое несчастье, бо; льшая вина падет не на брошенного в беде, а на бросившего. Тогда Волумний сказал, обращаясь к войску: «Если даже я неверно понял желание товарища, то о вашей воле сомнения не допущу: дайте криком знать, оставаться мне или уходить?» И тут грянул такой крик, что заставил врагов покинуть лагерь. Оружие расхватили и выстроились на равнине. Тогда и Волумний тоже приказал трубить к бою и выносить из лагеря знамена.

Волумний уже начал бой, когда Аппий еще не подошел к неприятелю, поэтому войска сошлись, не выровняв рядов, этруски стали против Волумния, а самниты вышли навстречу Аппию. Бой был упорный, но вскоре римляне опрокинули врагов и обратили их в бегство, ибо трудно было им противостоять силе, много превосходящей ту, с какою они

привыкли иметь дело.

4) Битва при Сентине

Победа консулов не привела к окончанию войны. После ухода из Эрутрии Волумниева войска этруски взяли оружие и начали призывать к восстанию и самнитского вождя Геллия Эгнация, и умбров, а галлов огромною мздой склонять к себе на свою сторону.

Из-за этого и ради проведения выборов (сроки уже подошли) консул Волумний был отозван в Рим. Прежде чем собрать центурии для голосования, он созвал народную сходку и долго рассказывал о тягостях этрусской войны: уже тогда, когда он сам вместе с товарищем вел там совместные действия, подобная война была непосильна для одного полководца и одного войска, а ведь с тех пор, говорят, добавились еще умбры и громадные полчища галлов; пусть же, говорил он, каждый помнит, что в этот день избираются консулы вести войну против четырех народов. И если бы не уверенность, что народ римский единодушно изберет консулом того, кто ныне сlyвет бесспорно первым из всех полководцев, он бы тотчас сам назначил его диктатором.

Ни у кого не было сомнений, что единогласное избрание предстоит Квинту Фабию. И он действительно в пятый раз занял эту должность. В товарищи ему опять избрали Публия Деция, который стал консулом в четвертый раз [295 г. до

Р.Х.]. Военные полномочия Луция Волумния были продлены еще на год. После выборов народ постановил, что войну в Этрурии следует без жребия поручить Фабия. Тотчас после избрания консул двинул послушное войско к крепости Ахарна, возле которой находился неприятель, и подошел к лагерю Аппия Клавдия. В нескольких милях от лагеря навстречу ему попались дровосеки с охраной. Завидев шествующих впереди ликторов и узнав, что Фабий стал консулом, они с бурной радостью возблагодарили богов и римский народ за то, что именно Фабия послали к ним военачальником. А когда, обступив со всех сторон, они приветствовали консула, тот спросил, куда они держат путь, и, услышав, что за дровами, сказал: «Быть этого не может! Разве у вас нет частокола вокруг лагеря?» И когда на это ему закричали, что есть и частокол двойной, и рвы, и все равно очень страшно, Фабий произнес такие слова: «В таком случае дров у вас хватает: ступайте и выдерните частокол». Те возвратились в лагерь и стали выдергивать там частокол, нагнав страху и на воинов, оставшихся в лагере, и на самого Аппия: каждый объявлял другим, что это делается по приказу самого Квинта Фабия. На другой день лагерь снялся с места, а претор Аппий был отослан в Рим.

С этого времени римляне нигде не разбивали постоянного лагеря. Фабий считал, что воинам вредно сидеть на одном месте: переходы и перемена мест делают их подвижней и крепче. Но переходы были, конечно, такими, какие возмож-

ны, когда зима еще не кончилась. А с началом весны, оставив второй легион возле Клузия и поставив во главе лагеря пропретора Луция Сципиона, сам Фабий возвратился в Рим для совещания о ведении войны. Представ перед сенатом и народом, консул дал понять, что положение в Эрутрии очень серьезно, и он готов принять помощь других военачальников. Вот почему не только оба консула отправились на войну с четырьмя легионами и многочисленной римской конницей, с тысячей снаряженных на эту войну отборных кампанских всадников и еще с войском союзников и латинов, превышавшим по численности римское войско, но и два других войска были поставлены для защиты от этрусков неподалеку от Города: одно у фалисков, другое близ Ватикана. Гней Фульвий и Луций Постумий Мегелл, оба пропреторы, получили приказ разбить в этих местах постоянные лагери.

Еще до возвращения консулов несметные полчища сенонских галлов, явившись к Клузию, осадили римский легион в его лагере. Сципион, стоявший во главе лагеря, решил, что малочисленность его воинов следует возместить выгодным положением, и повел войско на холм между городом и лагерьем. Но от поспешности он не разведдал толком дороги и взобрался на вершину, уже занятую неприятелем, поднявшимся с другой стороны. Так что на легион обрушился удар с тыла, и теснимые отовсюду воины оказались во вражеском кольце. Судя по некоторым сочинителям, пишет Ливий, легион там и погиб, причем не спасся ни один человек, чтоб

хотя бы сообщить об этом несчастье. Весть о нем дошла до консулов, бывших уже недалеко от Клузия, лишь когда они завидели галльских всадников: на груди их коней болтались головы, головы торчали на пиках, а сами всадники по своему обычаю горланили победные песни.

Перевалив Апеннины, консулы встретили противника в окрестностях Сентина. Там на расстоянии от него примерно в четыре мили разбили лагерь. Враги тем временем, посоветовавшись между собой, решили не смешиваться всем в одном лагере и не выходить на бой всем одновременно; самниты соединились с галлами, этруски с умбрами. Назначили и день битвы: самниты и галлы должны были завязать сражение, а этруски и умбры в разгар боя напасть на римский лагерь. Этим намерениям помешали, однако, три перебежчика из Клузия, пробравшиеся тайком под покровом ночи к консулу Фабию; узнав от них вражеский замысел, консулы отправили письменный приказ Фульвию и Постумию двигаться с войсками из Фалисской и Ватиканской округи к Клузию, беспощадно разоряя при этом вражеские земли. Слух об этих разорениях заставил этрусков поспешить из Сентинской округи на защиту своих владений. Тогда-то консулы и двинули войска, чтобы дать сражение в отсутствие этрусков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.